РОЗА ВЕТРОВ

КАК ВЫРАЗИТЬ СЛОВАМИ СТРАДАНИЯ МАТЕРИ, У КОТОРОЙ ОТНИМАЮТ ЕЕ ДИТЯ?

Шилпи Сомайя Гоуда

Тайная дочь

Юная Кавита в ужасе замерла, глядя на свое только что родившееся дитя. Год назад ее муж уже лишил жизни их новорожденную малютку. И вот несчастье — она опять родила девочку!

Обычаи и нравы индийской деревни жестоки: семья нуждается в сыновьях, будущих помощниках отцу в поле, а дочку воспринимают как лишний рот и обузу для всех. Но Кавита больше не позволит убить своего ребенка.

Любой ценой спасти драгоценный небесный дар! Не позволить крохотному сердцу навсегда замереть в груди! И Кавита принимает решение, ломающее ее жизнь на «до» и «после».

Все книги издательства «Аркадия» на www.labirint.ru

16+

ISBN 978-5-906986-40-5

9 785906 986405

СЕРИЯ РОЗА ВЕТРОВ

Шилпи Сомайя Гоуда

Тайная дочь

АРКАДИЯ
Санкт-Петербург
2019

УДК 821.111
ББК 84(7)
Г57

Shilpi Somaya Gowda
SECRET DAUGHTER

Перевела с английского
Елена Алешина

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Художник
Ирина Бабушкина

Гоуда Ш. С.
Г57 Тайная дочь : [роман] / Шилпи Сомайя Гоуда; [пер. с англ. Е. Алешиной]. — СПб. : Аркадия, 2019. — 432 с. — (Серия «Роза ветров»).

ISBN 978-5-906986-40-5

Возможно ли забыть дитя, которое носила под сердцем и рожала в муках? И что делать, если появление на свет девочки считается в твоей семье страшным несчастьем?

Пронзительная история о судьбах трех женщин, живущих в разных странах, но объединенных общей тайной. Тем, кто сумел побороть отчаяние и пережитки прошлого, выпадает редкая возможность все исправить.

УДК 821.111
ББК 84(7)

© Shilpi Somaya Gowda, 2010
© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление ООО «Издательство Аркадия», 2019

ISBN 978-5-906986-40-5

Пролог

Он держит в руке клочок бумаги и напряженно сравнивает нацарапанные на нем слова с красными буквами на дверной табличке. Несколько раз переведя взгляд с бумажки на дверь и обратно, он понимает, что не ошибся, и нажимает кнопку звонка. За дверью раздается пронзительное дребезжание. Пока тянется ожидание, он проводит рукой по медной пластинке, ощупывая пальцами четкие грани выпуклых букв. Дверь резко распахивается, он отдергивает руку, а затем достает и протягивает девушке, которая открыла дверь, еще одну записку. Прочитав, она поднимает на него глаза и пропускает в дом.

Легким кивком головы девушка приглашает его следовать за ней по коридору. Он идет, на ходу приглаживая седеющие волосы и проверяя, не задралась ли футболка на наметившемся животе. Они заходят в кабинет, и девушка указывает ему на стул. Он садится, сцепив пальцы.

Мужчина за столом пристально разглядывает его сквозь очки.

— Как я понимаю, вы кого-то ищете.

ЧАСТЬ I

1
НАЧАЛО СКОРБИ

Дахану, Индия, 1984 год

Кавита

В сумерках, как только появились первые тянущие боли, она, не сказав никому ни слова, пришла в заброшенную хижину. Здесь нет ничего, кроме коврика, на котором она лежит, подтянув колени к груди. Когда накатывает очередная волна боли, Кавита сжимает кулаки так, что ногти впиваются в кожу, а зубами закусывает веточку дерева. Стараясь дышать ровно, терпеливо ожидая, пока не отпустит схватка, она сосредоточенно смотрит на бледно-желтое пятно, пляшущее на земляном полу. Это свет масляной лампы — ее единственного товарища в эти темные ночные часы. Она пытается сдерживать крики, пока это возможно. И знает, что уже скоро, в нужный момент, ее услышат и сюда придет деревенская повитуха. Кавите остается лишь молиться, чтобы ребенок родился до рассвета, потому что муж редко просыпается до восхода солнца. Это первая из двух молитв, что Кавита возносит к богу, опасаясь просить большего.

Раздавшийся вдали басовитый раскат грома напоминает о дожде, который собирался весь день. Влажность

повисла в воздухе, и капельки пота выступают на лбу роженицы. Когда небеса наконец разверзнутся и хлынут потоки воды, станет легче. Запах муссонных дождей всегда казался Кавите особенным. В это время обычно пахнет сыростью и землей, словно почва, растущий на плантациях рис и дождевая вода смешались прямо в небе. Это запах новой жизни, принесенной дождями. Сквозь щели в двери ей видно, как низко нависают тучи.

Следующая сильная схватка начинается так внезапно, что у нее перехватывает дыхание. Сшитая из тонкого хлопка блузка, натянувшаяся на полной груди, темнеет от пота. В этот раз грудь увеличилась гораздо больше, чем в прошлый. Оставаясь с женой наедине, муж часто ворчливо выговаривал ей, чтобы прикрывалась лучше, но она слышала, как перед другими мужчинами он хвастался, сравнивая ее груди со спелыми дынями. Кавита благодарила небеса за то, что на этот раз ее тело выглядело совсем иначе, потому что муж и окружающие воспринимали это как знак того, что родится мальчик.

Вдруг Кавиту охватывает страх. Тот самый удушающий страх, который она чувствовала на протяжении всей беременности. *Что будет, если они ошиблись?* Ее вторая и гораздо более отчаянная молитва — просьба, чтобы ребенок не оказался девочкой. Она не вынесет этого снова.

***

Кавита не была готова к тому, что произошло в прошлый раз. Тогда муж ворвался в комнату всего через несколько минут после того, как повитуха перерезала пуповину. От него явственно исходил приторный запах браги из плодов чику. Когда Джасу увидел крохотное

тельце новорожденной девочки на руках матери, его лицо исказила гримаса ненависти и он отвернулся.

Кавита почувствовала, как зарождающаяся в ней радость сменилась замешательством. Она хотела сказать все, что ее переполняло. Столько волосиков... хороший знак. Но тут Джасу заговорил. Никогда раньше Кавита не слышала, чтобы он так ужасно ругался. Женщина была ошеломлена. Муж повернулся, и она увидела его красные от бешенства глаза. Он медленно приближался к ней и все качал головой. Измученная родами, потрясенная, Кавита ощутила неведомый ей прежде животный ужас.

Обессиленная и плохо соображающая, она слишком поздно заметила его резкое движение, которым он выхватил у нее ребенка. Кавита вся подалась вперед, вытянула руки и закричала громче, чем во время родов, когда голова ребенка разрывала ее плоть. Но повитуха удержала роженицу, и она не смогла остановить мужа. Джасу выбежал из дома под крики их дочери, хватающей первые глотки воздуха в этом мире. В тот миг Кавита поняла, что эти крики станут для ее малышки последними.

Повитуха мягко уложила женщину обратно.

— Пусть идет, детонька. Отпусти его. Все позади. Теперь тебе надо отдохнуть. Ты прошла свое испытание.

Следующие два дня Кавита провела на полу хижины, свернувшись калачиком на соломенном коврике. Она не решалась спросить, что сделали с ее дочкой. Утопили, задушили или просто оставили умирать от голода? В конце концов маленькое тельце сожгли, и уже ничто не напоминало о том, что малышка когда-то появилась на свет. Как и многие другие новорожденные девочки, первый ребенок Кавиты ушел в землю задолго до срока.

В те дни никто не навещал Кавиту, кроме повитухи. Она приходила дважды в день и приносила своей подопечной еду и чистые подкладные тряпки. Кавита выплакала все глаза от горя. Ей казалось, что в них не осталось ни слезинки. Но ее страдания стали еще невыносимее, когда спустя несколько дней после родов у нее появилось грудное молоко, ставшее горьким напоминанием об утрате. А еще через месяц стали выпадать волосы. С той поры всякий раз, когда она видела на улице ребенка, ее сердце замирало от боли.

Когда же Кавита вернулась домой, никто ей не посочувствовал. Она не услышала слов поддержки от родных, и соседи не подходили к ней с утешительными рукопожатиями. Родственники Джасу встретили ее презрительными взглядами и непрошеными советами, как в следующий раз зачать мальчика. Кавита давно свыклась с тем, что почти не управляет собственной жизнью. Девушку отдали замуж за Джасу, когда ей было восемнадцать, и она сразу же погрузилась в круговорот ежедневных хлопот: носила воду, стирала одежду и готовила еду. Весь день Кавита выполняла то, что требовал от нее муж. А когда они ночью ложились в постель, она снова должна была подчиняться его воле.

Но после расправы над ее первенцем Кавита стала вести себя смелее, пусть и самую малость. Негодуя на мужа, она добавляла побольше красного перца в его порцию и с затаенным удовлетворением наблюдала, как он на протяжении всего ужина трет лоб и вытирает нос. Когда Джасу приходил к ней ночью, она иногда отказывала ему, ссылаясь на женские дни. Каждый такой маленький бунт придавал ей уверенности в себе. И когда Кавита поняла, что снова беременна, то твердо решила, что на этот раз все будет иначе.

2
ЧИСТО

Сан-Франциско, Калифорния, 1984 год

Сомер

Сомер выпускает из рук медицинский журнал и хватается за живот. С трудом поднявшись с дивана, она плетется в ванную, держась за стены в длинном коридоре их квартиры, отделанной в викторианском стиле. Несмотря на острую боль, буквально сгибающую ее пополам, перед тем как сесть на унитаз, она поднимает платье и... видит алую струйку крови, стекающую по бледной коже бедра.

— Нет! О господи, пожалуйста, не надо!

Ее мольба тиха, но касается самого важного. Однако рядом нет никого, кто мог бы ее услышать. Сомер сдвигает ноги и задерживает дыхание. Надо посидеть как можно спокойнее, может быть, кровотечение остановится. Но нет. Сомер закрывает лицо руками, и слезы струятся между пальцами. Она смотрит, как кровь окрашивает воду в унитазе в красный цвет. Ее плечи содрогаются от всхлипываний, которые становятся все громче и протяжнее, пока она не начинает биться в рыданиях. Когда спазмы немного отпускают, ей удается позвонить Кришнану.

Вернувшись домой, он застает Сомер скорченной на их огромной кровати с пологом. Между ног у нее зажато полотенце некогда роскошного цвета французской ванили. Это полотенце подарили им на свадьбу пять лет назад. Они вместе выбрали этот оттенок. Не просто белый, как в больнице, и не скучный бежевый, а элегантный сливочный. Теперь оно насквозь пропитано кровью.

Крис садится на край кровати и кладет руку ей на плечо.

— Это точно? — мягко спрашивает он.

Она кивает.

— Все, как в прошлый раз. Схватки, кровотечение... — Сомер снова заливается слезами. — В этот раз больше крови. Наверное, потому, что я дольше его проносила...

Крис подает ей салфетку.

— Ладно, милая. Я позвоню доктору Хэйворту и спрошу, сможет ли он принять нас. Тебе что-нибудь нужно?

Он поправляет плед, укрывая ей плечи. Сомер качает головой и перекатывается на другую половину кровати, отвернувшись от Кришнана, который ведет себя скорее как врач, а не как муж, чья поддержка ей так необходима. Сомер закрывает глаза и трогает низ живота, как она делала бессчетное количество раз за день. Но сейчас жест, который обычно успокаивал ее, кажется наказанием.

***

Первое, что видит Сомер, когда открывает глаза, — это стойку капельницы рядом с кроватью. Сомер поскорее зажмуривается в надежде вернуть сон,

в котором она качает на качелях ребенка. *Кто это был, девочка или мальчик?*

— Все прошло хорошо, Сомер. Все чисто, и я не вижу причин, почему бы тебе не попробовать еще раз забеременеть через несколько месяцев. — Доктор Хэйворт в хрустящем белом халате смотрит на нее, стоя в ногах кровати. — Отдохни немного, а я снова приду проведать тебя перед выпиской.

Перед тем как уйти, он легонько похлопывает ее по накрытой простыней ноге.

— Спасибо, доктор, — раздается голос из другого конца палаты, и Сомер понимает, что Кришнан тоже здесь. Он подходит к кровати и, склонившись, кладет руку жене на лоб.

— Как ты себя чувствуешь?

— Чисто, — отвечает Сомер.

— Чисто? — повторяет он, сдвинув брови и наклонив голову.

— Он сказал «чисто». Доктор Хэйворт, сказал, что теперь у меня все чисто. Но как же тогда было до этого? Когда я еще была беременна?

Ее взгляд останавливается на люминесцентных лампах, гудящих над кроватью. *Девочка или мальчик? А глазки какого цвета?*

— Но, милая, он же только хотел сказать, что... Ты же сама знаешь, что он имел в виду.

— Да, я знаю, что он имел в виду. Он хотел сказать, что там больше ничего нет: ни ребенка, ни плаценты, ничего. Моя матка снова хорошая и пустая. *Чистая.*

В палату входит улыбающаяся медсестра.

— Пора принимать обезболивающее.

Сомер качает головой.

— Я не хочу.

— Тебе надо его принять. Ты будешь лучше себя чувствовать.

— Я не хочу лучше себя чувствовать!

Она отворачивается от медсестры. Им не понять, что она потеряла не просто ребенка. Она потеряла все. Имена, которые мысленно перебирала, лежа ночью в кровати. Образцы краски, подходящие для стен в детской, которые складывала в ящик письменного стола. Мечты о том, как она будет качать своего ребенка на руках, помогать ему делать домашние задания и подбадривать с трибуны школьного стадиона. Теперь ничего этого нет. Все растворилось в густом тумане. Они не понимают этого. Ни сестра, ни доктор Хэйворт, ни даже Кришнан. Все они видят в ней пациентку, за которой нужно ухаживать. Человеческий организм, который надо починить. Очередное тело для чистки.

* * *

Сомер просыпается и переводит больничную кровать в сидячее положение. Из телевизора в углу палаты звучит смех. Видимо, уходя в кафе перекусить, Кришнан оставил канал, по которому идет какая-то игра. Никогда в жизни Сомер не думала, что будет так неуютно чувствовать себя в своей больнице — месте, где проработала целых пять лет. А ведь ее всегда охватывало волнение, когда она шла по стерильным коридорам и слышала жужжание динамика больничного радио под потолком. Переодевание в белый халат и поиск карты пациента вселяли в нее уверенность. Это было особое чувство, роднившее ее с Кришнаном, — чувство нужности и власти, которыми наделен врач. То, что произошло, отдалит их с мужем друг от друга. Она это

знает. Как ей не хочется быть пациенткой, до чего же бесит невозможность что-то исправить!

Сомер не должна была оказаться здесь в таком положении. Она заранее выбрала эту больницу из-за ее специализации на акушерстве. Восемь тысяч родов в год. Двадцать младенцев родилось только за сегодняшний день, в то время как ее собственного ребенка выскребли из ее тела. У каждой женщины в этом боксе есть малыш, который спит с ней рядом в кроватке. Почему у других это так просто? У мамочек, с которыми она каждый день беседует во время приема, у друзей, даже у той идиотки в телеигре, передающей привет своим детям, которые сейчас смотрят телевизор?

Может быть, природа хочет ей о чем-то сказать? *Возможно, я просто не создана для того, чтобы стать матерью.*

3
БОЛЬШЕ НИКОГДА

Дахану, Индия, 1984 год

Кавита

Новая схватка. Она идет откуда-то глубоко изнутри, постепенно нарастает и превращается из вялого листа с обмякшими краями в зазубренное лезвие. Кавита уже не успевает отдыхать между накатывающими схватками. Бедра сводит судорогой, в спине что-то пульсирует. Она уже не может не кричать, и издаваемый женщиной звук не походит на человеческий голос. Тело больше не принадлежит ей. Им завладело высшее начало, которому подвластны земля, деревья и воздух. Внезапная вспышка молнии освещает черное небо, и раскат грома сотрясает землю, на которой она лежит. Когда зубы ломают зажатую во рту ветку, Кавита чувствует горький вкус свежей древесины. Последнее, что она помнит, — это разливающееся по телу влажное тепло.

Снова открыв глаза, Кавита видит повитуху, которая разводит в стороны и сгибает в коленях ее ноги, а потом усаживается между ними.

— Бети, надо было позвать меня раньше. Я бы пришла. Сколько ты лежишь тут одна? Уже показалась головка ребенка. Теперь недолго осталось. Совсем недолго. Во второй раз гораздо... — Она умолкает.

— Дайджи, послушай меня! Что бы ни случилось, ты не должна допустить, чтобы муж забрал ребенка. Пообещай мне. *Обещай!* — неистово кричит Кавита.

— Ханджи, конечно, как пожелаешь, — говорит повитуха. — А теперь, детонька, пора тужиться.

Она права. Кавита несколько раз напрягается — и слышит долгожданный крик младенца. Повитуха быстро обтирает и заворачивает новорожденного в пеленку. Кавита с трудом приподнимается, убирает с лица мокрые пряди волос и берет ребенка на руки. Она гладит спутанные темные волосики и удивляется тому, что хватающие воздух пальчики такие маленькие. Мать подносит к лицу маленькое тельце, упиваясь младенческим запахом, и прикладывает ребенка к груди. Когда малыш начинает сонно причмокивать, Кавита медленно разворачивает пеленку.

Никто не услышал мои молитвы. Она закрывает глаза и содрогается от слез, не издавая ни звука. Наклонившись вперед, Кавита хватает повитуху за руку и шепчет:

— Дайджи, никому не говори. Беги скорее, приведи сюда Рупу. *И больше никому не говори*, ты поняла?

— Ханджи, конечно, моя детонька. Уже иду. Да благословят боги тебя и твоего ребенка. Теперь тебе надо отдохнуть. А я принесу поесть.

Повитуха уходит в темноту ночи. На секунду она нагибается, поднимает бидончик со всем необходимым и покидает Кавиту.

* * *

Как только в хижину попадают первые лучи солнца, Кавита просыпается, и к ней возвращается пульсирующая боль в области таза. Повернувшись, она видит рядом с собой мирно сопящего младенца. От голода

у женщины урчит в животе. Кавита понимает, что очень проголодалась. Тогда она пододвигает к себе стоящую рядом плошку дала и рис и начинает есть. Насытившись, по-прежнему обессиленная женщина снова ложится и слушает, как просыпается деревня.

Вскоре со скрипом открывается дверь, и в хижину врывается яркий солнечный свет. Входит Джасу. Глаза его горят.

— Ну, где он?

Муж двигает руками, как будто манит кого-то к себе.

— Где мой маленький принц? Ну же! Дай мне на него взглянуть!

Он приближается к жене, протягивая руки.

Кавита деревенеет. Она прижимает малышку к груди и пытается сесть.

— Она здесь. Твоя маленькая принцесса здесь.

Кавита замечает, как муж мрачнеет. У нее дрожат руки, когда она пытается покрепче обхватить сверток и защитить малышку.

— Арре! Опять девчонка? Да что с тобой? Дай посмотрю!

— Нет! Не дам! Ты ее не тронешь.

Она слышит свой громкий голос и чувствует, как напряглось все тело.

— Это мой ребенок. Наш ребенок. И я не позволю тебе забрать ее.

Женщина видит, что муж в замешательстве, его взгляд блуждает по ее лицу. Еще никогда и ни с кем Кавита не говорила с таким вызовом.

Джасу делает несколько шагов в ее сторону, его взгляд смягчается. Он встает на колени рядом с ней.

— Послушай, Кавита, ты ведь знаешь, что мы не можем оставить этого ребенка. Нам нужен мальчик,

который бы стал помощником на плантациях. Мы с трудом сможем содержать одного ребенка, чего уж говорить о двоих? Дочери моего двоюродного брата двадцать три года, и она до сих пор не замужем, потому что он не может обеспечить ее приданым. У нас небогатая семья. Ты же понимаешь, мы просто не можем себе этого позволить.

Слезы опять подступают к глазам Кавиты, женщина трясет головой до тех пор, пока они не скатываются по щекам. У нее перехватывает дыхание, крепко зажмурившись, она делает несколько вдохов. Затем открывает глаза и смотрит на мужа в упор.

— На этот раз я не дам тебе ее забрать. Не позволю.

Кавита выпрямляется, несмотря на ужасную боль в теле.

— Если ты попробуешь, если ты только *попробуешь* сделать это, тебе придется сначала убить меня.

Сидя на полу, она подтягивает к себе колени. Краем глаза Кавита видит дверь и представляет, как делает пять быстрых шагов до нее. Усилием воли она заставляет себя остаться на месте и не отводить от Джасу неистового, твердого взгляда.

— Кавита, перестань. Ты плохо соображаешь. Мы не можем оставить ребенка. — Джасу воздевает руки к небу. — Она будет обременять нас и тянуть соки из нашей семьи. Разве ты этого хочешь?

Мужчина встает так, чтобы снова возвышаться над женой.

У Кавиты пересыхает во рту. Она подбирает слова, стремясь выразить мысль, которая оставалась в глубине сознания.

— Дай мне ночь. Всего одну ночь с моим ребенком. А завтра ты придешь за ней.

Джасу молчит, уставившись на свои ноги.

— *Пожалуйста!*

В висках стучит все громче. Ей нестерпимо хочется закричать что есть мочи и заглушить этот стук.

— Это наш ребенок. Мы вместе сотворили ее. Я выносила ее. Дай же мне провести всего одну ночь с ней, прежде чем ты заберешь ее у меня.

В этот момент ребенок просыпается и начинает плакать. Джасу сразу приходит в себя. Кавита прикладывает малышку к груди, и между мужем и женой опять повисает тишина.

— Джасу, — произносит Кавита. Она крайне редко называет мужа его первым именем, и то, что сейчас она назвала его именно так, подчеркивает всю серьезность ее намерений. — Послушай же меня. Если ты не согласишься даже на это, клянусь, я сделаю так, что у меня никогда больше не будет детей. Я изувечу себя и не смогу родить тебе еще одного ребенка. Никогда! Ты понимаешь? Что тогда будет с тобой? Где ты найдешь другую жену в твоем возрасте? Кто подарит тебе твоего бесценного сына?

Кавита смотрит на мужа до тех пор, пока он не отводит взгляд.

4
ЛЕГКО И ПРОСТО

Сан-Франциско, Калифорния, 1984 год

Сомер

— Здравствуйте! Я доктор Уитман.

Сомер входит в небольшую приемную, где ее ждет женщина, которая не может совладать с размахивающим ручками младенцем.

— Что у нас случилось?

— Со вчерашнего дня он какой-то плаксивый, раздражительный. Я никак не могу его успокоить. Мне кажется, у него температура.

Женщина одета в заляпанную толстовку и джинсы, ее волосы собраны в неопрятный хвост.

— Давайте посмотрим.

Сомер заглядывает в медицинскую карту.

— Майкл, хочешь, покажу тебе свой красивый фонарик?

Она несколько раз включает и выключает диагностический фонарик, пока малыш не начинает тянуть к нему ручки. Сомер улыбается и широко открывает рот. Когда мальчик повторяет ее мимику, она вставляет ему в рот шпатель.

— Он нормально ест и пьет?

— Да, как мне кажется... Просто я не совсем понимаю, как должно быть, потому что он у нас всего несколько недель. Мы усыновили его в шесть месяцев.

Неожиданная улыбка гордости на лице женщины практически скрывает следы усталости под глазами.

— Хм... А ну-ка, дружочек, хочешь поиграть с палочкой?

Сомер отдает малышу шпатель, быстро подбирает брошенный диагностический фонарик и светит им в каждое ушко.

— И как вам?

— Он быстро привык и теперь постоянно просится на ручки. Мы очень друг к другу привязались, правда, малыш? Даже несмотря на то, что ты трижды просыпался прошлой ночью, — говорит мать, трогая пухлый животик мальчика пальцем. — Что правда, то правда.

— Что это у нас тут? — Сомер ощупывает лимфоузлы.

— Это сложно понять, пока сама не испытаешь. Это самая сильная любовь на свете.

Сомер чувствует знакомый укол в средце. Она отрывает взгляд от стетоскопа, который прикладывала к спине мальчика, и улыбается матери малыша.

— Ему повезло с вами.

Доставая из кармана блок рецептурных бланков, Сомер говорит:

— Что ж, у него достаточно сильное воспаление в правом ухе. Но второе ушко пока чистое, в легких все хорошо. Вот эти антибиотики должны помочь, уже сегодня ночью ему будет гораздо лучше.

Она успокаивающе касается руки матери, отдавая рецепт.

Поэтому Сомер и любит свою работу. Она входит в комнату, где ее ждут плачущий ребенок и его

взволнованная мать, и знает, что после этого визита им обоим станет легче. В первый раз она успокоила плачущего ребенка еще во время учебы. Девочке-диабетику с плохими венами нужно было сделать анализ крови. Сомер взяла ее за руку и попросила описать бабочек, которых она увидит, когда закроет глаза. Девушке удалось взять кровь с первой попытки и перевязать ребенку руку до того, как та закончила описывать крылышки. Однокурсники Сомер, изо всех сил старавшиеся откреститься от крикунов, были под впечатлением. А она была польщена.

— Спасибо, доктор, — с облегчением говорит женщина. — Я так волновалась. Очень тяжело, когда не понимаешь, что с ним. Он как шкатулочка с секретом. Каждый день я узнаю о нем чуть больше и разгадываю новую загадку.

— Не переживайте, — говорит Сомер с улыбкой, берясь за дверную ручку. — Все родители чувствуют примерно одно и то же независимо от того, каким образом у них появился ребенок. Пока, Майкл!

Сомер возвращается в кабинет и закрывает дверь, хотя ее рабочий день закончился еще двадцать минут назад. Она убирает на место инструменты, садится за стол и роняет голову на руки. На столе стоит пластиковая модель человеческого сердца, которую Кришнан подарил ей к окончанию медицинского университета.

— Дарю тебе свое сердце, — сказал он. Его слова прозвучали совсем не банально, не так, как если бы их сказал кто-то другой. — Береги его.

* * *

Они встретились почти десять лет назад под унылыми желтыми лампами медицинской библиотеки

Стэнфорда. Оба проводили там вечера не только в будние дни, как все их однокурсники, но и по пятницам, вместо ужинов в кафе, и даже по выходным, когда товарищи по учебе уходили куда-нибудь в поход. Таких, как они, завсегдатаев библиотеки было человек десять. Это были самые прилежные и трудолюбивые студенты. Оглядываясь назад, Сомер понимает, что все они пытались кому-то что-то доказать.

Окружающие считали Сомер странной. Одногруппники не воспринимали ее всерьез из-за хипповатого имени и светлых волос с пепельным оттенком. Это ужасно раздражало Сомер, но со временем она привыкла. И когда преподаватель по химии предложил освободить ее от проведения практики, потому что этим может заняться другой студент, она просто проигнорировала прозвучавшее предложение. Сомер смирилась с тем, что окружающие постоянно недооценивают ее, и научилась использовать заниженные ожидания других как топливо для своих амбиций.

— Сомер, как «лето» по-английски? — спросил Кришнан, когда она представилась. — Зима, весна и все в этом духе?

— Не совсем, — улыбнулась Сомер. — С, О, М, Е, Р. — Она сделала паузу, чтобы Кришнан успел переварить сказанное. Ей нравилось быть не такой, как все. — В нашем роду так звали многих женщин. А ты? Крис?

— Ну... В моем случае Крис — это сокращенный вариант от Кришнан. Но ты можешь звать меня Крис.

У Сомер перехватило дух от его британского произношения, казавшегося таким светским в отличие от ее невзрачного калифорнийского выговора. Девушке нравилось слушать, как он отвечает на занятиях. Ее пленял

не только его очаровательный акцент, но и неизменная безупречность ответов. Некоторые сокурсники считали Кришнана заносчивым, но Сомер всегда привлекали люди с высокими умственными способностями.

А на весенней вечеринке у Габи она обратила внимание на его ямочки на щеках. Сомер тогда медленно потягивала тропический коктейль с ромом. Она знала, что от таких напитков можно опьянеть медленно и незаметно. К тому моменту, как Крис оказался возле нее, он, по-видимому, выпил уже несколько бокалов.

— Я слышал, Мейер и тебя пригласил поработать летом в лаборатории? — У парня уже слегка заплетался язык, когда он, сидя нога на ногу в белом пластиковом кресле, наклонился к ней.

Его тоже пригласили?! У Сомер слегка подпрыгнуло сердце. Приглашение от профессора Мейера было самой большой и желанной наградой для первокурсника.

— Да. Тебя тоже? — поинтересовалась Сомер, стараясь, чтобы голос прозвучал как можно более равнодушно. Она почувствовала, что взгляд Кришнана задержался на вырезе ее блузки в стиле кантри, и порадовалась, что успела заскочить домой переодеться.

Он покачал головой и сделал еще один большой глоток розового напитка.

— Нет. Летом я поеду домой в Индию. Это мой последний шанс побывать там до выбора дисциплин. Мама мне голову оторвет, если я не приеду. — И когда он улыбнулся, появились эти ямочки. Сомер почувствовала, как от низа живота до макушки прокатилась приятная волна, и засомневалась, не слишком ли много она уже выпила. Девушка боролась с искушением

пригладить выбившуюся и упавшую ему на глаза прядь черных волос, из-за которой он стал похож на маленького мальчика. Как Кришнан позже признался Сомер, в тот вечер его заворожили ее зеленые глаза, блестевшие в свете декоративных факелов, и то, как она смеялась над каждым его словом.

Они стали заниматься вместе каждый вечер, натаскивать и подзадоривать друг друга перед экзаменами. Крис наслаждался интеллектуальными поединками с Сомер и, казалось, не возражал против того, чтобы порой она выигрывала. В этом он в корне отличался от ее бывшего парня, который сбежал после двух лет совместной учебы и подготовки к вступительному экзамену по медицине из-за того, что его девушка поступила в Стэнфордский университет, а он не смог. Прошло много времени, прежде чем Сомер поняла, что не ей надо было пережавать по этому поводу.

Сомер с радостью делила с Кришнаном тяготы студенческих будней. Но больше всего девушке нравилось слушать его голос, когда он ночами рассказывал ей, как скучает по оставшимся на родине братьям или прогулкам с отцом вдоль океана.

— Расскажи, каково это? — не раз просила его Сомер. Индия очень занимала ее. Она представляла себе раскачивающиеся на ветру высокие кокосовые пальмы, теплый морской бриз и экзотические фрукты. Сомер никогда не была за границей, если не считать поездок в Канаду к бабушке с дедушкой. Ей всегда хотелось иметь большую семью, такую, как описывал Кришнан: двух родных братьев, с которыми они были бы неразлучны, и кучу двоюродных. Народу у них хватало на целую команду для импровизированных матчей в крикет во время семейных торжеств. Как единственный

ребенок в семье, Сомер сохранила особые отношения с родителями, но она не могла избавиться от чувства, что из-за отсутствия братьев и сестер она чего-то недополучила в жизни.

Первые годы учебы жизнь была безоблачной. Их окружали друзья, все они преследовали общие цели. Это были скромные студенческие будни. Все вокруг постоянно учились, и мира за границами кампуса Стэнфордского университета просто не существовало. Война во Вьетнаме закончилась, президент Никсон сложил полномочия, и началась эпоха свободной любви. Сомер часами демонстрировала Кришнану, как водить машину по правой стороне дороги. Позже Крис говорил девушке, что она не заставляла его смущаться своей непохожести, и он это высоко ценил. Но сама Сомер считала, что у них с Кришнаном больше сходств, чем различий. Ведь она была женщиной в мире мужчин, а он был иностранцем в Америке. И прежде всего они оба были грызущими гранит науки студентами-медиками.

Сомер по уши влюбилась в Криса еще до первых экзаменов. Впервые что-то произошло в ее жизни без особых усилий с ее стороны. И очень скоро они уже не представляли себе будущего друг без друга. На последнем курсе парочка начала обсуждать направления, по которым каждый из них должен был пойти учиться после получения диплома: она выбрала педиатрию, он — нейрохирургию. В Калифорнийском университете в Сан-Франциско были сильные программы ординатуры по обоим направлениям, но и конкурс был высоким.

— На что мы можем рассчитывать? — спросил Кришнан у Сомер.

— Даже не знаю. По моей программе шесть мест и где-то пятьдесят кандидатов. Получается, мои шансы — десять процентов. У тебя явно еще ниже.

— А что, если нам попробовать подать общее заявление? — предложил Кришнан. — Как паре. Как семейной паре.

Сомер взглянула на него.

— Я думаю... вероятность поступить стала бы выше. Погоди... Так ты этого хочешь?

Тень улыбки пробежала по лицу Кришнана, и он пожал плечами.

— Ну да, а ты разве нет?

— Да, — сказала Сомер и тоже улыбнулась. — Я помню, что мы уже говорили об этом, но чтобы прямо сейчас...

— Ну, это имеет смысл. Тебе не кажется? Если мы оба уверены, что хотим этого, значит, это всего лишь вопрос времени.

Он взял ее руки в свои и заглянул в глаза.

— Что касается меня, то я уверен. Прости, что не приготовил ничего, чтобы соблюсти формальности. Я понимаю, это не самое романтичное предложение руки и сердца, — сказал Кришнан и снова улыбнулся.

— Да все хорошо, — сказала Сомер. — Мне ничего такого и не нужно.

— Я знаю.

Он поцеловал ее руки.

— За это я тебя и люблю!

Они быстро съездили в административный центр округа и договорились, что настоящую свадьбу устроят позже. После окончания университета, стремясь начать новую главу в жизни, они вместе отыскали небольшую

квартирку рядом с больницей при Калифорнийском университете.

* * *

Раздается громкий стук в дверь.

— Доктор Уитман?

— Да-да.

Сомер ставит на место модель человеческого сердца и поднимается из-за стола.

— Уже иду.

5
ДОЛГАЯ ДОРОГА

Дахану, Индия, 1984 год

Кавита

Едва забрезжил утренний свет, как Кавита и Рупа вышли из деревни. Шрамы Кавиты совсем свежие, тело еще восстанавливается. Но несмотря на беспокойство сестры, она твердо намерена отправиться в дорогу.

Вчера Кавита упросила Рупу показать ей расположенный в городе детский приют. За шесть лет Рупа уже родила четверых детей. Поэтому, когда появился пятый, она отыскала сиротский приют в Бомбее. Кавита знала об этом, хотя в деревне ни о чем не говорили. Рупа согласилась помочь сестре, хотя это было рискованно. Даже если женщины одолеют дорогу и не пропадут в городе, им придется столкнуться с гневом мужей после возвращения.

Уже достаточно тепло, вода почти впиталась в грунтовые дороги, и о дожде напоминают лишь редкие лужи на обочинах. Но к концу дня исчезнут и они, высушенные солнечными лучами. Пешком до города нужно идти несколько часов. Но женщинам улыбается удача: в соседней деревне их сажает на арбу мужчина, который везет в город урожай сахарного тростника.

Закрывая кончиками сари глаза и рты от летящих из-под копыт животных клубов пыли, сестры сидят между мешками из грубой джутовой ткани. Арбу сильно трясет, а жгучее солнце нещадно палит, поднимаясь в небо все выше.

— Бена, приляг ненадолго. Отдохни хоть чуть-чуть, — предлагает Рупа, протягивая руки, чтобы взять младенца. — Я подержу ее. Ну же, отпусти ее к маси, — говорит она и слабо улыбается сестре.

Кавита качает головой, не отрывая взгляда от простирающихся вдоль дороги полей. Она понимает, что Рупа пытается облегчить ее боль, которая только ждет ее впереди. Сестра рассказала, с каким трудом в прошлом году она отдала в приют собственного ребенка, хотя у нее уже было четверо детей. Она призналась Кавите, что не перестает ночами думать о том младенце, о своей кровиночке, оставленной неизвестно кому. Но Кавита не упустит ни мгновения из того недолгого времени, что дано ей провести с дочкой. В Бомбее она перенесет все уготованные ей муки, но не раньше.

* * *

Уже в детстве Кавита выделялась среди остальных детей своими взрослыми поступками. Вместо того чтобы резвиться под первыми струями муссонных дождей, она бежала снимать сушившееся на веревках белье. Когда они нашли на краю поля сноп срезанного сахарного тростника, Рупа ухватила столько, сколько могла унести, и жевала волокнистые стебли всю обратную дорогу. Кавита взяла всего один стебель, чтобы после обеда приготовить чай родителям. Когда настало время подыскивать Кавите жениха, ее родные сделали все, чтобы заурядная внешность не помешала ей устроить

жизнь. Тщательно подводя сестре веки черной сурьмой, Рупа напоминала:

— Не забудь, когда он придет, поглядывай на него мельком, так, чтобы не встретиться с ним взглядом, но чтобы он успел увидеть твои глаза.

Сестра надеялась, что потенциальный жених Кавиты будет пленен самым большим достоинством девушки — удивительными светло-карими глазами.

Но когда к ним приходили свататься, Кавита с трудом выдавливала из себя даже сдержанную, как ее учили, улыбку. И перспективный жених находил причины и отказывался от партии. Только когда родители наскребли для Кавиты несоразмерное с их доходом приданое, им удалось выдать дочь замуж. Они считали это своим долгом. И хотя с Джасу бывало сложно, Кавита понимала, что должна быть им благодарна. Другие мужья в деревне были ленивыми, били своих жен или спускали заработок на спиртное. Но ни одна девушка не пожелала бы стать старой бичари — бедной одинокой женщиной, лишенной мужского покровительства.

* * *

Каждая кочка, попадающая под колеса арбы на пыльной дороге, отдается простреливающей болью в тазу. Кавита истекает кровью с самого начала путешествия. Она украдкой вытирает складками сари стекающую по ноге кровь, чтобы Рупа ничего не заметила. Кавита понимает, что приют в городе — это единственная возможность для Уши жить дальше. «Уша» означает рассвет. Это имя пришло ей на ум в тихий предрассветный час, когда повитуха уже ушла. Оно звучало у нее в голове, пока она рассматривала малышку, стараясь запомнить мельчайшие особенности ее личика.

С первыми лучами солнца и криками петухов Кавита безмолвно дала своей дочери имя.

Глядя на ребенка, она размышляет о том, какая сила кроется в имени каждого человека. Когда она вышла замуж за Джасу, его родня дала ей имя Кавита. Вместе с деревенским астрологом они сочли его более подходящим, чем единственное имя, которое выбрали для нее родители, — Лалита. Среднее имя и фамилия давались девушке по отцу, и предполагалось, что жена поменяет их на имя и фамилию мужа. Кавита очень обиделась на Джасу за то, что он отобрал у нее даже первое имя.

Имя Уша Кавита выбрала сама, ни с кем не советуясь. Тайное имя для тайной дочери. При этой мысли женщина улыбается. Тот единственный день, проведенный с малышкой, был бесценен. Несмотря на изможденне, она не засыпала. Она не хотела упустить ни одного мгновения. Кавита крепко держала ребенка, наблюдала, как маленькое тельце поднимается и опускается вместе с ее собственными вдохами и выдохами, рассматривала едва наметившиеся бровки и складочки нежной кожи. Она укачивала крошку, если та начинала плакать. А в моменты, когда Уша не спала, Кавита безошибочно узнавала те же золотистые крапинки на радужной оболочке глаз девочки, что были у нее самой. Только у малышки они были еще прекраснее. Кавите не верилось, что она произвела это существо на свет, и не позволяла себе думать ни о чем, что ждало их дальше.

По крайней мере, эта малышка будет жить. У нее будет возможность вырасти, пойти в школу. Может быть, она даже выйдет замуж и родит детей. Кавита знает, что вместе с дочерью оставит в приюте всякую надежду на участие в жизни девочки и возможность оказать

материнскую поддержку. Уша никогда не узнает своих родителей, но она сможет жить. А это уже немало. Кавита стягивает со своего запястья один из двух тоненьких серебряных браслетов, которые носит постоянно, и надевает на щиколотку Уши.

— Прости, что не могу дать тебе большего, бети, — шепчет она, уткнувшись в пушистую головку дочери.

6
СПРАВЕДЛИВОЕ ДОПУЩЕНИЕ

Сан-Франциско, Калифорния, 1984 год

Сомер

Сомер хмурится, глядя на свое отражение в зеркале. Она поправляет юбку, которая, несмотря на усилия, все равно сидит слишком плотно. Талия и бедра так и не вернулись к прежним размерам даже спустя пару месяцев. Очередное жестокое напоминание о потере. Светлые волосы вяло лежат на плечах. Она уже забыла, когда последний раз мыла голову. Делая последнюю попытку исправить положение, Сомер сбрасывает сандалии на плоской подошве, надевает туфли-лодочки с ремешком на щиколотке и подкрашивает губы. *Если уж на душе отвратительно, то выглядеть так же совершенно ни к чему.*

Сомер подходит к дому. К перилам на крыльце привязаны две связки бледно-голубых воздушных шаров, сообщающих всем, что *это мальчик!* Женщина глубоко вздыхает и нажимает кнопку звонка. Почти сразу дверь распахивается, и перед Сомер предстает лучезарно улыбающаяся брюнетка в цветастом платье.

— Здравствуйте! Я Ребекка. Все зовут меня Бекки. Заходите. Можно я возьму?

Она протягивает руку к торчащей у Сомер из-под мышки коробке с буквами пастельных цветов.

— Это так волнующе для Габриэллы, не правда ли? — восклицает Бекки, хлопая в ладоши и слегка приподнимаясь на носочках. Сомер осматривается и видит, что в комнате много похожих на Бекки женщин с тарелками, на которых нарисованы голубые пинетки.

— Как вы познакомились с Габи? — спрашивает у Бекки Сомер, понимая, что не слышала полного имени подруги с первого дня учебы на медицинском факультете.

— О, мы просто соседи. Знаете, здесь прекрасное место для жизни с детьми. Гораздо лучше, чем в городе. Мы так обрадовались, когда Габриэлла и Брайан сюда переехали. Маленькому Ричарду будет с кем поиграть, — смеется Бекки и проводит рукой по волнистым коричневым волосам.

— А вы?

— Медицинский факультет, — отвечает Сомер. — Мы вместе учились.

В поисках пути к отступлению она замечает столик с чашей для пунша, наполненной подозрительной голубой жидкостью. Сомер вздыхает с облегчением, увидев идущую вперевалку Габи, и старается не обращать внимания на огромный живот подруги.

— Привет, Сомер! — говорит Габи, наклоняясь к Сомер боком и пытаясь обнять ее. — Спасибо, что проделала такой длинный путь к нам в пригород. Смотрю, вы уже познакомились с Бекки.

— Габриэлла, я только что рассказывала твоей подружке, как нам нравится жить в Марине, — вставляет Бекки. — Сомер, вы замужем?

— Да, она сжалилась над одним из наших сокурсников, скромным нейрохирургом, — отвечает за подругу Габи и подмигивает.

Сомер начинает готовиться к неизбежному и болезненному для нее вопросу, но его задают чересчур скоро.

— У вас есть дети?

Сомер с трудом сглатывает. Ей кажется, будто кто-то открыл у нее перед носом морозилку в жаркий день.

— Нет... пока, — произносит она, чувствуя, как перехватывает дыхание.

— О! Это очень плохо, — констатирует Бекки, скорчив на лице гримасу преувеличенной жалости. — Это действительно самое важное, что только может быть в жизни. Ну что ж, когда решитесь, переезжайте к нам.

Бекки уходит открыть кому-то дверь, и у Сомер перед глазами возникает картина, как она хватает эту женщину за волосы и яростно наматывает их на кулак.

— Сомер, прости, пожалуйста, — извиняется Габи и берет ее под локоть.

— Все в порядке, — отвечает Сомер, скрещивая руки на груди. Она чувствует, как к горлу подступает комок, а лицо заливает румяец.

— Я сейчас вернусь. Мне надо в ванную.

Она проскальзывает в коридор и выбегает на улицу, минуя дверь в ванную, запутывается в голубых шарах и быстро спускается по подъездной дорожке. Женщиа садится на бордюр. Она не может этого видеть, участвовать в конкурсе на поедание детского питания или в игре «какого размера у Габи животик». У нее нет сил смотреть, как все охают и ахают над каждой вещицей из младенческого гардероба. Она не хочет слышать, как другие женщины обсуждают растяжки и родовые схватки, будто совершают своеобразный обряд перехода.

Все ведут себя так, словно быть женщиной — значит обязательно быть матерью. Справедливое допущение. Она и сама так считала. Только теперь жизнь ясно дала ей понять, как она заблуждалась.

* * *

Первый выкидыш она приняла с облегчением. Они с Крисом были на тот момент женаты всего пару лет и продолжали учиться в ординатуре. Именно тогда две полоски на тесте на беременность стали поводом для семейных обсуждений. Сомер и Кришнан планировали отложить рождение ребенка до момента, пока она не закончит ординатуру по педиатрии и у кого-то из них не появится стабильный доход и наработанные часы практики. Поэтому, когда через несколько недель беременность оборвалась, они сошлись во мнении, что это даже к лучшему. Но после этой беременности, которая неожиданно наступила и так же внезапно закончилась, для молодой женщины все изменилось. Сомер поймала себя на том, что начала обращать внимание на будущих мам и их гордо выпяченные животы.

После выкидыша она стала винить себя за то, что с ней произошло. Как врач она понимала, что внутренние противоречия не могли стать причиной выкидыша. Но в учебниках по акушерству ничего не было сказано про огромное чувство утраты, которое заменяет собой развивавшегося в материнском чреве крошечного ребенка. Учебник не сообщал, что она будет чувствовать себя потерянной без того, о ком узнала всего месяц назад. После первой беременности в Сомер проснулась сильная тоска, которая, видимо, дремала в ней всегда. Родители дали девушке установку, что ее пол не должен мешать ее же стремлениям. Сомер занималась

карьерой и была абсолютно уверена, что она не такая, как остальные женщины. А теперь, впервые в жизни, почувствовала себя в чужом лагере.

Все свободное время Сомер проводила за медицинскими журналами, изучая вопрос деторождения и выявляя все возможные причины выкидышей, вела график овуляции и меняла рацион питания. Она докладывала обо всех своих открытиях Крису, но вскоре поняла по тусклому взгляду мужа, что ему это неинтересно. Он по-прежнему был в ординатуре по нейрохирургии и не понимал ее стремления забеременеть. К счастью, энергии Сомер хватало на двоих, поэтому она не придала особого значения тому, что впервые с момента знакомства они не пошли одной дорогой.

* * *

Теперь, вместо того чтобы пить голубой пунш, Сомер сидит в одиночестве на бордюре где-то в загородном захолустье и понимает, что тот день три года назад разделил ее жизнь на до и после. До первого выкидыша она была довольна своей работой, домом с видом на мост Золотые Ворота и друзьями, с которыми они с Кришнаном виделись по выходным. Всего этого было достаточно, чтобы чувствовать себя счастливой. Но после выкидыша она стала ощущать нехватку чего-то важного и значительного, чего-то такого, что затмевало все остальное. С каждым прожитым годом и каждым отрицательным тестом на беременность пустота в их жизни росла, пока не стала похожа на нежеланного родственника, вклинившегося между ней и Кришнаном.

Иногда ей хочется, чтобы наивное счастье их прежней жизни вернулось. Но чаще она мечтает двигаться дальше, туда, где никак не желает оказаться ее собственное тело.

7
«ШАНТИ»

Бомбей, Индия, 1984 год

Кавита

Когда хозяин арбы ссаживает Кавиту и Рупу в городе, солнце стоит высоко в небе, и сестры страдают от жажды и голода. Они тонут в шумном хаосе: сигналящие машины, орущие водители. На улице полно переполненных грузовиков, скота всех видов и мастей, дерзких велосипедистов, рикш и мотоциклистов. Сестры перекусывают одной на двоих порцией чаата и кокосового молока возле уличного лотка. По обеим сторонам улицы тянутся самодельные лачуги с жестяными гофрированными крышами. Возле жилищ сидят на корточках женщины и готовят пищу на небольших кострах, стирают одежду в ведрах с грязной водой.

Рупа спрашивает у торговца чаатом, как найти приют «Шанти». В ответ на вопрос Рупы он лишь качает головой, хотя и впускает двух босоногих женщин в деревенских одеждах в свою лавку. Тогда Рупа обращается к одному из водителей, лениво облокотившемуся на свой автомобиль. Мужчина сплевывает на дорогу остатки семян бетелевой пальмы и меряет Кавиту взглядом. Все начинают выяснять, не изуродован ли

младенец, нагуляла ли она ребенка или просто слишком бедна, чтобы оставить его себе. Наконец им на помощь приходит бородатый старик, жарящий на углу улицы арахис. Он рассыпает теплые орехи по газетным кулькам и в перерывах между выкрикиванием «Арахис, горячий арахис» рассказывает им, куда надо идти.

Рупа крепко держит Кавиту за руку и тащит за собой по забитым людьми тротуарам и улицам с оживленным движением. Кавита старается поспевать за сестрой и останавливается лишь раз, чтобы укачать малышку. Рупа смотрит на темнеющее небо и спешащих прохожих. Она наклоняется к сестре и говорит:

— Чалло, бена. Возьми ее вот так.

Сестра подсказывает Кавите, как держать девочку, чтобы можно было укачивать на ходу.

— Надо идти быстрее. Когда стемнеет, тут будет небезопасно.

Кавита подчиняется и ускоряет шаг. Она знает, что через несколько часов Джасу поужинает, посидит у костра, выпивая и раскуривая тонкие сигареты биди с другими мужчинами, и пойдет к ней. Она скажет, что ему не нужно беспокоиться о ребенке, потому что малышку забрали. Наверное, он рассердится. Возможно, даже побьет ее. Но это наказание не идет в сравнение с тем, что она уже выстрадала. Почти два часа Кавита с Рупой молчат. Наконец они подходят к двухэтажному облупившемуся зданию синего цвета. У ворот Кавита чувствует, как ноги наливаются свинцом, каждый шаг дается ей с трудом. Повернувшись к сестре, она трясет головой и повторяет: *«Най, най, най...»*

— Бена, ты должна, — мягко уговаривает Рупа. — Ты ничего не можешь поделать. Что тебе еще остается?

Рупа подводит сестру к двери и звонит. Все расплывается перед глазами, но Кавита различает, что на двери красными буквами написано «Шанти», то есть «покой». Дверь открывает согбенная старушка в линялом оранжевом сари с рисунком. В руках у нее веник.

Кавита видит, как Рупа разговаривает с пожилой женщиной, но не слышит ничего, кроме звона в ушах. *Кто позаботится о моей малышке? Эта женщина? Будет ли она любить Ушу?* Во рту у Кавиты сухо, словно туда насыпали песка. Старуха жестом приглашает сестер зайти и ведет их в конец коридора. У входа в кабинет стоит высокая женщина в синем шелковом сари.

— Спасибо, Сарладжи. Увидимся, — доносится мужской голос из глубины небольшого кабинета. Высокая женщина поворачивается, чтобы уйти. В приюте для сирот ее элегантное сари и бриллиантовые серьги смотрятся так же неуместно, как смотрелся бы бенгальский тигр. Увидев сестер, она улыбается, слегка кивает и проходит мимо.

В кабинете мужчина средних лет с копной черных волос на голове, прищурившись, смотрит через очки в роговой оправе на печатную машинку.

— Сагиб, — говорит Рупа, — мы принесли в твой приют ребенка.

Мужчина поднимает взгляд на дверь. Сначала он видит Рупу, потом замечает стоящую позади нее Кавиту, и наконец его взгляд останавливается на ребенке.

— Да-да, конечно. Садитесь, пожалуйста. Меня зовут Арун Дешпанде. Должно быть, вы проделали долгий путь, — говорит он, глядя на их потрепанный вид. — Хотите чаю или воды? — спрашивает господин Дешпанде, подавая знак старухе.

— Да, спасибо, — отвечает Рупа за обеих.

От этого небольшого проявления доброты Кавита начинает тихо плакать. Слезы катятся, оставляя на запыленных щеках две дорожки. Конечно, она очень хочет пить, еще бы ей не хотелось! Голова раскалывается от жары и голода. Ступни ноют от порезов и волдырей после долгого хождения по городу. Дорога, роды и несколько часов мучительных схваток до них совершенно вымотали ее. Последние несколько дней она мало спала. Кавита очень устала. Но еще больше за весь день ее вымотало одинаковое выражение на лицах людей и эти укоризненные взгляды.

— Всего несколько вопросов, — произносит господин Дешпанде и берет планшет-блокнот и ручку. — Имя ребенка?

— Уша, — тихо отвечает Кавита. Рупа оборачивается на сестру с грустью в глазах. Господин Дешпанде записывает.

— Дата рождения?

Это последние слова, которые Кавита успевает четко расслышать. Она покрепче прижимает к себе Ушу. Головка ребенка упирается ей в подбородок. Женщина слегка раскачивается. Где-то вдалеке она слышит, как Рупа отвечает на вопросы Дешпанде. Кавита закрывает глаза и плачет громче и громче, пока вопросы директора приюта и ответы Рупы не превращаются в глухое бормотание на заднем плане. Она почти забывает о существовании этих людей. Бедная женщина уже не понимает, где находится. Кавита продолжает рыдать и раскачиваться, забыв о непрерывной боли в тазу и кровоточащих, израненных ступнях, пока Рупа не начинает трясти ее за плечо.

— Бена, пора, — говорит Рупа, осторожно протягивая руки, чтобы взять у Кавиты ребенка. И теперь все,

что слышит мать, — это громкий плач. Она чувствует, как у нее вырвали Ушу, и крик ребенка заполняет все ее сознание. Кавита тоже начинает кричать. Она слышит, как плачет Уша, видит, как ругается Рупа, как движутся губы сестры, повторяя одно и то же. Потом она понимает, что сестра решительно уводит ее по коридору, держа за плечи. Несчастная женщина так и идет со сложенными на груди руками, которым уже некого держать. Когда металлические ворота с лязгом закрываются, Кавита все еще различает пронзительные рыдания Уши.

8
БЕЗ ВАРИАНТОВ

Сан-Франциско, Калифорния, 1984 год

Сомер

— Милая, ты меня слышала?

Супруги сидят на диване в гостиной лицом друг к другу, и Крис кладет руки жены себе на колени. Сомер пытается вспомнить, о чем только что говорил муж.

— Я сказал, что у нас есть и другие варианты.

Она оглядывается и замечает, что Крис зажег свечи и опустил шторы. Бутылка красного вина и два бокала стоят на кофейном столике рядом с толстым коричневым конвертом. За окном она слышит обычный для часа пик шум и звуки трамвая Муни Метро. *Давно ли это случилось? Неужели всего час назад мы сидели в кабинете врача?*

Сомер наконец настояла на походе к специалисту по зачатию. Она устала ждать милости от природы и больше не могла каждый месяц открывать бутылки красного вина в качестве утешительного приза за отрицательный результат теста на беременность. Если узнать, в чем проблема, рассуждала она, можно будет что-нибудь предпринять. Она подозревала, что дело

в ней. У Криса большая семья, и у каждого его брата уже есть по паре детей. А Сомер была единственным ребенком, хотя ее родители никогда не обсуждали с ней этот вопрос.

Сегодня днем на приеме у врача ей поставили диагноз, которого она ужасно боялась. *Дело было действительно в ней. Преждевременное угасание функции яичников.* Ранняя менопауза. Теперь все встало на свои места. Последний год у нее часто нарушался менструальный цикл: кровотечения то не было совсем, то начиналось очень обильное. Она списывала это на гормональные изменения на фоне ранних сроков беременности. Но оказалось, что все это время ее репродуктивная система медленно останавливала свою работу. Врач сказал, что менопауза окончательно наступит примерно через год. К тридцати двум годам она полностью лишится возможности рожать детей — единственного, что делало ее женщиной. *Кем же я стану тогда?* Всю жизнь она соревновалась с мальчиками, пытаясь компенсировать неравенство женского пола, и, как ей кажется теперь, тем самым испытывала судьбу.

— Ты подумала о том, что мы обсуждали? — спрашивает Крис. — Об усыновлении? Мама говорит, это не займет много времени. Возможно, даже меньше девяти месяцев, — говорит он, криво улыбаясь.

Крис присмотрел приют в Бомбее, которому покровительствует его мать. Процесс не должен затянуться, поскольку один из предполагаемых родителей — гражданин Индии и может подтвердить, что располагает достаточными средствами.

— Это не смешно. — Она откидывается на подушки. — Ты предаешь нас обоих.

— Нет, милая, я не...

— Тогда зачем ты к этому прицепился? Мы можем попытаться еще. Врач сказал...

— Что возможность ничтожно мала.

— «Мала» не значит «совсем отсутствует». — Сомер кладет руки на колени.

— Милая, но мы уже все попробовали. Доктор Хэйворт сказал, что тебе не очень подходит этот новый метод оплодотворения из пробирки. И даже если бы подходил, я не хочу, чтобы они ставили над тобой эксперименты. Родная моя, посмотри только, до чего ты дошла из-за всего этого. Так из нас не выйдет ничего хорошего. Ты ведь хочешь семью?

Она кивает, впиваясь ногтями в ладони, чтобы сдержать слезы.

— Так что ты можешь либо убивать себя, пытаясь забеременеть при крайне низких шансах на успех, либо мы можем начать процесс усыновления, и в этом случае уже в следующем году ты будешь качать на руках ребеночка.

Она снова кивает, закусив нижнюю губу.

— Но буду ли я принимать его как собственного ребенка?

— Послушай, семьи бывают разные. И не кровь объединяет людей. Неужели ты хочешь, чтобы у нашего ребенка был мой большой нос или чтобы он был левшой?

Крис улыбается, как делает всегда, когда хочет добиться своего. Но на сей раз Сомер не желает ему подыгрывать.

— Из тебя получится изумительная мама, Сомер. Просто позволь этому произойти.

Крис придвигается к жене поближе, пытаясь заглянуть ей в глаза, как будто рассчитывая найти в них ответ.

— Что скажешь?

Что я скажу? Она больше ничего не знает.

— Я об этом подумаю, ладно? Слишком уж много всего и сразу приходится осмыслить, — говорит Сомер, взмахнув рукой в сторону коричневого конверта. — А сейчас я пойду на пробежку, проветрю немного мозги. Хорошо?

Она встает, не дожидаясь ответа.

* * *

Сомер сбегает по ступенькам дома в сторону парка Золотые Ворота. Она не настроена на пробежку, но ей просто необходимо убраться из дома. Крис говорит об усыновлении уже несколько месяцев, а она все отбрыкивается. Сомер знает, что должна решиться, но ей тяжело отказаться от идеи завести собственного ребенка: вынашивать, рожать, нянчить, узнавать в нем свои черты. *Как я могу взять и наплевать на все это?* Крису проще. Это не он потерпел неудачу.

Запыхавшись, она подбегает к фонтану и понимает, что пробежала уже три мили. Обычно она пробегает две мили по кругу вдоль аллеи Кеннеди. Но сегодня ей хочется бежать до самого океана. Она останавливается, чтобы попить из фонтана. Струя воды сначала едва журчит, а потом бьет ей прямо в лицо. Мимо проплывают обычные для раннего вечера посетители: парень с дредами на скейте, команда велогонщиков, мамочки с колясками, детишки на велосипедах. Она бегает по этим дорожкам уже три года. Целых три года она пытается родить ребенка. Если бы ее первая беременность не прервалась, ребенок бы уже вовсю бегал. И она бы подталкивала его на трехколесном велосипеде, как эти женщины — своих детей.

Преждевременное угасание функции яичников. Глаза снова на мокром месте, но она быстро вытирает их рукавом кофты и опять пускается бежать. Ей всего тридцать один. Когда же она успела упустить свое время? Четыре года учебы на медицинском в университете, еще три — в ординатуре. Она просто делала то, что положено. Стать врачом — это все, чего Сомер хотела в жизни. Но только до недавнего времени. Откуда ей было знать, что организм так ее подведет? Истина ошеломляет, словно струя воды из фонтана вновь окатила ее. Крис прав. И врач тоже прав. Она уже знает ответ и не может ничего изменить.

* * *

Когда Сомер возвращается домой, Криса уже нет. Из записки на кофейном столике она узнает, что его вызвали в больницу. Сомер усаживается на холодный пол из твердого дерева и вытягивает ноги буквой V. В глубокой растяжке она наклоняется вперед, и, как только кончик носа касается колена, рыдания начинают нещадно душить ее. От слез перед глазами плывет выложенный паркетом рисунок. Наружу вырываются глухие страшные завывания. Рыдания копятся и набирают силу. Сомер до определенного момента засовывает их поглубже в себя по сто раз на дню, когда слышит детский голосок или осматривает маленького пациента. Как правило, ее прорывает, когда она меньше всего этого ждет и ничем серьезным не занимается: моет кофейную кружку, развязывает шнурки или расчесывает волосы. В такие минуты ничего не подозревающая Сомер уже не может справиться с потоком рвущихся из самых потаенных и неведомых уголков души слез.

* * *

После душа Сомер садится на диван и замечает, что бутылка вина уже откупорена. Она наливает себе бокал, берет коричневый конверт, который прислала мать Криса, и достает из него брошюры. Сомер начинает читать и узнает, что в детских приютах Индии многие дети на самом деле не сироты. Их приносят родители, которые не могут или не хотят их воспитывать. Детям разрешено жить в приюте до шестнадцати лет. Потом им приходится покинуть приют, чтобы освободить место для других. *До шестнадцати?*

Она снова слышит слова Криса: *«Из тебя получится изумительная мама. Просто позволь этому произойти»*.

9
УТЕШЕНИЕ

Дахану, Индия, 1985 год

Кавита

Кавита поднимается еще до рассвета, как делает каждое утро в течение последних нескольких месяцев. Пока все спят, она моется и совершает пуджу. С момента возвращения из Бомбея эти ранние часы стали ее единственным утешением.

После того как они с Рупой побывали в приюте, Кавита сделалась угрюмой и отрешенной. С Джасу она едва разговаривала и отвергала его, когда бы он к ней ни прикоснулся. В первое время после свадьбы некоторая неловкость между ними была естественной. Но сейчас супруги избегали общения, потому что знали друг о друге слишком много.

После того как Кавита лишилась двоих детей, она начала испытывать к мужу только глубокую обиду и недоверие. Ей хотелось, чтобы он тоже почувствовал те стыд и скорбь, что она принесла с собой из Бомбея вместо Уши. Кавита также понимала, что своим открытым неповиновением мужу, отказом от интимной близости она сумела показать Джасу силу своей власти. И через несколько месяцев он не без усилий над

собой предоставил ей личные время и пространство. Это стало первым проявлением уважения по отношению к жене за четыре года их брака. Родня Джасу на такие уступки не пошла. Их скрытое разочарование переросло в безжалостное осуждение Кавиты за то, что она не может родить мужу сына.

Кавита выходит из дома, расстилает коврик на жестких каменных ступенях и садится лицом к восходящему на востоке солнцу. Она поджигает пропитанный маслом гхи фитилек и тонкую палочку благовоний, закрывает глаза и молится. Ароматный дымок медленно поднимается в воздух, окутывая Кавиту. Она глубоко вдыхает его и, как всегда, думает о двух малышках, которых потеряла. Женщина звонит в миниатюрный серебряный колокольчик и тихонько поет мантру. Перед ее глазами встают лица дочек, она видит их маленькие тела, слышит плач и чувствует, как крошечные пальчики обхватывают ее пальцы. Каждый раз она слышит отчаянный крик Уши за закрытыми дверями приюта. Кавита позволяет себе раствориться в своем горе. Почитав мантры и поплакав некоторое время, она представляет, что с ее малютками все хорошо, где бы они ни находились. Уша предстает в ее воображении маленькой девочкой с двумя косичками, перевязанными белыми лентами. Мать ясно видит, что девочка улыбается, бегает и играет с другими детьми, ест и спит в приюте со всеми.

Каждое утро женщина сидит с закрытыми глазами в одном и том же месте возле дома до тех пор, пока буря чувств не достигает своего пика, а потом снова не успокаивается. Она ждет, чтобы дыхание выровнялось, а затем открывает глаза. Ее лицо залито слезами, а палочка благовоний превратилась в маленькую кучку пепла. Солнце оранжевым шаром встает из-за

горизонта, и деревня оживает. Кавита заканчивает пуджу, прикасаясь губами ко второму серебряному браслету на запястье, пытаясь смириться с тем, что это единственное, что осталось у нее в память о дочерях.

Ежедневные ритуалы принесли ей покой, а со временем — даже частичное исцеление. Благодаря им она может прожить остаток дня, представляя себе Ушу в мире и спокойствии. И каждый день становится еще немножечко легче. Дни превращаются в недели, а недели — в месяцы. Озлобленность Кавиты на Джасу постепенно проходит. Еще через некоторое время она позволяет ему прикоснуться к себе и уже не отвергает ночью.

Забеременев снова, Кавита не позволяет себе думать о ребенке, как делала это предыдущие два раза. Она не обращает внимания на чувствительность груди и не трогает начавший расти живот. Даже Джасу она рассказывает не сразу. А когда мысли о зародившейся в ней жизни приходят на ум, просто смахивает их, как пыль, которую каждый день сметает с пола. Она научилась этому за многие месяцы, прошедшие со дня возвращения из Бомбея.

— Хорошо бы, наверное, съездить в клинику на этот раз, да? — говорит Джасу, когда она наконец делится с ним новостью. Кавита замечает в его интонации плохо скрываемую настойчивость.

В новой медицинской клинике в соседней деревне будущие мамы могут сделать ультразвуковое исследование и, как говорят, проверить состояние плода. Но понятно, что на самом деле все, кто обратились туда, хотели узнать пол неродившегося ребенка. Процедура стоит двести рупий — месячный заработок семьи с плантации. К тому же на поездку придется

потратить целый день. Им придется отдать все деньги, которые они копили на новый сельскохозяйственный инвентарь. Но несмотря на все эти сложности, Кавита соглашается.

Она понимает: если результаты исследования покажут еще одну девочку, последствия будут разрушительными. Джасу может потребовать, чтобы Кавита сделала аборт прямо там, в клинике, если на это хватит денег. Или просто выгонит ее и обречет на вечный позор растить ребенка одной. Тогда она превратится в изгоя, как все деревенские бичари. Но даже перспектива стать отбросом общества не так ужасна, как тот, другой вариант. Она не может снова вынести родовые муки и взять младенца на руки только для того, чтобы его опять отобрали. В глубине души Кавита знает, что она этого просто не переживет.

10
БОЛЬШОЕ ДЕЛО

Сан-Франциско, Калифорния, 1985 год

Сомер

Сомер сидит на краешке ванны, поставив голые ноги на холодный кафельный пол, и сжимает в руке до боли знакомую пластмассовую полосочку. Сквозь слезы ей видны две параллельные линии. Они такие же четкие, какими были восемь месяцев назад, когда она только узнала о своей беременности. Сегодня ребенок должен был родиться. Этот день мог стать для них с Кришнаном праздником. Но вместо этого она будет рыдать в одиночестве. Люди перестали выражать сочувствие спустя несколько недель после выкидыша. И единственными доказательствами того, что этот ребенок существовал, остались домашний тест на беременность, который она сейчас держит в руке, и чувство всепоглощающей пустоты, которую она ничем не может заполнить.

Звук сирены где-то на улице возвращает Сомер к действительности, и она слышит, что в соседней комнате заработал радиобудильник Криса — знакомые звуки утренних новостей на Национальном общественном радио. Сомер встает и прячет пластиковую полосочку в карман своего потрепанного махрового

халата. Ей ясно, что терпение Криса истощается. Он очень расстраивается из-за ее, как он считает, навязчивой идеи. Ему хочется двигаться дальше. Она берет зубную щетку, и тут в ванную врывается Крис.

— Доброе утро, — говорит он. — Ты чего так рано?

Сомер включает душ и снимает халат.

— У меня рейс в девять.

— Точно! Передавай привет родителям.

Она заходит в душ и крутит кран с горячей водой, пока из него не начинает литься кипяток.

* * *

Сомер видит, как в зону прилета аэропорта Сан-Диего въезжает серый седан «вольво». Мама выходит из машины и спешит к ней.

— Привет, милая! Ох как же здорово, что ты приехала!

Сомер переступает через свою спортивную сумку и бросается в мамины объятия. Она зарывается лицом в мягкий кардиган матери и чувствует едва уловимый аромат масла «Олэй». Дочь не может сдержать слез и снова чувствует себя девятилетней девочкой.

— Полно, милая, — успокаивает мама, поглаживая ее затылок.

* * *

— Поставлю чай, — говорит мать уже дома. — А еще я испекла банановый хлеб.

— Звучит неплохо!

Сомер устраивается на виндзорском стуле за кухонным столом.

— Значит, Криса вызвали в эти выходные на дежурство? Очень скверно, мы будем по нему скучать.

Родителям нравится Крис. Когда Сомер вела своего индийского парня знакомиться с ними, она не знала, как мать с отцом встретят его. Но, к счастью, они приняли Кришнана. Оба родителя Сомер выросли в Торонто во времена послевоенной волны иммиграции 1940-х, и у обоих были соседи, разговаривавшие на русском, итальянском и польском языках. Ни один из них не имел предрассудков задолго до того, как это стало модным. Отец, будучи врачом, сразу нашел в Крисе родственную душу и уважал его за то, что молодой человек решил стать хирургом.

— Отец хотел сократить количество вечерних приемных часов. Сначала выходил на работу один вечер в неделю, потом перешел на два, а сейчас вернулся к тому, от чего уходил, — говорит мама, наливая в чайник воды и качая головой.

Сколько Сомер себя помнила, отец принимал пациентов в переоборудованной комнате на первом этаже их дома. Среди его пациентов были и те, кого он лечил в клинике днем. Они приходили к нему по срочным случаям, когда прием в клинике был уже закончен. Но по большей части это были люди, которые иначе вообще не смогли бы попасть к врачу: вновь прибывшие иммигранты без медицинской страховки, забеременевшие девочки-подростки, которых родители выставили из дома, старики, боявшиеся идти в больницу поздно вечером. Вскоре округу облетела молва, что частная практика доктора Уитмана всегда открыта и он не берет денег с тех, кто не может заплатить. Сомер с детства помнила, как в дверь звонили во время семейного ужина или игры в скрэббл.

— Поищи-ка в словаре это слово, Сомер, — говорил, бывало, отец, составив слово из семи букв и уходя

открывать дверь. — И придумай с ним предложение к моему возвращению.

Вместе с утренней газетой на крыльце часто оказывались свежеиспеченные пироги или корзины с фруктами от благодарных пациентов. Для отца медицина была больше, чем просто профессией. Это было его призвание. Отделить медицину от остальных сфер его жизни было невозможно, и Сомер училась всему, сидя на отцовских коленях. Когда ей было восемь лет, он научил ее надевать стетоскоп и слушать свое сердце. В десять она могла измерять давление. Сомер и подумать не могла, чтобы стать кем-то, кроме врача. Отец был ее героем. Она с нетерпением ждала выходных, когда могла подсесть к нему, пока он читал, сидя в коричневом кожаном кресле с изогнутой спинкой.

— А ты как здесь, мамуль? Как у тебя дела в библиотеке?

Сомер замечает морщинки возле маминых глаз.

— О, дел полно, как всегда. Убираем книги в разделе справочников, чтобы сделать перестановку и поставить мебель, которую нам подарили. Следующей осенью я организую серию семинаров о жизни знаменитых женщин: Элеаноре Рузвельт, Кэтрин Грэхэм.

— Здорово!

Сомер улыбается, хотя никогда не понимала, как матери может быть интересна такая рутинная работа.

Мама ставит на стол две дымящиеся кружки и тарелку с толстыми кусками бананового хлеба.

— Милая, что у тебя происходит? Мне кажется, тебя что-то беспокоит.

Сомер обхватывает руками кружку и отхлебывает чаю.

— Ну, мы... я... не могу родить ребенка, мам.

— О милая, — мать накрывает своей ладонью руку Сомер. — Все еще впереди, просто нужно время. Выкидыш может произойти у каждой. Многие...

— Нет, — качает головой Сомер. — У меня не получится. Мы ходили к специалисту. У меня началась ранняя менопауза. Яичники больше не вырабатывают яйцеклетки.

Сомер смотрит матери в глаза, пытаясь найти в них объяснение, которое искала везде, и видит, что в них тоже стоят слезы.

Мать откашливается.

— Вот, значит, в чем дело. Больше ничего нельзя сделать?

Сомер отрицательно качает головой и смотрит на свой чай.

— Мне так жаль, милая.

Мать хватает Сомер за руку.

— И как же вы? Как отнесся Крис?

— Крис очень... беспристрастно смотрит на все. Врач ведь. Он считает, что я слишком драматизирую.

Она не решается сказать, что больше не может обсуждать с ним этот вопрос и что ей страшно. Ведь если она не найдет способ двигаться дальше, то может потерять и Кришнана.

— Мужчинам, наверное, тяжело понять, — говорит мать, глядя на свою чашку. — Твоему отцу тоже было нелегко.

Сомер смотрит на мать.

— Поэтому у вас больше не было детей?

Прежде чем ответить, мать делает глоток чая.

— До тебя у меня был выкидыш. А после я так и не смогла забеременеть. Тогда не было никаких исследований, поэтому мы просто смирились. Мы радовались,

что у нас была ты, но я конечно же переживала, что не могу подарить тебе братишку или сестренку.

Мать смахивает слезу.

Сомер охватывает чувство вины за то, что она расстраивалась из-за отсутствия братьев и сестер.

— Мама, это не твоя вина, — говорит она. *Не твоя. Не моя.* Некоторое время они сидят молча. Затем Сомер поднимает глаза на мать.

— Мам, а как ты относишься к усыновлению?

Женщина улыбается.

— Я думаю, это прекрасная мысль. Вы хотите усыновить ребенка?

— Может быть... В Индии очень много детей, которым нужны семья и дом.

Сомер смотрит на свои руки и крутит на пальце обручальное кольцо.

— Просто тяжело осознавать, что ты никогда не сможешь родить, подарить кому-то жизнь.

Ее душат подступившие к горлу слезы.

— Милая, но ты сможешь сделать не менее важную вещь — *спасти* чью-то жизнь.

Сомер опять начинает плакать.

— Я всего лишь хочу стать мамой.

— И ты станешь прекрасной мамой, — говорит ей мать, касаясь руки дочери. — И когда это произойдет, уверяю тебя, ты поймешь, что это самое главное в жизни.

* * *

Весь обратный рейс Сомер изучает материалы от индийского агентства по усыновлению, внимательно всматриваясь в серьезные лица детей. Было бы большим делом изменить одну из этих жизней: сделать ее

лучше. Она вспомнила, почему решила быть врачом. На первом развороте брошюры Сомер видит цитату Махатмы Ганди: «Станьте сами той переменой, которую хотите видеть в мире».

Может, мы страдали не зря? Возможно, наше предназначение именно в этом...

11
ПОТРАТЬ И СЭКОНОМЬ

Тхана, Индия, 1985 год

Кавита

Утром в день исследования Кавита вся на нервах, да и в желудке неспокойно. Подходя к клинике, она кладет на живот руку, как будто пытается защититься. На двери висит плакат с надписью: *«Потрать 200 рупий сейчас, сэкономь 20 000 рупий впоследствии»* — прозрачный намек на избавление от приданого, с которым неразрывно связано появление дочери. В остальном невзрачная дверь, в которую они зашли, может скрывать за собой что угодно, хоть мастерскую портного, хоть обувной магазин. За дверью стоят пары — мужчины и женщины. Кавита замечает, что у нее самый большой среди присутствующих срок беременности, уже пятый месяц.

Джасу подходит к стойке регистратуры, обменивается с администратором репликами, достает из кармана пачку банкнот и монеты, протягивает ему. Тот пересчитывает наличные, прячет их в металлический ящик и кивком головы приглашает Джасу вернуться в зону ожидания. Кавита делает шаг вдоль стены, освобождая немного места для мужа. Она не отводит глаз от пятна на грубом бетонном полу. До нее доносятся сдавленные рыдания, и она заставляет себя перевести взгляд на бегущую к выходу

женщину. Ее голова покрыта сари. За женщиной идет мужчина с серьезным выражением лица. Кавита снова возвращается к пятну на полу, замечая краем глаза, как Джасу беспокойно перебирает ногами.

Администратор называет их фамилию и указывает на дверь в глубине клиники. Они заходят в небольшую комнату, в которой стоит импровизированный стол для осмотра и тележка с аппаратом УЗИ. Лаборант протягивает Джасу бумаги, но ни Кавита, ни ее муж не могут их прочитать, и просит Кавиту лечь на стол. Гель, который выдавливают ей на живот, холодный и неприятный. Она испытывает неожиданное чувство благодарности к мужу за то, что он стоит рядом с ней. Пока лаборант водит датчиком по ее тугому животу, каждый из супругов пытается разглядеть что-нибудь на зернистых черно-белых изображениях. Джасу щурится, наклоняет голову и несколько раз с нетерпением поглядывает на лаборанта, стараясь разгадать, кто находится в чреве у Кавиты. Через несколько минут тот произносит:

— Поздравляю! У вас здоровенький мальчик.

— Вах! — восклицает довольный Джасу. Он хлопает по плечу лаборанта и целует Кавиту в лоб — редкое проявление любви на публике. Кавита испытывает лишь облегчение.

* * *

Спустя несколько недель после процедуры, когда Кавита постепенно осознает, что сможет оставить этого ребенка, она позволяет себе установить связь с ним. Потом, подстегиваемая безудержным энтузиазмом мужа, начинает осторожно предвкушать. После того дня в клинике поведение Джасу сильно изменилось. За ужином он отдает жене лишнюю лепешку чапати, чтобы она

ела вдоволь. Заметив, что Кавита держится за поясницу, справляется, отдыхала ли она. По вечерам растирает ее отекшие ноги кокосовым маслом и тихонечко поет растущему животу. Кавита понимает, что эти колоссальные изменения произошли в основном благодаря мальчику, которого она носит. Но ей хочется верить, что причина не только в этом. Кавита чувствует, как ухаживания Джасу в эти месяцы беременности постепенно растапливают ее холодность по отношению к нему. Теперь она видит, что он может быть заботливым мужем и хорошим отцом. Ночь предыдущих родов в хижине почти два года назад изменила и его. Кавита понимает, что нельзя винить во всем только мужа. Он ничем не хуже других деревенских мужчин и не так уж отличается от них. В их деревне сыновья всегда были в почете.

* * *

Понятно, что и их сын не становится исключением. Его появления ждет вся родня. На этот раз все идет по-другому. Кавиту кормят и балуют вплоть до самых родов. К ней сразу же приглашают повитуху. Джасу ждет у двери и вбегает внутрь, как только раздается первый крик младенца. Еще до того, как перерезана пуповина, отец по традиции касается его губ смазанной медом золотой ложкой. Он наклоняется и целует Кавиту в лоб. С блеском в глазах он качает на руках своего новорожденного сына.

Кавита смахивает слезы с глаз. Ритуалы, в которых она участвует вместе с мужем и малышом, красивы и трогательны. Но даже эта радость не заглушает ее горя. Долгие годы она предвкушала этот момент. Теперь, когда он настал, к нему примешивается глубокая печаль из прошлого.

12
РАЗОБРАТЬСЯ, ЧТО К ЧЕМУ

Сан-Франциско, Калифорния. 1985 год

Сомер

Все это остается возможным лишь в теории, пока не приходит конверт. Когда Сомер находит его в пачке писем и газет, у нее подпрыгивает сердце. Она прячет в холодильник бутылку шампанского, сбегает по ступенькам и мчится в больницу. Они с Крисом договорились вскрыть конверт вместе, но пока Сомер бежит и держит конверт в руках, пальцы сами тянутся, чтобы после стольких месяцев ожидания наконец вскрыть его.

Сначала было бессчетное количество вечеров за кухонным столом, когда они изучали бумаги, заполняли анкеты, собирали финансовые выписки, медицинские справки, копии дипломов об образовании и документы об уплате налогов. Потом их внимательно рассматривало агентство по усыновлению: собеседования, визиты соцработников, психологические оценки. Сомер даже хотела оскорбиться, когда социальный работник исследовал каждый угол их квартиры, осмотрел будущую комнату ребенка, заглянул в рабочие кабинеты и даже тайком обнюхал содержимое холодильника.

Они побороли свою гордость и попросили бывших преподавателей, однокурсников и коллег оценить их состоятельность как приемных родителей. Даже местному полицейскому участку пришлось давать свое одобрение. Было несправедливо и оскорбительно подвергаться такому количеству проверок и выставлять душу напоказ, в то время как большинству пар не нужно получать ни от кого одобрения для того, чтобы стать родителями. Но они выполнили все, что от них требовали, подали заявление и долго ждали. Им сказали только, что, скорее всего, это будет уже немного подросший младенец, может быть, не совсем здоровый и почти наверняка девочка.

Тяжело дыша, Сомер подбегает к больнице и направляется в палату, в которой работает Крис.

— Вы его не видели? — спрашивает она медсестру на посту и, не дожидаясь ответа, идет дальше. Она заглядывает в комнату отдыха медперсонала, но там никого нет. Затем просовывает голову в каморку дежурного, ненароком будит задремавшего интерна и наконец снова возвращается на пост.

— Я отправлю ему сообщение на пейджер, — говорит медсестра.

— Благодарю.

Сомер садится на один из жестких пластиковых стульев, стоящих рядом. Постукивая ногой от нетерпения, она борется с искушением взглянуть на конверт. До нее доносится голос Криса, а в следующий миг Сомер уже видит, как муж идет по коридору в ее сторону. По холодному выражению его глаз и двигающимся по лицу желвакам Сомер понимает, что он распекает молодого ординатора, с удрученным видом шагающего рядом. Лицо Криса остается серьезным даже после

того, как он замечает жену. Только когда она встает и протягивает большой конверт, у него на лице проступает слабая улыбка. Крис отпускает ординатора и большими шагами подходит к ней.

— Это оно?

Сомер кивает. Муж ведет ее за локоть к ближайшей лестничной клетке. Супруги садятся рядом на верхней ступеньке, вскрывают конверт и вытаскивают пачку документов с прикрепленным сверху полароидным снимком. У малышки на фотографии черные кудрявые волосы и поразительные миндалевидные светло-карие глаза. Она одета в простое платьишко, а на ножке виден тонкий серебряный браслет. Девочка с любопытством смотрит в объектив.

— Боже ты мой, — шепчет Сомер, невольно поднося руку ко рту. — Она прекрасна.

Кришнан копается в сопроводительных документах и читает:

— Аша. Так ее зовут. Возраст — десять месяцев.

— Что означает ее имя? — спрашивает Сомер.

— Аша? «Надежда», — муж с улыбкой смотрит на Сомер. — Оно означает «надежда».

— Правда? —Сквозь слезы у нее вырывается короткий смешок. — Значит, она будет нашей? — Сомер хватает Криса за руку и, переплетя его пальцы со своими, целует. — Это прекрасно, просто удивительно.

Она кладет голову мужу на плечо, и вместе они любуются девочкой на фотографии.

Впервые за долгое время у Сомер становится легко на душе. *Как такое может быть? Я влюбилась в этого ребенка, хотя нас разделяет полмира.*

Уже следующим утром супруги отправляют в приют телеграмму, где сообщают, что едут за своей дочерью.

* * *

В эйфории долгий перелет в Индию проходит незаметно. Сомер много из-за чего беспокоится. Это ее первая поездка в Индию, она впервые встретится с большой семьей Кришнана, увидит места, где он вырос и о которых рассказывал ей все эти годы. Но в первую очередь, закрывая глаза, Сомер представляет себе тот миг, когда возьмет на руки своего ребенка. Фотография Аши лежит у нее в кармане, и женщина часто достает ее, чтобы взглянуть еще раз.

Этот единственный снимок напрочь лишил ее сомнений и заставил воплотить задуманное в жизнь. Она не могла заснуть всю ночь и представляла себе милое личико дочки. На работе Сомер сверилась с таблицами веса и роста и заволновалась по поводу Ашиного веса. Они подготовили дом, другие родители из агентства поделились с ними своим опытом, но Сомер и Крис все равно не вполне понимали, чего ждать после прилета в Индию. Их предупредили о боязни чужих, культурном шоке, отставании в развитии, плохом питании детей и прочих сложностях такого усыновления. Тем не менее, пока другие пассажиры, услышав детский визг, закатывали глаза, Кришнан и Сомер только крепче сжимали руки друг друга и обменивались взволнованными взглядами.

Они выходят из самолета в Бомбее, и аэропорт окатывает Сомер волной океанского воздуха, специй и человеческого пота. Борясь с дремотой, она проталкивается сквозь толпы народа к контрольно-пропускному пункту. Еще до того, как супруги успевают добраться до багажной ленты, к ним подбегают несколько мужчин. Они хватают Криса и Сомер за одежду и что-то тараторят. Сомер охватывает паника, но она идет через

сутолоку вслед за Кришнаном, наблюдая за тем, как он спокойно управляется с народом, очередями и парой случаев мелкого вымогательства по ходу дела.

Оказавшись на улице, Сомер ощущает, как влажность, подобно шали, опускается ей на плечи. У выхода из аэропорта автомобили слепят фарами и сигналят. Они с Кришнаном усаживаются на потрескавшееся виниловое сиденье чахлого такси. Сомер смотрит, как муж крутит ручку, опуская стекло, и делает так же. Кришнан глубоко вдыхает и с улыбкой смотрит на Сомер.

— Бомбей, — говорит он, сияя, — во всей своей красе. Как тебе?

Сомер только кивает. По дороге Кришнан показывает достопримечательности: изящную мечеть вдали, известный ипподром. Но все, что видит Сомер, — это ветхие здания и грязные улицы, проплывающие за окном подобно бесконечной кинопленке. В первой же пробке машину окружает толпа попрошаек в рваной одежде. Они суют руки в открытое окно со стороны Сомер, пока Кришнан не наклоняется, чтобы поднять стекло.

— Просто не обращай на них внимания. Отвернись, и они сами уйдут, — объясняет он, уверенно глядя вперед.

Сомер смотрит на стоящую у машины женщину. К ее ноге прижимается истощенный ребенок. Она молча подносит пальцы ко рту, показывая, что хочет есть. От такси женщину отделяет не более чем тридцать сантиметров. Даже через стекло Сомер ощущает нужду и отчаяние несчастной. Усилием воли она заставляет себя отвернуться.

— Ты привыкнешь, — говорит Крис и берет жену за руку. — Не волнуйся, мы уже почти добрались.

Сомер любопытно увидеть дом, в котором прошло детство Кришнана. Он никогда не рассказывал подробностей о своей семье, только самое главное, что его отец — уважаемый врач, а мама дает частные уроки и занимается благотворительностью. Сомер встречалась со свекрами лишь раз, пять лет назад, когда те приезжали к ним на свадьбу в Сан-Франциско.

Родители Криса пробыли у них неделю, но это было очень занятое время, она разрывалась между работой и приготовлениями к свадьбе. Когда у Сомер наконец появлялась возможность побеседовать с гостями, разговор крутился только вокруг погоды. Родители Криса сетовали на то, что на дворе лето, а на улице холодно, обсуждали предстоящую свадебную церемонию на сорок человек в парке Золотые Ворота и заведения поблизости, где подают вегетарианские блюда, — пиццерию и пекарню. Мать Криса каждое утро готовила на плите чай и исследовала скудное содержимое их кухонных шкафов. Отец изучал газету, словно собирался прочитать каждое напечатанное в ней слово. Убегая на работу, Сомер чувствовала смесь вины и облегчения. В какой-то момент она поинтересовалась у Криса, все ли в порядке. Сомер не покидало ощущение, что его родители что-то скрывают.

— Для них многое здесь непривычно, — ответил Крис. — Они просто пытаются разобраться, что к чему.

И теперь, глядя из окна машины на силуэты бомбейских зданий, проплывающих на фоне неба, Сомер задавалась вопросом, сможет ли она во всем разобраться.

13
АМБИЦИИ

Бомбей, Индия, 1985 год

Сарла

Сарла Тхаккар смотрится в зеркало, укладывая в традиционный пучок длинные — до талии — волосы и тщательно закалывая их шпильками. Она слегка касается седых прядей на виске. *А почему нет? Я уже как-никак бабушка.* Женщина берет лежащее на кровати свежевыглаженное желтое сари и умело драпируется. Расшитый розовый кант оказывается точно на левом плече. Она наклоняется поближе к зеркалу и четко посередине лба рисует маленькую желтую с золотым отливом бинди. Подкрасив губы, отступает назад, чтобы окинуть взглядом получившийся образ, и напоминает себе попросить Девеша очистить зеркало от пятен. Весь день она находит работу для слуг. Они знают, что все должно быть готово точно к приезду из Америки старшего сына хозяйки. И хотя она жалуется другим, что Кришнан обосновался так далеко от дома, она, конечно же, гордится сыном. Он с малых лет был амбициозным мальчиком.

В детстве Кришнан ходил с отцом на обходы в больнице и нетерпеливо дергал его за край белого халата,

когда хотел о чем-нибудь спросить. Все трое ее сыновей были сообразительными, но Кришнан был особенным. Он бежал домой из школы, чтобы рассказать об отличных оценках по естественным дисциплинам или выигранном конкурсе по математике. Вместе с успехами в школе росли и амбиции Кришнана. Он начал мечтать об учебе за границей. Когда сын поступил в медицинский университет в США, всей семье пришлось поднапрячься, потому что их индийская обеспеченность в американских долларах выглядела весьма скромно. Иностранные студенты не имели права на получение займов, а отвлекать Кришнана от учебы какой-то работой им не хотелось. Сарле с трудом верилось, что с момента, когда они всей семьей провожали сына в аэропорту, прошел уже добрый десяток лет.

* * *

В тот день в аэропорт отправились шестнадцать членов семьи на четырех машинах, караваном следовавших друг за другом. В последнем автомобиле ехали только вещи Кришнана. Среди них был большой чемодан с запечатанными пластиковыми пакетами, набитыми чайными листьями, специями и прочими сухими продуктами. Сарла конечно же волновалась, как будет питаться ее сын за границей на протяжении нескольких лет. Какое-то время до вылета они сидели в аэропорту. Дети носились кругами, играя в кабадди, и громко кричали, потому что им нравилось, как голоса отдаются эхом в коридорах с высокими потолками. Сарла захватила с полдюжины металлических контейнеров для завтрака, чтобы взрослые могли попить горячего чая с молоком и специями и перекусить. Ни одно событие в их семье, особенно важное, не проходило без трапезы.

Сарла занималась кормежкой всей родни, строила членов семьи для групповых снимков и следила за временем. Иными словами, она делала все, чтобы не расчувствоваться. Если бы она тогда знала, что сын уезжает из Индии насовсем, она бы, несомненно, дала волю чувствам. Самым трогательным было прощание отца с сыном. Обычно сдержанный, ее муж очень долго не выпускал Кришнана из объятий. А когда отпустил, в его глазах стояли слезы. Все родственники деликатно отвернулись, и даже дети угомонились на время.

— Не расстраивайся, папа. Ты будешь мной гордиться, — сказал Кришнан дрогнувшим голосом.

— Я уже горжусь, сынок, — ответил отец. — Сегодня я очень горд.

Кришнан повернулся, чтобы помахать рукой приехавшим на проводы родственникам. В Америку его гнали не только мечты.

Вопрос о возвращении Кришнана в Индию даже не обсуждался, потому что ни у кого не возникало сомнений в том, что после окончания университета парень будет работать вместе с отцом, а потом и женится. С американским дипломом и перспективой хорошего заработка у Кришнана был богатый выбор лучших невест. Но когда Сарла начала подыскивать ему подходящую партию, сын только отмахивался, объясняя, что слишком занят учебой, чтобы думать о женитьбе. Потом прямо перед окончанием университета он неожиданно позвонил и сказал, что нашел себе девушку-американку, на которой собирается жениться. И остался в Америке, как они поняли, отчасти из-за нее.

Сарла и ее муж были образованными прогрессивными людьми. Они не имели ничего против женитьбы по любви, но все это казалось им слишком поспешным.

Им не хотелось, чтобы Кришнан совершил ошибку. Все-таки эта девушка была из совсем другой культуры, они даже не знали ее родителей. Когда они полетели в Америку на свадьбу, их опасения подтвердились. Свадьба была очень скромной, дом, в котором они поселились, без изюминки, а пища — безвкусной. Сарла с супругом чувствовали себя скорее гостями, чем членами семьи. Они не понимали, что произошло с их мальчиком.

Но теперь он женат, и долг родителей — поддерживать сына и его супругу. Когда в прошлом году Кришнан спросил об усыновлении, Сарла поняла, что воссоединение возможно. Может быть, сын еще не окончательно потерян для их семьи. Бывая в приюте, Сарла всегда справлялась у сотрудников о вновь поступивших младенцах. Когда мать Кришнана впервые увидела малютку с необычными глазами, она указала не нее директору. Эта девочка напомнила ей жену сына. Сарле показалось, что этот ребенок создан для них.

Она всегда хотела дочку, чтобы в доме, полном мужчин, у нее наконец появилось женское общество. Конечно, она ни за что не променяла бы никого из своих сыновей, но не раз мечтала о девочке, с которой могла бы делиться не только украшениями, но и жизненным опытом. У женщин в Индии особая роль. Их власть не бросается в глаза. Но матери и бабушки из поколения в поколение прочно удерживают ее в своих руках и по-прежнему являются главными в большинстве семей. Сарле было непросто определиться на этом женском пути. Она многое перепробовала, но оказалась мастером без подмастерья. Женщина надеялась, что у нее возникнут особые отношения с невестками. Но они, как и Сомер, не совсем подходили на эту роль.

Когда у них рождались дети, все как одна обращались за помощью к своим матерям, вновь и вновь оставляя ее в мужской компании. И вот, глядя на часы в ожидании сына, Сарла думает о том, что теперь у нее будет внучка.

14
СЕЗОН ДОЖДЕЙ

Бомбей, Индия, 1985 год

Сомер

В первое же утро в Бомбее Сомер просыпается от расстройства пищеварения. Она ложится на живот, но это не помогает. *Черт!* Она ведь старалась быть аккуратнее во время ужина с семьей Кришнана, но ее организм все-таки не справился с острой пищей. Сомер чувствовала себя не в своей тарелке не только из-за этого. Все ели руками, а она робко попросила вилку. Ей не всегда удавалось понять, о чем шел разговор за столом, потому что родственники Кришнана то и дело переходили на язык гуджарати. Это все равно что бежать на лыжах по снегу и неожиданно оказаться на участке, покрытом травой. Ее положение было не из приятных, а Кришнан не удосужился объяснить ей, о чем идет речь.

В любом случае, все это не имеет значения, успокаивает она себя. Они оказались здесь по одной-единственной причине: им нужно забрать Ашу и привезти домой. *Думай об этом и не забивай себе голову ничем другим.* Сегодня после обеда у них состоится собеседование в государственном усыновительном бюро. Это

будет последний шаг в процессе утверждения их кандидатуры. У Сомер бурлит в животе, и она едва успевает добежать до уборной.

* * *

В бюро по усыновлению они приезжают за десять минут до начала встречи и сорок минут ждут в приемной. Сомер сверяет время на своих наручных часах и на тех, что висят над дверью.

— Расслабься. Они знают, что мы здесь, — говорит Кришнан. — Так уж в Индии все устроено.

Наконец их провожают в кабинет. Там пахнет застоявшимся табачным дымом и потом.

— Итак, господин и госпожа Тхаккар, намасте, — с легким поклоном на индийский лад приветствует их мужчина в пожелтевшей рубашке с короткими рукавами и галстуке. — Располагайтесь, пожалуйста.

Он показывает на два кресла напротив стола.

— Господин Тхаккар, вы местный?

— Да, я вырос в Черчгейте. Получил степень бакалавра естественных наук в колледже Святого Ксавьера, — отвечает Кришнан.

— Ах, Черчгейт! Там живет моя тетка.

Мужчина задает Кришнану вопрос на другом языке. *Хинди?* Крис отвечает на том же языке, и некоторое время они перебрасываются шутками, а Сомер не может понять ни слова. Служащий смотрит в свои записи, долгим взглядом изучает Сомер и снова поворачивается к Кришнану.

— А ваша жена? — интересуется он с ухмылкой. — Вы познакомились с ней там, в Америке? Девушка из Калифорнии, не так ли?

Она слышит ответ мужа, но единственное, что тот произносит по-английски, — это слово «доктор». Служащий снова сверяется с записями и спокойно произносит:

— Бездетны?

Потом смотрит прямо на Сомер и повторяет:

— Детей нет?

Щеки Сомер вспыхивают от уже знакомого чувства стыда. Ей собенно тяжело признаваться в этом здесь, в стране, где способность рожать в таком почете, где у каждой женщины с каждого боку по ребенку. Она отрицательно качает головой. Перебросившись с Кришнаном еще парой реплик, служащий говорит, чтобы они вернулись узнать о ходе их дела утром. Кришнан берет жену за руку и уводит из здания.

— В чем загвоздка? — спрашивает Сомер, как только они оказываются на улице.

— Ни в чем, — отвечает Кришнан. — Индийская бюрократия. Здесь всегда так.

Он останавливает такси.

— Что значит «так»? Что произошло? Они заставили нас прождать целый час, а этот малый явно не ознакомился с нашим делом и со мной даже почти *не разговаривал*!

— Это потому, что ты...

— Потому что я что? — набрасывается на мужа Сомер.

— Послушай, здесь все по-другому. Я знаю, что надо делать. Просто доверься мне. Нельзя явиться сюда со своими американскими представлениями...

— Я сюда ни с чем не являлась.

Она так хлопает дверью такси, что автомобиль трясется.

* * *

Наутро им говорят, что бюро почему-то не может выдать бумаги для усыновления. Сомер чувствует, как ее опять начинают одолевать сомнения. Она гонит их от себя, но они роятся, как надоедливые москиты возле зрелого манго во фруктовом ларьке. Супруги приходят в бюро каждый день, иногда даже по два раза, пытаясь сдвинуть дело с мертвой точки. С каждым походом в бюро Сомер расстраивается все больше. Она видит взгляды сотрудников, их скептицизм по поводу ее способности быть матерью, разную манеру общения с Кришнаном и с ней и то, что они предпочитают разговаривать только с ним.

Наступил сезон муссонных дождей. Дождь льет стеной, и улицы превращаются в бурлящие потоки, по которым плывет мусор. Сомер еще никогда не видела такого сильного дождя. Очередной «первый раз» за эту поездку. Восприятие мира искажено: запахи буквально валят с ног, а жару можно почувствовать на вкус, потому что она плотная, как слой пыли на языке. Мало того что Сомер бессильна перед лицом индийской бюрократии, так еще и дождь запер их в квартире родителей Кришнана, как в ловушке.

По квартире вечно снует народ. Бабушка и дедушка Кришнана, его родители, два брата с женами и детьми, всего четырнадцать человек. В квартире напротив живет дядя Кришнана с такой же большой семьей. Двери обеих квартир никогда не заперты, а часто и вовсе открыты настежь. Все это похоже на запутанное, как лабиринт, общежитие, где вечно толкутся люди. Родственники Кришнана вежливы. Они постоянно предлагают ей чай и что-то по мелочи, но при этом она не может не заметить, как все замолкают, стоит ей только зайти

в комнату. Сколь бы сильно Сомер ни старалась, ей все равно некомфортно в этой обстановке.

А кроме членов семьи есть еще слуги. Один, низко наклонившись, движется из комнаты в комнату, подметая пол пучком тростника. Второй каждый день приходит стирать белье вручную и развешивает его на балконе. Повар, мальчик-почтальон, молочник и прочие.

Сомер уже начинает привыкать к тому, что в дверь звонят по несколько раз в час. И наконец перестает обращать на это внимание, воспринимая звонки как любой другой повседневный шум. Реальность идет вразрез с теми образами Индии, которые она рисовала себе в воображении. По мере того как проходят дни, Сомер все больше скучает по нехитрым домашним радостям: кастрюльке овсянки, ледяной кока-коле, вечеру наедине с мужем.

Сомер наблюдает за человеком, про которого она думала, что знает его лучше других. Но чем дальше, тем больше женщина понимает, что сторона, с которой он открылся, ей совершенно чужда. Этот Кришнан с утра до ночи носит белые свободные хлопчатобумажные туники, пьет чай с молоком вместо черного кофе и ловко ест руками. Его совсем не смущает полная невозможность уединиться. Этот человек, которому, по всей видимости, нравится издаваемый домочадцами шум, совсем не похож на того, кого она встретила в стенах Стэнфорда: тихого парня, жившего по-спартански в комнате с брошенным на пол матрасом и подержанным письменным столом. Сомер начинает сомневаться в том, что вообще знает собственного мужа.

15
ПОБЕДА

Дахану, Индия, 1985 год

Кавита

Младенец активно пускает слюни, пока Кавита растирает горчичным маслом его пухлые ножки, смотрящие в стороны, как у лягушонка. Малыш извивается и энергично машет ручками, будто аплодирует маме за то, что она ежедневно проводит с ним эти процедуры. Кавита осторожно массирует его нежное тельце, полностью вытягивая сначала одну ножку, затем вторую. Потом кругами растирает животик размером с ее ладонь. Именно в такие моменты она любуется каждой складочкой маленького тела. Мать безотрывно смотрит на сына, изучая каждую мелочь: мягкий изгиб его ресниц, ямочки на локтях и коленях. Она купает его в деревянном корытце, поливая теплой водой из чашки и следя, чтобы вода не попала в глазки. Когда Кавита заканчивает одевать ребенка, ее мать приходит сказать, что ужин готов. Кавита живет в доме родителей с того дня, как сын появился на свет. Ее освободили от домашних дел, и она наслаждается роскошью общения с ребенком.

Войдя в гостиную, она встречает Джасу с тщательно причесанными и намасленными волосами. Он встает

с широкой улыбкой и приветствует их обоих. На столе перед ним Кавита замечает свежий жасминовый венок. Муж принес его, чтобы она украсила волосы. Вчера была коробка конфет. Уже две недели он каждый день навещает жену и приносит какой-нибудь гостинец. Кавиту поражает его улыбка, не уступающая по широте объятиям, которые он раскрывает навстречу сыну.

— Поздоровайся с папой, — говорит Кавита, передавая мальчика Джасу. Он нежно, даже нерешительно берет малыша, не зная, как правильно обращаться с новорожденным.

За ужином Джасу жадно и быстро отправляет в рот такие большие куски еды, что, наверное, не успевает даже почувствовать вкус. Кавита подозревает, что он мало ест днем. Но муж не требует, чтобы она поскорее возвращалась домой. По его словам, он хочет, чтобы Кавита провела первые сорок дней со своей матерью, как полагается по традиции. Не все мужья настолько терпеливы. Наблюдая, как Джасу держит сына на руках, она думает о том, что этому мальчику повезло, что он будет расти счастливым ребенком. Завтра родственники собираются на намкаран — церемонию имянаречения. Все сильно обрадовались рождению их первого сына и принесли конфеты, детскую одежду и травяной чай с фенхелем, чтобы у мамы было больше молока. Кавиту так осыпали полагающимися по традиции подарками, будто это был ее первый ребенок. *А как же предыдущие два раза, когда я носила, рожала и держала на руках своих детей?*

Но никто об этом не вспоминает, даже Джасу. Только Кавите горькая потеря выжгла на сердце ноющую рану. Женщина видит в глазах мужа гордость оттого, что он держит на руках сына, и заставляет себя улыбнуться,

молча вознося молитву за ребенка. Кавита надеется, что сможет дать ему в жизни все, чего он заслуживает, и молится, чтобы стать хорошей матерью, чтобы оставшейся в ее сердце любви оказалось достаточно для этого мальчика, чтобы ее любовь не умерла вместе с дочерьми.

* * *

Утром следующего дня в доме кипит работа. Мать Кавиты встала рано утром, чтобы нажарить джалеби — вкусных сладостей в виде нитей из теста, без которых не проходит ни один праздник. Постоянно прибывают родственники, чтобы поздравить и вручить подарки Кавите и Джасу. Родители новоиспеченного отца после приезда отводят Кавиту в сторону и вручают ей завернутый в коричневую бумагу и перевязанный веревкой сверток.

— Это новая курта-паджама, — говорит мать Джасу, — для мальчика на намкаран.

Свекровь так широко улыбается, что становятся видны дырки на месте отсутствующих передних зубов. Кавита осторожно разворачивает сверток и достает оттуда шелковый комплект насыщенного красно-коричневого цвета с золотой вышивкой. Кремового цвета жилетик расшит маленькими зеркальцами. Пара малюсеньких остроносых туфелек цвета слоновой кости дополняет комплект. Кавита гладит атласную ткань. Настоящий расшитый вручную шелк. Комплект красив до невозможности. Это роскошь, которую родители Джасу не так-то просто могут себе позволить. Кавита поднимает взгляд на свекровь и видит сияющую в глазах пожилой женщины гордость.

— Мы так счастливы, бети!

Мать Джасу сгребает Кавиту в объятия и прижимает к своей большой груди.

— Пусть твой сын живет долго и принесет тебе много счастья. Как Джасу принес его нам.

— Да, сассу. Спасибо. Пойду переодену его.

Кавита не припоминает, чтобы свекровь раньше проявляла такую щедрость или была столь эмоциональной. Развернувшись, чтобы уйти, Кавита чувствует, как пылают щеки и как тесно сделалось в груди. Кавита проталкивается через распивающую чай и восхищающуюся ребенком толпу народа. Она чувствовала любовь к сыну те несколько недель, что была наедине с ним. Но от восторгов окружающих ей хочется съежиться, а от пышного празднования в его честь становится горько во рту. Снова тот самый горький вкус свежей древесины.

Когда на церемонию прибывает индуистский священник — пандит, в гостиной вокруг него собирается больше двух десятков человек. Кавита и держащий младенца Джасу занимают места на полу возле пандита. Священнослужитель зажигает церемониальный огонь и возносит молитвы Агни — богу огня, чтобы совершаемые им обряды были чистыми. Он начинает петь мантры, взывать к духам предков и просить их благословить и защитить ребенка. Мелодичный голос священника успокаивает. Кавита вглядывается в пламя и мысленно переносится к своей ежеутренней пудже на каменных ступеньках. Аромат благовоний и масла гхи витает в воздухе, и она закрывает глаза. В душе Кавиты возникают видения: лицо дайджи между согнутых колен, табличка с красными буквами на двери, лязг железных ворот приюта.

— Точное время и день рождения ребенка? — слышит она издалека голос священника. Джасу отвечает

ему, и пандит обращается к астрологической таблице, чтобы посмотреть, что обещает мальчику гороскоп. Кавита напрягается еще больше. Сейчас будет определена вся дальнейшая жизнь сына: его здоровье, достаток, женитьба и, конечно же, имя. После некоторой паузы пандит смотрит на Джасу.

— Выберите имя, начинающееся с буквы «В».

Взгляды всех присутствующих обращаются к Джасу. Он на секунду задумывается, затем на его лице появляется улыбка, и отец наклоняется к мальчику, чтобы прошептать имя ему на ушко. Затем Джасу поворачивается и поднимает малыша, чтобы все увидели его сына.

— Виджай, — произносит он, сияя. Пандит одобрительно кивает, и гости радуются, повторяя друг другу это имя. Где-то в толпе Кавита слышит еще что-то. Это пробирающий до мурашек крик младенца. Она смотрит на сына. Тот спит. Тогда она окидывает взглядом комнату, пытаясь понять, откуда доносятся звуки плача, но в комнате нет других детей. Джасу кладет малыша в люльку, украшенную гирляндами ярко-оранжевых бархатцев, белых и красных хризантем, и начинает качать колыбель. Другие женщины медленно подходят и обступают их. Кавита слышит их поющие голоса, но даже они не могут заглушить пронзительный плач, который ей по-прежнему мерещится. На мгновение Кавиту поражает тревожная мысль о том, что для нее теперь все в жизни сына будет казаться сладко-горьким.

Кавита вглядывается в лицо Виджая, чтобы убедиться, что новое имя ему подходит. Оно означает победу.

16
ОБИДА

Бомбей, Индия, 1985 год

Сомер

Сомер будит тихий стук в дверь. Она слышит бормотание Кришнана, звук открывающейся двери и шуршание чьих-то шагов. Сквозь полуприкрытые веки женщина видит, как к кровати подходит слуга с подносом. *Что он здесь делает еще до того, как мы проснулись?* Спохватившись, что ее ночная рубашка чересчур тонкая, она набрасывает на себя одеяло и ждет, что Кришнан прогонит этого человека прочь. Вместо этого муж, опираясь на подушку, усаживается в кровати и берет с подноса чашку с чаем.

— Хочешь чаю? — обращается он к жене.

— Что? Нет.

Сомер переворачивается на другой бок и закрывает глаза. До нее долетают бряцание ложки о края фарфоровой чашки, обмен репликами, снова шаги и, наконец, звук закрывающейся двери.

— Ах, чай в постель, — говорит Кришнан. — Одно из величайших удовольствий в Индии. Тебе тоже надо как-нибудь попробовать.

Сомер зарывается лицом в подушку. *Здесь бывает что-нибудь, не переходящее границ разумного? Есть ли хоть одно место, куда бы не вторгались твои родственники или слуги?* Но она оставляет эти мысли при себе и вместо этого произносит:

— Чем мы займемся сегодня?

Воскресенье — это единственный день, когда не работает государственное бюро.

— Кое-кто из друзей звал меня на матч по крикету, если ты не против. Я ужасно играю, но был бы рад повидаться с ними. Школьные друзья. Некоторых из них я не видел уже лет десять. А ты, если хочешь, можешь пройтись с мамой по магазинам.

* * *

Сомер стоит на балконе и смотрит на унылый океан, который катит серые волны на дощатый настил. На улице жарко и влажно, но хотя бы дождь прекратился. В первый же ясный день, который выдался за долгие недели, Кришнан ушел один. Сомер задыхается от одной мысли, что ей снова придется сидеть в квартире, а перспектива проводить время со свекровью кажется еще менее привлекательной. Она решает пойти прогуляться самостоятельно, чтобы вырваться из тесноты перенаселенной квартиры.

Переступив порог здания и миновав высокие ворота, Сомер сразу же чувствует себя свободной и идет прочь от недоверчивого взгляда консьержа. В конце квартала находится железнодорожная станция Черчгейт, а на углу напротив нее есть закусочная с вывеской «Бургеры». После двух недель исключительно индийской кухни мысль о бургере кажется Сомер

весьма заманчивой. Она подходит к окошку и заказывает:

— Два гамбургера с сыром, пожалуйста.

Один она съест сейчас, а второй прибережет на потом, чтобы хоть как-то разбавить однообразие из карри и риса.

— Ветчины нет, мадам. Бургеры только с мутоном.

— С мутоном? Это типа баранины?

— Да. Очень вкусно, мадам. Вам точно понравится.

— О'кей, — вздыхает Сомер. — Два бургера с мутоном, пожалуйста.

Местный бургер совсем не похож на те, к которым она привыкла, но Сомер вынуждена признать, что вкус ей очень даже нравится. С приятным ощущением сытости она направляется в сторону набережной, которую уже наводнили уличные торговцы и пешеходы. Мужчины идут группами, смеясь, жуя паан и сплевывая на тротуар. Она замечает, что один бородатый мужик глазеет на нее, нагло разглядывая грудь, и подбивает приятелей заняться тем же. Сомер смущенно складывает руки на груди, и мужчины разражаются смехом. *Мерзкие свиньи.*

Она идет дальше, стараясь глубоко дышать и смотреть на воду. Но ее взгляд невольно возвращается к толпам людей, которые постоянно приходится обходить. Сомер ждет, что мужчины посторонятся и пропустят ее, но этого не происходит. Каждый раз ей приходится проталкиваться, и в какой-то момент, продираясь через очередную толпу мужчин, Сомер чувствует чужую руку на своей груди и чьи-то бедра, прижимающиеся к ее ягодицам. Она в ужасе осматривается по сторонам и видит двух хихикающих молодых людей. Парень с желтыми зубами посылает ей воздушные поцелуи.

Сомер охватывает паника. Марин-драйв гудит от плотного шестиполосного движения, которое никогда не останавливается. Женщина начинает переходить широкую дорогу. Водители сигналят, машины проносятся совсем рядом. Она быстро идет вниз по одному из переулков в сторону дома. Как только страх отступает, она начинает злиться. *Эти мужланы просто жалкие! Даже не верится, что Крис тоже отсюда!*

Ей нестерпимо хочется поговорить с мужем, но дома Сомер обнаруживает, что его еще нет. Хорошо, что все остальные спят. Она прячет остатки бургера в холодильник и удаляется в их с Кришнаном в комнату. Потом наливает в ванну два бачка воды и тщательно отмывает каждый сантиметр своего тела. После этого она надевает чистую ночную сорочку, ложится в кровать и ждет Криса.

* * *

Сомер просыпается от шума за дверью. Она смотрит на часы и понимает, что прошло уже несколько часов. Уловив среди всеобщего гама голос Криса, Сомер выходит в коридор. В тот же миг мимо нее, словно и не заметив невестку, проносится мать Криса. Сомер заходит в гостиную и видит, что ее муж ругает одного из слуг. Балкон завален кухонной утварью: кастрюлями, сковородками, столовыми приборами, тарелками и чашками. Еще один слуга яростно трет каждую вещь. Она идет на кухню и видит, как третий работник выбрасывает в мусорное ведро банки с мукой, рисом и бобами. Сомер не верит своим глазам, когда тот высыпает целое блюдо специй — по меньшей мере две дюжины маленьких стальных баночек.

— Крис? — не выдерживает Сомер. — Что происходит?

Крис поворачивается к жене с искаженным от злости лицом. Не говоря ни слова, он хватает ее за руку, ведет в спальню и закрывает дверь.

— О чем ты думала?

— В каком смысле?

Сердце Сомер начинает биться быстрее.

— О чем, черт возьми, ты думала, когда принесла в дом мясо? Ты же знаешь, что мои родители строгие вегетарианцы. Ты осквернила всю кухню.

— Я... Прости. Я не думала...

— У матери чуть инфаркт не случился. Она хотела вообще выбросить посуду, но мне удалось ее убедить, что все можно продезинфицировать.

— Крис, я же не знала. — Сомер поднимается с кровати. — Я помогу сделать уборку.

— Нет.

Крис хватает ее за руку.

— Не надо. Ты уже достаточно натворила. Теперь оставь все как есть.

— Мне очень жаль. Я не знала.

Сомер снова садится на кровать и начинает плакать.

— Что значит ты не знала? Ты так занята своими мыслями, что даже не замечаешь, где находишься? Я говорил тебе, что они вегетарианцы. Разве мы готовили хоть раз мясо, пока они гостили у нас? А ты когда-нибудь видела, чтобы в этом доме подавали мясо?

Крис качает головой.

— Я пойду извинюсь перед твоей мамой, — пытается исправить положение Сомер и снова встает с кровати.

— Да, — соглашается Крис. — Тебе не помешало бы.

Сомер обнаруживает свекровь в одной из спален. Она сидит с женой брата Кришнана на кровати, обложенная разноцветными шелковыми тканями. Сомер вежливо стучится в открытую дверь.

— Привет! Можно мне войти?

— Да, Сомер, — отвечает мать Криса, продолжая неподвижно сидеть.

Сомер присажывается на краешек кровати.

— Они такие красивые, — говорит она, проводя рукой по стопке шелковых тканей красного цвета.

— Мы выбираем сари для свадебного торжества одного из коллег доктора Тхаккара в следующие выходные.

— О! Здорово. А я пришла извиниться за... за кухню. Я не понимала... Я ни в коем случае не хотела вас обидеть, я очень сожалею о случившемся.

Мать Криса качает головой.

— Что сделано, то сделано. Забудем об этом.

— Наверное, я плохо соображала, потому что была немного расстроена.

Сомер делает глубокий вдох.

— Сегодня я пошла прогуляться, и со мной произошел возмутительный случай. Один мужчина... или двое, точно не знаю, распустили руки, когда я гуляла.

Свекровь пристально смотрит на Сомер, подняв брови.

— Они меня трогали, — продолжает Сомер, показывая на свою грудь, — это было ужасно, понимаете?

Она выдыхает и ждет, что женщины проявят понимание.

Впервые с Сомер заговаривает невестка:

— Кришнан отпустил тебя одну?

— Да, то есть нет. Он не сказал мне об этом прямо. Просто он играл в крикет, вот я и пошла прогуляться.

— Конечно, Кришнан бы этого не позволил. Он лучше знает, — говорит свекровь, затем поворачивается к Сомер и добавляет: — Женщинам вроде тебя не положено ходить по улицам одной. Тебе не стоило идти гулять без кого-то из нас ради твоей же безопасности.

— Женщинам вроде меня? — переспрашивает Сомер.

— Иностранкам. У тебя голые ноги и руки, светлые волосы. Все это притягивает неприятности.

Она неодобрительно качает головой, одаривая Сомер осуждающим взглядом.

Сомер вспоминает, что утром была в юбке-миди и футболке. *Не положено?*

— Я... я запомню на будущее.

Она складывает руки на груди и встает.

— Простите, что помешала.

Женщина быстро идет по коридору, заходит в спальню и закрывает за собой дверь. Сомер пытается не поддаваться растущему внутри недовольству этой страной, ощущению, что здесь все плохо. Пристрастная процедура усыновления, непонятные правила приличия, тяжелый климат — все это теперь ассоциируется у нее с Индией. Она думала, что будет чувствовать себя в семье Криса как дома, а никак не белой вороной. *Разве можно быть изгоем в собственной семье?* Когда Аша вырастет, она будет похожа на Кришнана, они уроженцы одной страны, одной культуры. Ее дочка всегда будет связана с Индией, где самой Сомер все чуждо. Женщина роется в чемодане, находит спортивные штаны, которые не надевала с момента прилета, и, несмотря на изнуряющую жару, натягивает их поверх ночной сорочки.

17
УЖЕ ПРИВЯЗАЛАСЬ

Бомбей, Индия, 1985 год

Кришнан

Чтобы не ждать лифт, Кришнан решает пойти до родительской квартиры по лестнице, и на ступеньках остаются его мокрые следы. Сомер отнеслась с пониманием к его предложению сходить в бюро без нее, чтобы они скорее могли завершить процесс усыновления. В квартире Кришнан обнаруживает Сомер, в одиночестве сидящую в их комнате на кровати. Обхватив колени руками, она смотрит на льющиеся с неба потоки воды за окном. Жена не замечает его, пока он не оказывается прямо перед ней, мокрый с головы до ног. Тогда она поднимает глаза, и Кришнан видит, что ее лицо мокро от слез.

— У меня есть новости, — говорит он.

Слезы облегчения, изнеможения и радости текут у них обоих. Супруги решают отметить хорошую новость ужином в отеле «Тадж-Махал».

Еще до того, как бутылка вина пустеет наполовину, Сомер впервые за все время пребывания в Индии высказывает вслух все, что наболело. Она признается, как сильно расстроила ее процедура усыновления,

насколько ненужной она ощущает себя в чужой стране, оторванной от него и его семьи. Кришнан слушает и кивает, подливая себе вина, затем заказывает скотч и практически сразу повторяет заказ. Он предполагал, что поездка в Индию дастся Сомер нелегко, и переживал за жену. Но он и не думал, что все окажется так плохо. Этот рассказ заставляет его чувствовать себя виноватым, хотя Сомер его ни в чем не обвиняет. Кришнан всегда знал, что момент расплаты настанет.

* * *

Во время учебы на медицинском факультете Кришнан не спешил расказывать родителям о Сомер даже после того, как их отношения стали серьезными. Сами же мать с отцом никогда бы не поинтересовались, есть ли у него девушка, поскольку и не подумали бы, что у их сына к кому-то могут быть романтические чувства.

Кришнан тянул время, надеясь, что сможет подготовить Сомер к встрече с родственниками: научит ее немного говорить на гуджарати, приучит к индийской пище. Но на самом деле он не особо делился с ней подробностями жизни в Индии. Все-таки она была американкой до мозга костей, и он не знал, как она воспримет рассказы о большой семье, об открытых настежь окнах или о голубях, которые влетают прямо в гостиную. Любовь к Сомер была для Кришнана чем-то новым и опьяняющим. Поэтому он очень боялся потерять ее. Попытка объединить две эти жизни потребовала гораздо больше сил и мужества, чем было у него в двадцать пять лет. Оказалось, что проще оставить все как есть.

Он надеялся, что родители его поддержат. Но если бы перед ним встал выбор между родителями и Сомер, он

остался бы с девушкой. Кришнан любил ее так, как не смог бы любить выбранную родителями женщину. Сомер была его сестрой по разуму, их объединяли общие воспоминания. Для Индии такие отношения были необычными, почти невозможными. Поэтому Кришнан выбрал жизнь в Америке и собирался перенять образ жизни простых американцев. Но теперь было очевидно, что он оказал девушке плохую услугу. К моменту знакомства с родителями стало ясно, что пропасть между двумя мирами не скрыть за внешними приличиями.

* * *

Сидящая перед ним женщина совсем не похожа на уверенную в себе студентку медицинского факультета, с которой он познакомился когда-то давно. Выкидыши, бесплодность, процесс усыновления, а теперь еще Индия — все вместе это нанесло болезненный удар по ее уверенности в себе. Но Кришнан знает, что та студентка никуда не делась. И его долг — приободрить жену.

— Эта процедура вытрясла и мне всю душу, — говорит Крис. — Что говорить, Индия может быть тяжким испытанием для людей с Запада. Но скоро все это закончится, мы уедем домой и заживем полноценной семьей, — говорит он, улыбаясь. — Разве это не достойная награда за мучения?

Сомер выдыхает.

— Только об этом и мечтаю. Я очень устала от невозможности предугадать, чего еще ждать от этой страны. Я уже сама не своя. Мне всего лишь хочется вернуться домой, к своей жизни, чтобы все это осталось позади.

Кришнану невыносимо видеть жену такой расстроенной. Он ужасно огорчен тем, что его страна

и родственники заставили ее чувствовать себя до такой степени неловко. Крис винит себя за то, что не смог ни как следует подготовить Сомер к тяжелой для нее поездке, ни защитить ее. И он говорит те слова, которые, по его мнению, должны поддержать жену и помочь их браку. Им не придется возвращаться в Индию в ближайшее время. Они направят все силы на семью, на жизнь в Америке, и через некоторое время всё наладится.

* * *

Такси подъезжает к невзрачному облупившемуся бетонному зданию с ржавыми металлическими воротами, и Сомер сжимает руку мужа.

— На фотографиях все выглядело не так плохо, — шепчет она.

— Идем.

Кришнан приобнимает жену за плечи. Они идут к воротам. Из внутреннего дворика доносятся крики играющих детей.

Внутри их встречает Бинду — представительница индийского агентства по усыновлению.

— Добро пожаловать! Намаскар! — Женщина произносит приветствие, сложив ладони и улыбаясь. — Я знаю, как долго вы ждали этого дня, так что пойдемте скорее внутрь.

Бинду ведет их в здание. Кришнан бросает взгляд на Сомер. Та улыбается так ослепительно, словно за дверью ее ждет фотосессия. В здании к ним кидается ватага босоногих разновозрастных детишек. Они собираются в кучку возле Сомер, потому что никогда не видели людей с такой светлой кожей.

— Здравствуйте, мадам!

— А вы из Америки, мадам?

— ...по-английски говорите, мадам?

Они тянут руки к ее рукам, дотрагиваются до ее футболки. Все дети одеты в поношенную одежду, и все, как один, широко улыбаются. Бинду уводит Сомер и Кришнана от толпы детей в маленький кабинет, где их ожидает одетая в сари женщина средних лет со скрещенными на груди руками.

— Намаскар, — с легким поклоном приветствует она вошедших. — Я помощник директора. Господин Дешпанде не смог присутствовать в этот счастливый день, но он передавал наилучшие пожелания. Нам осталось подписать документы, а потом я принесу ребенка.

Сомер садится в одно из двух кресел и берет у женщины планшет с бумагами. Тут она замечает нечто странное в начале документа.

— Уша? — спрашивает Сомер. — Тут написано Уша. Но разве малышку зовут не Аша?

— Нет, мадам, — отвечает помощница. — Девочку зовут Уша. Так зовем ее мы, но вы можете дать ей любое другое имя, разумеется.

— Я думала... мы думали, что ее зовут Аша. Мы называли ее так все это время.

Она бросает умоляющий взгляд на Кришнана.

Бинду листает документы в бумажной папке.

— Да, у нас тоже везде значится Аша. Должно быть, кто-то сделал опечатку, не разобрав почерк. Но не волнуйтесь, в этом нет ничего страшного. Вы можете звать девочку Аша, и она быстро запомнит свое имя.

— Всего лишь незначительная ошибка, милая. — Крис подходит к Сомер и кладет руки ей на плечи. — Девочка даже не узнает об этом. Так что не переживай.

Сомер качает головой.

— Я надеялась, хоть где-то в этой стране работают нормально.

Она протягивает планшет и набирает воздуха в грудь.

— Ладно. Мы готовы.

Помощница директора кивает и выходит из кабинета.

Когда она возвращается с младенцем на руках, все присутствующие, как по команде, встают. Кришнан, оказавшийся ближе всех к вошедшей, берет девочку на руки. Ребенок не пугается незнакомца и начинает играть с очками Кришнана.

— Привет, моя сладенькая девочка. Привет, Аша, — медленно и нежно произносит Кришнан, поддерживая маленькую головку. А девочка тем временем начинает щипать его за мочки ушей. Подходит Сомер, и они обнимаются втроем. Сомер протягивает руки, чтобы взять Ашу, но малышка отворачивается и крепко, как маленькая коала, держится за шею Кришнана.

— Вот видите, беспокоиться не о чем, — говорит помощница. — Она к вам уже привязалась.

18
СЕРЕБРЯНЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ

Бомбей, Индия, 1985 год

Сарла

— Какая она красавица! Здравствуй, Аша, бети! — Сарла трогает малышку за щечку. — Все понимает, всем интересуется. Вы посмотрите, как она оглядывается. Да, крошка? — Бабушка, широко улыбаясь, кивает девочке. — Ну, как все прошло?

— Это был очень долгий день, — отвечает Кришнан, сидя с кружкой чая. — Куча бумажной волокиты. В приюте, в городской администрации, в государственном бюро. Мы сегодня пораньше ляжем спать.

— Да, конечно, такое отнимает много сил.

Сарла устало покачивает головой, выражая этим что-то среднее между согласием и отрицанием.

— Слава богу, мы здесь и можем помочь вам. Ужин скоро будет готов.

Она поворачивается к Сомер с Ашей на руках.

— Что еще нужно для Аши, бети? Кроватка, полотенца? Говори.

Сарла кладет руку на спину невестки и легонько подталкивает ее в сторону коридора. Она замечает, что жена сына чувствует себя неуверенно: за вечер

она не сделала ни одного глотка чая и все это время держала ребенка обеими руками. В этом, конечно, нет ничего удивительного. Большинство матерей поначалу плохо осознают, что делают. Понимание приходит со временем. Аше уже год, скоро она начнет ходить. Так что Сомер придется воспитывать в себе материнское чувство уверенности ускоренными темпами.

Когда Сарла вернулась из больницы с Кришнаном на руках, ей было двадцать два года, она была еще очень молодой. Кришнана растил целый клан матерей. С первого дня его жизни рядом постоянно был кто-то, кто мог показать, как чистить маленький носик или пеленать ребенка перед сном. Ее мать, тетка, сестра и айя — няня, которая им прислуживала, — не говоря о толпе доброжелательных соседок, ни на минуту не оставляли ее наедине с Кришнаном на протяжении первых полугода. Иногда молодой матери даже было некомфортно из-за то и дело протягиваемых рук помощи. Но она понимала, как ей повезло. Хоть Сарла и расстраивалась из-за невозможности оказаться со своим ребенком наедине, она понимала, что ей можно было только позавидовать. Такую роскошь никогда не смогут себе позволить матери вроде Сомер. Сарла слышала, что в Америке новоиспеченных мам отправляют домой всего через несколько дней после родов и никто им не помогает.

— Акча, Сомер. Я тут набрала воды, чтобы искупать Ашу... Иди потрогай. Нормально по температуре? — кричит Сарла из ванной. — Все, ванночка полная. Вот полотенце и тальк.

Она собирается уйти, но замечает в глазах Сомер страх.

— Ничего, если я посижу здесь, пока ты будешь ее купать? — говорит Сарла. — Старушке вроде меня уже давно не приходилось нянчиться с малышами. Так что мне будет в радость.

Сомер радостно смотрит на нее.

— Конечно, оставайтесь. А у меня будет еще одна пара рук.

Спустя полчаса Аша полностью вымыта, вытерта полотенцем, намазана кремом и одета.

— Очень люблю запах только что выкупанного младенца, — смеясь, говорит Сарла. — Лучше может быть разве что запах свежевскрытого кокосового ореха. Это второй мой любимый аромат.

Сомер смеется вместе со свекровью, расчесывая мокрые кудряшки Аши. В дверь спальни вежливо стучат, и из коридора доносится робкий голос Девеша:

— Мадам, прибыл доктор сагиб. Подавать ужин?

* * *

Они сидят всей семьей за длинным резным столом красного дерева, а повар и слуги ходят вокруг стола, подавая и убирая серебряные блюда. Аша восседает у Сомер на коленях и пьет молоко из бутылочки. Кришнан наслаждается жареной цветной капустой, фаршированными баклажанами, сааг паниром — жареным сыром со шпинатом, овощным бирьяни и пшеничной лепешкой наан.

— Мам, не стоило так заморачиваться с едой. — Сын еле успевает выговорить фразу, прежде чем отправить в рот очередную порцию.

— Чепуха! Это же особый случай.

Закончив есть, Кришнан забирает Ашу у Сомер, чтобы жена тоже могла поесть. У нее на тарелке лежит

всего понемножку, буквально чайная ложка или две каждого блюда. Вилкой она подцепляет миниатюрные порции.

— Мм, как вкусно! Напоминает блюда из ресторана «Индия Пэлэйс» в Сан-Франциско. Я бы очень хотела научиться готовить шпинат, чтобы у него был такой же вкус. Придется записать у вас рецепт.

Сарла улыбается в ответ на вежливость невестки, прощая ей огрехи произношения. Она милая девушка и, в общем-то, стала частью их семьи, хотя пропасть между ними все равно огромна. Любая двенадцатилетняя индианка может приготовить достойный сааг панир безо всякого рецепта. Сарла тихо вздыхает. Теперь, когда Сомер стала матерью ее единственной внучки, бабушке придется построить мостик через эту пропасть.

Аша радостно улыбается, сидя на коленях у Кришнана, и тянется к серебряному подносу с маленькими мисочками тхали, стоящими перед ней на столе.

— Вот, моя сладкая. Хочешь риса?

Отец берет несколько рисинок и кладет их Аше в рот.

Сарла незаметно следит за ними. От ее взгляда не может укрыться то, как спокойно сын чувствует себя рядом с девочкой. Одной из неожиданных радостей на старости лет для нее стало видеть, как каждый из сыновей сам становится отцом. Старшего, Кришнана, всегда окружали многочисленные двоюродные младшие братья. Нет ничего удивительного в том, что он так естественно вжился в родительскую роль. Сарла очень надеется, что Сомер свыкнется с мыслью о материнстве и тоже справится с этой ролью.

— Вы оба очень устали, — говорит Сарла, в то время как слуги убирают со стола, а все перемещаются

в гостиную. — Прежде чем вы отправитесь спать, мы с отцом хотели бы вам кое-что подарить.

Она подходит к стоящему у стены элегантному деревянному шкафчику, инкрустированному слоновой костью. Петли дверцы скрипят, когда Сарла открывает шкаф. Она что-то достает оттуда и поворачивается к ним, держа в руках два свертка. Маленькую бархатную коробочку бордового цвета, обвязанную золотой лентой, она отдает Кришнану.

— Это для Аши.

— Мам... не стоило, — вежливо возражает Кришнан. Он долго возится с бантом, прежде чем открыть крышку. — О, прелесть!

Кришнан показывает коробочку жене. Внутри лежат два со вкусом украшенных серебряных браслета на ножку. Сомер достает один из них, и раздается мелодичное позвякивание. Она рассматривает цепочку с крошечными колокольчиками.

— Эти серебряные анклеты называются джанджари, бети. По местному обычаю такие носят все маленькие девочки. Некоторые говорят, что это для того, чтобы всегда слышать, где находится ребенок.

Сарла смеется.

— Как только вы сообщили, что прилетаете за Ашей, мы заказали их у ювелира.

— Они прекрасны.

Сомер перекладывает Ашу на колени Кришнану, чтобы надеть одну из цепочек на ножку дочери.

— Вот так... Вы только посмотрите!

Она вытягивает ножки Аши, взяв в каждую руку по маленькой пяточке. Сверкающий замысловатый анклет на левой лодыжке резко контрастировал с простым серебряным браслетом на правой.

— Может, снять этот? — спрашивает она, показывая на скромную цепочку. — Не хочу, чтобы они запутались.

— Как хочешь, дорогая. Тебе решать.

Сарла наклоняется вперед, обеими руками протягивая Сомер второй сверток.

— А это для тебя, моя дорогая.

На лице Сомер мелькает удивление, но его тут же сменяет улыбка.

— О, спасибо!

— Надеюсь, тебе понравится. Я выбирала его сама, — поясняет Сарла. — Я не знаю, что ты носишь... — Она не успевает договорить, потому что Сомер уже вынимает из коробки блестящий шелковый платок, украшенный ярким сине-зеленым рисунком оттенков павлиньего хвоста. Кантик богато расшит золотыми и бирюзовыми нитками.

— У нас принято дарить женщине особое сари, когда она становится матерью. Я понимаю, что тебе некуда надевать сари, поэтому выбрала платок. Он напомнил мне твои прекрасные глаза.

Сарла замечает, что по лицу сына пробежала тень. Разочарование? *Он ведь говорил мне не надеяться, что девушка будет носить индийскую одежду?*

— Спасибо! Он очень красивый.

Сомер прижимает шелк к груди.

Сарла довольна собой и тем, как прошел вечер. Жизнь научила ее тому, что порой заветные желания человека должны предваряться действиями.

19
МАТЕРИНСКИЙ ИНСТИНКТ

Сан-Франциско, Калифорния, 1985 год

Сомер

На обратном пути Сомер и Крис дежурят по очереди. Кто-то один не спит, чтобы присматривать за спящей Ашей. Их руки соединены над креслом, в котором летит малышка. Сомер переполняют чувства, как только она начинает думать о том, что эта девочка теперь их законный ребенок.

После возвращения в Сан-Франциско Сомер начинает прислушиваться к себе. Она пытается распознать инстинкт, который, по словам свекрови, раскажет ей все о потребностях дочери. Но молодой матери кажется, что она никогда не научится понимать малышку. Аша хочет играть по ночам, когда ее пытаются уложить спать, выплевывает еду, которую ей предлагают. Сомер понимает, что поведение ребенка зависит от определенной стадии развития, которую тот проходит в данный момент. Но когда Аша вываливает на пол весь обед, женщине все равно кажется, что девочка делает это специально. Сомер с удивлением обнаруживает, как сложно следовать совету не беспокоиться, который она всегда дает мамам своих маленьких пациентов.

На третью ночь после возвращения у Криса выпадает ночное дежурство в больнице, и Сомер очень волнуется о том, как пройдет ее первая ночь наедине с дочкой. Аша просыпается за полночь и начинает плакать. Сомер греет бутылочку с молоком, но, попив молока, девочка продолжает кричать. *Ничего. Я педиатр, и я справлюсь. Плачущий ребенок. Надо измерить температуру, проверить подгузник, посмотреть, не намотался ли волос на пальчики руки или ноги.* Накатывает паника. *Может быть, у нее инфекция мочевыводящих путей? Или менингит?* Она осматривает Ашу с головы до пят, но с медицинской точки зрения никаких причин для плача нет. Она уже не врач, а просто мама, в роли которой чувствует себя совершенно беспомощно. Сомер поет Аше песенку и ходит кругами по комнате, стараясь укачать малышку. Аша надрывается добрых два часа, и все это время у Сомер никак не получается ее успокоить. Наконец, по непонятной причине, около трех часов ночи Аша засыпает на потном и заплаканном плече Сомер, которая сидит в кресле-качалке. Потрясенная, мать не двигается с места, пока не наступает утро и не приходит Кришнан.

— Я не могу, — шепчет она мужу, когда тот осторожно будит ее. — Я не знаю, как успокоить ребенка. Она кричала всю ночь.

Сомер всегда понимала, что не каждой дано стать хорошей матерью. По своим пациенткам она видела, что некоторые женщины просто рождены для материнства. Но для нее природа не уготовила этой роли. Теперь Сомер вынуждена гадать, не было ли их решение ошибкой. Здравые научные объяснения, к которым она прибегает, не могут развеять эти сомнения.

— Ты о чем? Ты ведь уже успокоила ее. Посмотри, — говорит Крис.

Сомер смотрит на Ашу, которая спокойно спит у нее на руках, слегка приоткрыв ротик. Крис гладит малышку по волосам и улыбается жене. Она пытается улыбнуться в ответ, но в голове уже поселилась мысль о следующей ночи, когда муж снова уйдет на дежурство. В Индии, где родственницы Кришнана помогали готовить для Аши еду, купать ее и укачивать, все казалось не таким страшным. Но сейчас, в одиночестве, после всех безуспешных попыток стать матерью, Сомер не понимает, как ею быть. Она боится, что материнский инстинкт в ней так и не проснется.

Женщина надеется, что все станет лучше, когда она опять выйдет на работу. Однако перед ней встают лишь новые вопросы. Вернувшись в педиатрию, Сомер видит дочь всего по часу в день. Женщине становится легче оттого, что она снова обретает уверенность хоть в чем-то. Но Аша так сильно привязывается к молодой няне-ирландке, что льнет к ней даже по вечерам, когда мама возвращается домой, и в Сомер просыпается ревность. На работе каждый пациент Ашиного возраста напоминает ей о широкой улыбке или неуверенной походке дочери. Сомер кажется, что всем матерям и их детям, которые приходят к ней на прием, вместе очень хорошо. Она не понимает, что дает уверенность этим женщинам: биологическая связь или время, которое они проводят со своими детьми? Если бы Аша была ее родной дочерью, может, Сомер справлялась бы с ней лучше? Привязалась бы Аша сильнее, если бы Сомер была больше похожа на индианку?

Кришнан не понимает смятения жены по этому поводу, но Сомер и не ждет от него ничего подобного. Она

просто не может позволить себе потерпеть фиаско в роли матери после всего, что пережила. Сомер по-прежнему любит работу, но боится уделять ей слишком много времени. Она уже осознала, что не станет от этого счастливее. И поэтому совсем не хочет зацикливаться на больнице.

часть II

20
ШАКТИ

Дахану, Индия, 1990 год

Джасу и Кавита

Джасу находит жену возле очага. Он останавливается, чтобы издали понаблюдать за тем, как она готовит, сидя на земле в позе лотоса. Кавита бросает лепешки чапати на установленную на огне чугунную сковороду. Ее лицо серьезно. Женщина с головой ушла в ежедневное занятие — приготовление пищи для большой семьи. Джасу больше нравится, когда она улыбается, он считает, что должен отвлечь жену от забот. Мужчина подходит и начинает насвистывать, имитируя пение птиц.

— Моя маленькая чакли, — говорит он игриво.

Маленькая птичка. Обычно это ласковое прозвище заставляло жену улыбнуться.

— Скоро будет готово. Проголодался? — спрашивает Кавита.

— Да, умираю с голоду, — отвечает Джасу, похлопывая себя по животу. — Что у нас сегодня?

Он приподнимает над котлом крышку из нержавеющего металла.

— Капустный бхаджи, чапати, дал, — коротко отвечает Кавита, вытягивая руку, чтобы помешать капусту.

— Опять капустный? — говорит Джасу. — Слава богам, что моя жена такая искусная повариха, что изо дня в день вкусно готовит блюда из одной капусты. Бхагван, как же я соскучился по баклажанам, бамии, тиндоре...

— Да. Я тоже. Может, после сбора урожая поедим.

— Чакли, — говорит Джасу, понижая голос, чтобы не услышали сидящие в соседней комнате родители, — урожай в этом году не особо удался. Нам повезет, если мы вообще хоть что-то соберем.

Джасу старается не показывать своего волнения. Урожаи год от года снижаются, а цены на рынке растут. Он уже не может позволить себе нанимать рабочих, поэтому последние два года Кавита и Виджай помогают ему в полях.

— Виджай! — Кавита зовет через открытую дверь пятилетнего сына, заигравшегося на улице с двоюродными братьями. — Скоро ужин. Иди мой руки.

— Кави, — обращается к жене Джасу, резко ощутив навалившуюся тяжесть. — Я не вижу другого выхода. Нам надо ехать.

Он исступленно трет лоб, словно пытается убрать с него продольные морщины.

— В городе нам будет лучше. Я устроюсь на хорошую работу. Тебе больше не придется работать день и ночь.

— Я не имею ничего против работы, Джасу. Если она помогает тебе, нам... то я не возражаю.

— Но возражаю я, — говорит муж. — В Бомбее нам не придется каждый день гнуть спину. Представь себе, Кави, ты будешь только готовить и шить. Не нужно будет работать в полях, не будет всего... *этого*!

Он зажимает в своей руке ее и проводит пальцем по сбитым костяшкам и огрубевшим ладоням.

Обветренные руки Кавиты красноречиво говорят обо всех его неудачах.

— Что-то ведь можно сделать. Мы можем попробовать сажать хлопок, как твой двоюродный брат.

Джасу опускает глаза и качает головой. *Как мне объяснить ей?* Каждая клеточка тела говорит ему, что им срочно нужно покинуть это место — их единственный дом. Они должны уехать от плантаций, ставших символом его провала как мужчины, от родственников, которых он вряд ли простит, от этого дома, где живут его родители и прошло его детство, но в котором теперь у него нет сил находиться. Бомбей манит его, как сверкающий бриллиант, он сулит лучшую жизнь для всех них, и в особенности для сына.

— Кави, там совсем не так, как здесь, здесь каждый с горем пополам наскребает себе на жизнь. Я слышал, что туда каждый день приезжают грузовики с такими же, как и мы. Их сотни. И для всех в этом городе находятся дома, работа и пища!

— Но ведь вся наша жизнь здесь. Наш дом не в Бомбее. Что толку от всех денег мира, если нет семьи?

Кавита начинает плакать.

Он прижимается к жене.

— У нас будет наша семья. Ты, я и Виджай. Он сможет пойти в хорошую школу. Ему не придется работать так, как нам, или жить вот такой жизнью... — Джасу обводит руками скромно обставленную комнату, которую они делят с родственниками. — Он получит образование, сможет устроиться на офисную работу. Понимаешь? Однажды наш маленький Виджай будет работать в офисе.

Джасу изо всех сил пытается заставить жену улыбнуться. *Кави, пожалуйста!* Он берет ее лицо в свои

ладони и смахивает слезинки грубыми от работы пальцами.

— *Доброе утро! Не желаете ли чаю, сагиб сэр?* — дурашливо произносит Джасу, а его большой и указательный пальцы нежно раздвигают уголки губ Кавиты в улыбку.

— Как он будет жить в этом городе среди чужаков? — возражает она. — Здесь все о нем заботятся. Вся деревня — его семья. Мы так жили, и я хочу, чтобы он так жил.

— А я хочу для него *большего*, Кави. Наши родственники всегда будут здесь, и они всегда будут любить его.

— А что будет с нами? Там нет никого, кто поможет нам, если что-нибудь случится. — Ее голос срывается. — Здесь нам всегда помогут, если не уродится урожай или Виджай заболеет.

— Не мы первые уезжаем туда. — Джасу прячет ее миниатюрные руки в своих ладонях. — Сосед моего двоюродного брата уже переехал, еще фермер из Тханы, что выращивал сахарный тростник, и мы встретимся с ними там. Кави, я просто хочу лучшей жизни для всех нас...

Джасу молчит и прижимается лбом к их крепко сцепленным рукам. Вдруг его осеняет. В следующее мгновение он уже знает, чем убедить женщину, которая в любой ситуации прежде всего остается матерью. Он быстро поднимает на нее взгляд.

— Посмотри, что сделали для тебя родители, чем они пожертвовали ради тебя. Разве мы не должны поступить так же для блага нашего сына? Неужели Виджай не заслуживает самого лучшего? Это наш родительский долг. Пришла наша очередь, чакли.

Слова мужа заставляют ее покраснеть от стыда, и Кавита снова начинает плакать.

— Просто подумай об этом, хорошо, милая? Доверься мне, Кави. Ты можешь представить, как прекрасна будет наша новая жизнь?

Его глаза полны надежды и света. Ее — блестят от слез.

* * *

Настало время рассказать родителям о том, что они с Джасу уезжают в Бомбей, и Кавита едва сдерживает слезы.

— Ба, бапу, — обращается она к родителям и прячет лицо в подол матери. — Как я смогу уехать от вас? Что там будет со мной?

Она вспоминает Бомбей: обжигающий ноги тротуар, обличительные взгляды прохожих.

Мать утирает глаза, прокашливается и обнимает Кавиту.

— Бети, у тебя все будет хорошо. Джасу хороший муж. У него, должно быть, есть веские причины.

— Хороший муж? Он увозит меня от вас, Рупы, всех моих родственников и друзей, из моего дома, из моей деревни.

— Бети, мы остаемся здесь и всегда будем рады тебе. Но твоя жизнь с ним. Ты должна доверять ему. Ты нужна мужу и сыну. *Если сдается мать, сдается вся семья.* — Пожилая женщина цитирует классическое стихотворение. — Ты должна быть смелой ради них.

Кавита вспоминает первое прощание с матерью, когда она, вся в шелках, цветочных гирляндах и украшениях, стояла на пороге храма после свадебной церемонии. На ней был яркий свадебный макияж, он превратил

Кавиту из девочки, которой она по факту и являлась, во взрослую женщину. Невеста рыдала, когда ей пришлось уйти из родительского дома к молодому супругу, тогда ей казалось, что она никогда больше не увидится с матерью и отцом. Но Кавита возвращалась домой каждую беременность, затем после рождения Виджая. Там она находила материнскую поддержку и училась быть матерью сама.

И вот мать поднимает Кавиту с колен, обхватив прохладными ладонями ее разгоряченное от слез лицо.

— Я рада, что уезжаешь именно ты, — шепчет мать.

Кавита ошеломленно смотрит на нее.

— Я спокойна за тебя, Кавита. В тебе есть сила. Стойкость. *Шакти.* В Бомбее тебе будет трудно. Но у тебя, бети, есть сила, чтобы преодолеть все тяготы.

И в этих словах и жестах Кавита чувствует шакти — священную женскую силу, переходящую от Богини-матери ко всем последовательницам.

* * *

Прохладным сентябрьским вечером Кавита и Джасу устраивают прощальный ужин. Первые звезды только появились на темнеющем синем небе, они слабо мерцают, словно бриллиантовые серьги под локонами темных волос. По такому случаю Кавита надела лучшее сари из воздушного голубого шифона с маленькими блестками, пришитыми по краю серебряными нитками. Небо становится все темнее, и двоюродные сестры Кавиты, с которыми прошло ее детство, выносят большие кастрюли. Они выкладывают еду на несколько больших банановых листьев, по кругу уложенных на земле. Каждый из членов семьи, друзья детства, соседи занимают места рядом с едой. По традиции мужчины

собираются вокруг Джасу на одной половине, а женщины рассаживаются рядом с Кавитой на другой.

На мужской половине Джасу разражается хохотом. Обернувшись, Кавита видит, что муж запрокинул голову назад и смеется, а один из братьев по-дружески шлепает его по спине. Робкая улыбка появляется на лице Кавиты. Последние несколько недель, пока они готовились к отъезду, муж был полон жизни, и от этого Кавита тоже чувствовала себя счастливее. Благословение родителей, их убежденность, что она должна быть рядом с мужем, помогли ей разглядеть в сложившейся ситуации хорошие стороны. Она начала мечтать о жизни с удобствами, меньшим количеством работы по дому, который будет находиться вдали от угнетающих ее родственников мужа.

— Какая работа будет у Джасу бхаи, Кавита? — интересуется одна из женщин.

— Сначала он будет посыльным или разносчиком еды, дхабавалой, — объясняет Кавита. — Там много такой работы, и за нее платят наличными. А когда мы устроимся, он займется менее пыльной работой в магазине или в офисе.

Рупа одобрительно кивает.

— Они уже знакомы со многими людьми в Бомбее. Вчера вечером Джасу бхаи рассказывал нам. Это так здорово, бена, — говорит Рупа, сжимая руку сестры.

Кавите страшно даже представить, что теперь она будет так далеко от сестры, но женщина старается сильно не думать об этом.

— Да. Джасу говорит, у нас будет собственная большая квартира с ванной и просторной кухней. Виджаю мы отведем отдельную комнату, где он будет делать уроки и спать.

Она переводит взгляд на Виджая и его кузенов, дети играют в догонялки и пытаются поймать друг друга за край футболки. Когда кто-то из них случайно падает, поднимается облако пыли, и остальные ребята дружно хохочут.

— Больше всего я беспокоюсь за него. Он будет тосковать без братьев, — говорит Кавита. — Даст бог, мы заработаем в Бомбее денег и сразу же вернемся сюда.

Когда взрослая трапеза окончена, прибегают Виджай с мальчишками. Все они с ног до головы в дорожной пыли. Джасу нарушает разделение на мужчин и женщин, разлучившее их с Кавитой на весь вечер, и подходит к жене.

— Чалло, уже поздно. Я думаю, пора прощаться.

Его слова моментально разрушают очарование вечера — иллюзию, что это лишь очередная большая встреча дорогих им людей, случившаяся по важному случаю или вообще без повода. Постепенно супругов окружают все, кто хочет попрощаться. Они подходят обняться, пожелать доброго пути, услышать обещание скоро всех навестить. Потихоньку гости расходятся, и остаются только родители Кавиты.

Женщина падает на колени и касается лбом ног матери. Та поднимает дочь за плечи и крепко обнимает. Мать произносит лишь одно слово, но повторяет его много раз. *Шакти.*

21
ХРУПКАЯ ГАРМОНИЯ

Пало-Альто, Калифорния, 1990 год

Сомер

Сомер идет к стойке администратора в фойе детской больницы Люсиль Паккард, чтобы уточнить номер палаты своего пациента.

— Сомер Уитман?

К ней подходит высокий врач с чемоданом на колесиках.

— Сомер, как поживаешь?

Он протягивает руку.

— Питер, — говорит Сомер, наконец узнав своего стэнфордского приятеля. Он был еще интерном, когда она была уже старшим ординатором. — Бог ты мой, сколько же я тебя не видела? Лет десять!

— Да, не меньше, — соглашается Питер, проводя рукой по густым каштановым волосам.

— Я слышала, ты пошел по инфекционным заболеваниям. Чем сейчас занимаешься?

Сомер помнит, что он был отличным студентом, которого ждало блестящее будущее. Этим он напоминал ей себя саму.

— Ну как тебе сказать, всякое было. Ассоциация инфекционистов в Бостоне, пара веселых лет с тропическими заболеваниями в Гарварде. А сюда меня только что взяли заведующим отделением. Так что радуюсь возвращению.

— Вот это да, Питер! Это замечательно!

— Да уж, точно! Я тут на пару дней еду с докладом в Стамбул. На следующей неделе буду страдать от джетлага. Но что поделаешь, работа интересная. Все лучше, чем лечить кашли и простуды, верно? А как у тебя дела? Ты же вроде хотела уйти в кардиологию?

Он смотрит на Сомер с неподдельным интересом. Женщина вспоминает, что они неплохо общались и что именно она уговорила его выбрать узкую специализацию.

— Ну, — произносит Сомер, приготовившись к не самой лестной реакции, — я работаю в клинике общей специализации в Пало-Альто, постоянно имею дело с кашлями и простудами.

Такое просто невозможно преподнести красиво и с достоинством. Все случаи в ее практике — сплошная рутина, уход за пациентом нужен минимальный, а у клиники постоянная нехватка медицинских изделий.

— Ничего не попишешь. Зато я каждый день забираю шестилетнюю дочь из школы.

Она улыбается и пожимает плечами. Интересно, во взгладе Питера действительно мелькнуло разочарование или это у нее разыгралось воображение?

— Отлично! А у нас два мальчика, шесть и десять. Не расслабишься, да?

— Это точно.

— Ну, мне пора выдвигаться в сторону аэропорта, Сомер. Я был рад тебя встретить. Кстати, никогда

не забуду, как здорово ты диагностировала неонатальную волчанку, когда была еще младшим ординатором. За годы я пересказал эту историю не один раз. И я всегда буду доверять вам, доктор Уитман.

Сомер опять улыбается.

— Сейчас уже доктору Тхаккар. В любом случае, мне приятно это слышать. Рада была увидеться, Питер.

* * *

Стоя в лифте, Сомер следит за меняющимися на табло цифрами. Куда ушли годы, что стало с той юной студенткой медицинского факультета, которой она тогда была? Она вспоминает острое желание работать с интересными клиническими случаями, заниматься исследованиями, повышать квалификацию в академии. Но сейчас она едва успевает просматривать медицинские журналы. Ее карьера сложилась так, что она отстала не только от равных, но и от собственных учеников и теперь даже в своей скромной практике чувствует себя самозванкой. Если бы только ее пациенты знали, какая неуверенность скрывается за белым халатом с бейджиком.

Она прячет эту неуверенную личность куда подальше и бежит за Ашей в школу, где учителя знают ее как миссис Тхаккар, а мамочкам она известна просто как «мама Аши». Все эти женщины, которые проводят с детьми куда больше времени, чем она, выглядят спокойными, у них крепкие отношения, и оттого они счастливы. А у Сомер не хватает времени на родительский комитет и школьные ярмарки выпечки. У нее нет времени даже на саму себя.

Она не смогла реализовать себя в профессии; материнство тоже не предоставило такой возможности.

Конечно, и работа врача, и материнство важны для нее. Но у Сомер нет ощущения, что она живет полной жизнью. С детства она думала, что будет все совмещать, но никогда не предполагала, что столкнется с неудачами в обеих сферах. Сомер успокаивает себя тем, что жизнь — это всегда компромисс и ей придется примириться с таким положением дел. Но вообще эта гармония выглядит весьма хрупкой.

* * *

Сомер сидит на скамейке, прихлебывая теплый сладкий кофе, и наблюдает за болтающейся на перекладинах Ашей. За последний год девочка стала гораздо смелее. Она лазает, висит и качается везде, где только может. От ее детской осторожности не осталось и следа, сбитые коленки тому доказательство.

Сомер нравится гулять с Ашей в парке. Они переехали в этот район несколько лет назад, когда ребенку было два года. Покинуть Сан-Франциско, где они стали семьей, было нелегко. После стольких лет страданий они с Кришнаном наслаждались новой жизнью: каждые выходные ходили на пляж Бейкер Бич, где Аша полюбила подкрадываться на цыпочках к самой линии воды, а потом с визгом убегать прочь от накатившей волны. Сомер с Кришнаном вновь начали доверять друг другу. Их разговоры больше не сводились к одной медицине, а отношения, которым пришлось преодолеть столько испытаний, постепенно восстановились ради ребенка.

Супруги не собирались брать пример с друзей, массово бежавших из города. Но как только Аша подросла, их перестал устраивать маленький двор и качество обучения в окрестных школах. Когда Крис получил

выгодное предложение по работе в Менло-Парке, в тридцати минутах езды к югу от Сан-Франциско, с хорошими школами в округе, они начали подыскивать в тех краях дом. Сомер устроилась в медицинскую клинику общей специализации.

— Аша, еще пять минут, — кричит Сомер, заметив, что солнце уже клонится к горизонту.

— Она такая миленькая, — замечает сидящая рядом женщина. — Мне кажется, я вас видела раньше. Мы здесь бываем почти каждый день, — поясняет она, показывая на копающегося в песочнице мальчика со светлыми волосами. — Ему тут нравится, а я всегда рада выбраться из дома.

— Да, Аше тоже здесь все пришлось по нраву. Скоро ее будет домой не загнать, — смеется Сомер.

— Приходите в пятницу после обеда, — говорит женщина. — Каждую неделю мы с другими нянями устраиваем здесь пикник. И детям вместе весело, и у нас есть своя взрослая компания.

Нянями? Выдержав вежливую паузу, Сомер встает и начинает собирать вещи.

— Я не няня, — говорит она женщине, — я ее мама.

— О, простите ради бога! Я просто предположила... То есть я подумала, что из-за...

— Все в порядке, — отвечает Сомер тоном, подразумевающим совсем противоположное. — Дочь больше похожа на отца, но у нее мой характер. — Она направляется к Аше. — Всего доброго.

Домой Аша едет на велосипеде. Сомер плетется позади, гадая, почему происшествие в парке так ее задело. Окружающим кажется естественным, что они с Ашей не родственницы. Ей придется привыкнуть к этому. Когда они появляются на людях втроем, все дважды

оглядываются на Сомер. Она и сама замечала, как естественно Аша смотрится рядом с Крисом, когда сидит у отца на плечах или рядом с ним за столиком в ресторане. В такие моменты Сомер кажется, что удочерили ее саму.

На семинаре по усыновлению несколько лет назад им сказали, что процедура решает проблему бездетности, но не проблему бесплодия. Эту разницу Сомер теперь прекрасно понимает. Появление Аши дало им многое: любовь, радость, удовлетворение от жизни. Но все это не избавило ее от страданий, что поселились в ее душе после выкидышей, и не уничтожило желания стать биологической матерью.

Наедине с Ашей Сомер ощущает себя ее мамой и любит как свою. Она никому не говорит, что Аша — приемная дочь. И дело не только в том, что такое признание не всегда уместно. Просто ей не хочется, чтобы дочь воспринимала все именно так. Для Сомер не существует бросающейся окружающим в глаза разницы между ней и темноволосой, смуглой Ашей. Сейчас она смотрит на девочку, которая остановилась на углу улицы, глазами той няни из парка. Тонкая загорелая ножка находится на педали, вторая едва касается земли. Хвостик черных волос выглядывает из-под голубого шлема с божьими коровками. Сомер любуется своей дочерью, хотя та совсем на нее не похожа.

22
«ГОЛД СПОТ»

Бомбей, Индия, 1990 год

Кавита

Выбравшись наконец из открытого автобуса, Кавита делает глубокий вдох. Последние три часа они с Джасу и Виджаем тряслись в тесноте, окруженные потными людьми, которым был абсолютно не интересен пейзаж за окном. Многие ездили так каждую неделю, чтобы сбыть в городе товар. Хотя Джасу купил билеты на троих, место в автобусе нашлось только для Кавиты. Всю дорогу она держала на коленях Виджая, чувствуя, как у нее постепенно немеют ноги. Джасу все время был прижат к мужчине, который вез клетку с курами. Она постоянно качалась и била его по колену. Но никто не жаловался, потому что некоторым пассажирам вообще пришлось висеть на подножке или ехать, вскарабкавшись на крышу автобуса.

И вот они стоят у автостанции, в руках у них три сумки, которые вместили все их вещи. Виджай цепляется за подол Кавиты. У него закрываются глаза. Они планировали добраться до одного из центральных районов города, где, по их сведениям, можно остановиться на одну-две ночи за очень умеренную плату. Сейчас им нужно просто как

следует выспаться. А завтра они начнут искать жилье и работу.

Кавита и Виджай еле поспевают за Джасу. Он тащит в руках чемоданы и иногда останавливается, чтобы спросить дорогу. Кавита одной рукой несет сумку, а другой держит за руку Виджая. Пока они бредут в сумерках по улицам Бомбея, Кавита поражается, как изменился город за шесть лет, когда она была здесь последний раз. Стремясь к невозможному, на улицы выходило еще больше людей, по дорогам ехало еще больше машин, а они распространяли еще больше шума и выхлопных газов.

Голова Кавиты занята лишь двумя мыслями: тем, как она тоскует по деревне, и горькими воспоминаниями, что она оставила в местном приюте Ушу. Эти думы донимают ее все сильнее, и Кавита борется с зарождающейся злобой на Джасу. *Он заставил меня бросить ребенка. А теперь вынудил приехать в этот город, оставить все, что я любила.* На мгновение она теряет Джасу в толпе и ускоряет шаг, чтобы догнать его. В этом месте у них нет никого, кроме друг друга. Кавита слышит успокаивающий голос матери. *Ты должна доверять ему. Ты должна быть смелой ради них.*

До района Дхарави, о котором им рассказывали, они добираются уже к ночи. Джасу, Кавита и Виджай с ужасом обнаруживают, что здесь все не так, как они думали. Здесь вообще нет зданий, перед ними сплошные трущобы, простирающиеся от шоссе до железнодорожной ветки. Длинный ряд убогих лачуг, кое-как собранных из гофрированных листов железа, картона и грязи, — это маленькие однокомнатные домики из мусора. Они медленно идут вдоль лачуг, стараясь не наступить в сточную канаву с нечистотами, прокопанную прямо у жилищ. Кавита крепко держит Виджая за руку и успевает прижать

сына к себе, чтобы его не сшибли несущиеся навстречу голые дети. Нищий с обрубками вместо ног протягивает к ней костлявую руку. Какой-то мужчина, явно пьяный, смотрит на нее, с вожделением облизывая губы. Кавита старается не поднимать глаз от земли, где основная угроза исходит лишь от разбросанного повсюду мусора и кишащих грызунов.

— Вам надо переночевать? Вам нужен дом? — интересуется мужчина, по-женски одетый в яркое желтое сари. Он пристраивается рядом с Джасу. У мужчины симпатичное лицо. Когда он улыбается, то видны два золотых зуба. Джасу перекидывается с ним парой слов, которые Кавите не удается разобрать, и вскоре они уже идут вдоль лачуг за этим человеком. Он останавливается у маленькой глиняной хибарки, обернутой пластиковой пленкой. Крышей домику служит лист гофрированного металла. Что-то мешает мужчине открыть покосившуюся дверь в помещение. В тусклом свете им удается разглядеть белую собаку. Пес настолько худой, что можно сосчитать все ребра. Прогоняя с дороги животное, мужчина в сари на короткое время расстается со своим женственным образом, но затем снова элегантно выставляет руку, приглашая путников внутрь.

— Предыдущая семья уехала только сегодня утром, — говорит мужчина. — Если хотите, оставайтесь здесь. Мы просим совсем немного.

Он поворачивает протянутую руку ладонью вверх и жеманно улыбается Джасу, который переводит взгляд на Кавиту.

— Всего на одну ночь, — произносит она скорее для того, чтобы облегчить мужу принятие неизбежного. На улицах уже темно. Они проделали очень долгий путь, и Виджай засыпает прямо на ходу. Джасу ставит чемоданы

на землю, вытаскивает из кармана несколько монет, бросает их в протянутую руку, не касаясь ее, и жестом велит этому парню проваливать. Джасу входит в убогое жилище первым, пригнувшись, чтобы не удариться головой о притолоку. Кавита с Виджаем заходят следом. Тесная комнатенка без окон почти пуста. На плотно утоптанном земляном полу нет ничего, кроме гниющих объедков. Кавите не хватает воздуха — здесь ужасно воняет человеческими экскрементами, и она с трудом сдерживает рвотный позыв.

Кавита берет Джасу за руку.

— Что ж, может, ты отведешь Виджая куда-нибудь поесть, пока я тут немного приберусь?

Джасу с Виджаем идут к ближайшим уличным лоткам. Кавита выходит на улицу, чтобы глотнуть чистого воздуха, и закрывает нос и рот краешком сари. Она собирает объедки и мусор в маленький пластиковый пакет, который валяется в углу. Женщина выносит мусор и, остановившись на секунду, чтобы сделать еще один глоток воздуха, замечает прислоненный к соседней стене веник. Кавита оглядывается, быстро прячет веник в складках сари и возвращается в лачугу.

Стараясь сделать все как можно быстрее, Кавита садится на корточки и остервенело метет веником земляной пол. Поднимается облако пыли, от которого у нее начинает жутко першить в горле, глаза слезятся, но она продолжает работать через силу. Если ей удастся справиться с самым мерзким верхним слоем, в котором сохранились остатки пищи, гниющие отбросы и моча людей, живших здесь до них, если только получится вымести все это отсюда, то она доберется до свежего слоя земли. К такому земляному полу она привыкла в деревне. Когда кашель начинает раздирать горло так сильно, что она уже не может

продолжать делать уборку, Кавита выметает кучу грязи из лачуги и кладет веник на прежнее место. Она не торопится возвращаться и ждет, пока ей удастся немного продышаться, а в лачуге за это время осядет пыль. Затем Кавита заходит обратно и вдыхает. Да, кажется, стало получше. А может быть, она просто привыкла к зловонию? Наконец женщина достает скатанные в рулон постельные принадлежности и расстилает три постели рядом с сумками.

Джасу и Виджай возвращаются с горячими пав бхаджи и холодными бутылочками газированного напитка «Голд Спот». Виджая очень впечатлила апельсиновая газировка, которую он попробовал впервые в жизни, ему понравилось, как она разливается по скрученному в трубочку языку, пощипывает пузырьками и попадает прямо в горло. Мальчик настолько поглощен новыми переживаниями, что совершенно не обращает внимания на мрачную обстановку. Пока они едят, откуда-то раздаются радиопомехи, а вскоре начинает играть музыка. Это старая песня из индийского фильма. Джасу подпевает, выдумывая слова вместо неизвестных ему. Он берет Кавиту за руку и тянет ее танцевать на маленьком сыром пятачке земляного пола. Кавита поддается. Сначала неохотно, потом, заметив, что Виджай хлопает в ладоши и тоже поет, она немного расслабляется. Ее лицо озаряет искренняя улыбка, и совсем скоро они вместе смеются и танцуют. Свой первый вечер в аду они проводят в объятиях друг друга до самого отхода ко сну.

* * *

Рано утром их будят громкие гудки грузовиков. Кавита слышит их первая и уже не может заснуть. Следующим просыпается Джасу. Какое-то время они лежат

с открытыми глазами, затем в замешательстве встают. Кавита выходит на улицу в поисках уборной и видит длинную очередь. Поспрашивав у людей, она узнает, что это очередь за водой из общественной колонки. Туалета нет. Со всей благопристойностью, на какую только способна, Кавита справляет нужду прямо у железнодорожных путей и быстро возвращается в лачугу.

— Там уже длинная очередь за водой, — рассказывает она Джасу, указывая рукой в направлении колонки. — Но у нас нет ничего подходящего, ни бутыли, ни ведра.

— Вам сегодня понадобится вода. Будет жарко. Хотя вот... Как думаешь, подойдет?

Джасу подбирает две пустые бутылочки от «Голд Спота», который они выпили накануне вечером.

— Я схожу за водой. А ты побудь здесь, — говорит он, указывая рукой на спящего Виджая.

Когда Джасу возвращается спустя почти час, на нем лица нет.

— Что такое, яну? Почему так долго?

Кавита называет мужа ласковым именем только во время ночной близости. В других обстоятельствах она делает это крайне редко. Но когда она видит его таким потерянным, слова сами слетают с языка.

— Это безумное место, Кави. Одна женщина решила, что другая пролезла без очереди, и начала вопить, чтобы та шла в конец. Первая женщина отказалась, и ее начали толкать и пинать до тех пор, пока она не ушла. Женщины дерутся между собой. Из-за воды.

Джасу качает головой, потрясенный увиденным.

— Завтра я пойду пораньше.

Он отдает жене полные бутылки из-под газировки и уходит на целый день, пообещав вернуться до темноты.

Когда просыпается Виджай, Кавита решает увести его погулять, потому что ей уже плохо от окружающей безнадежности трущоб. Она берет с собой самые ценные вещи и прячет остальное в постельное белье.

Кавита держит сына за руку, пока они бредут по улицам Бомбея. Женщина и мальчик видят рытвины и ямы на тротуаре, мусор и экскременты животных, валяющиеся вокруг. Людей так много, что им приходится жаться друг к другу, будто птичкам. Лоточники кричат, привлекая внимание к товарам.

— Горячий чай! Гарам гарам чаи! Горячий чай!

— Посмотрите, мадам. Сальвар-камиз! Всего сто рупий. Большой выбор цветов!

— Новинки фильмов. Два фильма — всего пятьдесят рупий. Отличная цена. Выбирайте!

Кавита снова вспоминает тот день. Она так же шла по улицам, а Рупа тащила ее за руку, как она сейчас — Виджая. Кавита ловит себя на том, что на каждом углу пытается отыскать знакомые места. *Переходила ли я улицу на этой автобусной остановке? Вроде знакомый газетный киоск? Это тот же рынок, который я видела?* Женщина хочет хоть как-то сориентироваться в этом сумасшедшем месте, где ей довелось побывать всего раз, в этом городе, в который еле помещаются более чем десять миллионов человек.

В неразберихе толпы, чьих-то тел, рук и ног она замечает знакомое лицо. Маленькая девочка, точь-в-точь Уша, чей образ Кавита бережно хранит в памяти. Две блестящие косички, завязанные ленточками, круглое личико и милая улыбка. Девочку держит за руку женщина в зеленом сари. *Это она? Это может быть она?* На вид они с Виджаем почти ровесники. Кавита проталкивается сквозь толпу, стараясь не отстать от женщины

с девочкой, и не обращает внимания на протесты Виджая, который совсем за ней не поспевает. Зеленое сари исчезает из виду, теряется в водовороте людей и цветов. Кавита останавливается посреди тротуара, тяжело дыша и оглядываясь по сторонам, но так и не находит тех, за кем шла.

— Мама!

Кавита чувствует, что Виджай тянет ее за руку, и встречается с ним взглядом.

— Да, мой милый. Чалло. Идем.

Она боится потерять Виджая в толпе, которая проносится мимо них, ее нервируют беззубые попрошайки, идущие по пятам. Кавита ищет глазами зеленое сари, как вдруг ей на ум приходят слова Джасу о новорожденной девочке. *Она будет обременять нас и тянуть соки из нашей семьи. Разве ты этого хочешь?* Возможно, он был прав и даже мудр. Каково им было бы с двумя детьми, если сейчас они не могут обеспечить даже одного. Кавита с сыном бродят весь день, и женщина выматывается так, что вечером ей хватает сил только на то, чтобы заснуть. Хватило одного дня, чтобы этот город начал душить ее неимоверным количеством людей, суетой и шумом. Она привыкла к чистому деревенскому воздуху, и теперь легкие не могут справиться со здешним смогом, а ноги скучают по влажной плотной земле там, дома.

Они идут обратно по улочкам, зажатым между лачугами, точно такими же, как та, в которой остановилась их семья. Кавита обходит грязную козу, сунувшую нос в огромную кучу дымящегося мусора, который валяется на пересечении двух улиц. Возле каждой лачуги они видят одно и то же: очаг для приготовления пищи, в котором вместо дров используются сухие коровьи лепешки, ведро с дневным запасом воды и рваную одежду, развешенную на веревках после стирки. Самые изобретательные

обитатели лачуг протянули провода антенн для телевизоров и транзисторных радиоприемников, и возле них собираются люди, чтобы узнать новости. Кавите очень не хватает поддержки: успокаивающего прикосновения материнской руки или озорного смеха Рупы.

Джасу уже вернулся из города, он сидит на краю постели и растирает уставшие ноги. Когда Кавита с Виджаем заходят в лачужку, он прерывает свое занятие и, улыбаясь, поднимает на них глаза.

— Что случилось? — спрашивает Кавита.

— Я сегодня отмахал, наверное, миль десять в этом старье.

Он кивает на изношенные чаппалы у двери. Кавита садится рядом и берет его ногу.

— Сегодня я был в трех курьерских конторах.

Он закрывает глаза и откидывается на землю.

— Везде сказали, что для меня работы нет. Им нужны люди, которые хорошо знают улицы Бомбея: рикши или водители такси. Только подумай, если бы я уже был рикшей или таксистом, зачем мне было бы идти в курьеры?

— Да, зачем? — медленно соглашается с мужем Кавита, в то же время не переставая размышлять над его словами.

— Потом я пошел узнать насчет работы дхабавалы, — продолжает Джасу. — Как я и думал, за разнос этих закусок по городу платят очень хорошие деньги. Сто рупий в день, представляешь? Но у них длинный список из желающих работать дхабавалой. Они сказали мне заходить каждую неделю и узнавать, нет ли работы. И предупредили, что до того, как это случится, может пройти три-четыре месяца.

Не зная, как реагировать на эти новости, Кавита наблюдает за Виджаем, который рисует пальцем

на утрамбованном земляном полу круги. *Ты должна доверять ему.*

— Но что хорошо, я встретил одного малого возле главной конторы дхабавал. Он знает большого человека, который может сделать так, чтобы мое имя попало в начало списка. Он может сделать так, что я быстро получу работу, всего за две-три недели. Я отдал ему всего двести рупий.

Кавита с беспокойством смотрит на мужа. Они привезли с собой в общей сложности тысячу рупий. Это были все их сбережения и деньги, подаренные родными.

— Не беспокойся, чакли! — широко улыбается Джасу. — Все хорошо. Он показал мне документы. Он хороший человек. А еще он поможет мне достать велосипед для работы. Я смогу пользоваться им сразу же, без оплаты. Хотя сначала мне придется отдавать заработанные деньги ему в счет велосипеда, но после того, как я его выкуплю, смогу оставлять все деньги себе.

Джасу садится и берет жену за плечи.

— Да не волнуйся ты так. Все ведь хорошо, чакли, очень хорошо!

Он обхватывает голову жены широкими ладонями и целует ее в макушку.

— Все устраивается быстро, как я и думал. Скоро у нас будет своя большая квартира. У тебя будет просторная кухня. А?

Кавита не может не улыбаться, когда у мужа такое настроение. Наступает ее черед выдохнуть и расслабиться.

— О'кей, мистер дхабавала, давай будем ужинать.

* * *

Утром две недели спустя Кавита, лежа на их спальном месте, наблюдает, как Джасу ставит в угол комнаты

небольшую склянку с холодной водой. Он тщательно умывается и бреется. Всю последнюю неделю муж исправно ходил в контору дхабавал, но пока у них так и не появилось для него работы. Парень, взявший с него двести рупий, тоже больше не появлялся. Но Джасу каждый день встает пораньше и занимает очередь за водой. Он настаивает, что будет ходить за водой сам, хотя обычно это делают женщины из трущоб. Сегодня он услышал о вспышке тифа в северной части поселения. Трое детей уже погибли, и многие сейчас болеют.

— Не подпускай Виджая к грязной воде, — говорит Джасу Кавите. — Местные ходят в туалет где попало, как собаки. Никакого стыда.

Он тщательно одевается и причесывается. Джасу торопится, словно его ждут к определенному времени. Каждое утро, полный надежд, он покидает жену и сына и каждый вечер, в очередной раз отвергнутый, возвращается в их временное жилище.

Кавита выходит из лачуги, чтобы приготовить чаи на чуть тлеющих со вчерашнего вечера углях. От ужина осталось немного кичри. Она разделяет его на две порции для Джасу и Виджая. Пока Кавита готовит завтрак, из лачуг по соседству выходят люди и занимаются тем же. Женщины затыкают между колен измятые сари, садятся на корточки и начинают болтать. Эти соседки живут здесь уже долго. Кавита не вступает с ними в разговор, но внимательно слушает сплетни, которыми они делятся у очагов. Эта болтовня пугает Кавиту, она слышит истории о пропавших детях, об избитых вечером женах. Некоторые мужчины делают самогон из сахарного тростника, а потом продают или обменивают его. А когда выпьют, эти озлобленные мужланы не стесняются вымещать свою ярость друг на друге и на других.

Трущобы похожи на город в городе. Здесь есть кредиторы и заемщики, собственники жилья и арендаторы, друзья и враги, преступники и жертвы. В отличие от хорошо знакомого Кавите деревенского уклада, люди живут здесь как звери: ютятся в убогих хибарах, дерутся за самое необходимое для жизни. Но что самое ужасное — многие люди, прожившие здесь несколько лет, считают это место своим домом. Они занимаются самой грязной и отвратительной работой в городе: чистят туалеты, сортируют мусор и собирают старье. Здесь нет дхабавал. Такие живут в порядочных домах, как порядочные люди. Как только Джасу получит работу, они покинут это жуткое место. Кавита понимает, что здесь им не выжить.

* * *

Той же ночью, когда они давно спят, всю семью будят громкие голоса с улицы. Шум подняли какие-то мужчины. Джасу подскакивает к двери. Рядом стоят пустые бутылки из-под «Голд Спота», в которые они набирают воду по утрам. Джасу берет в каждую руку по бутылке. Кавита садится и прижимает к себе едва проснувшегося Виджая. Глаза начинают различать в темноте предметы.

Тем временем голоса звучат уже где-то рядом. Джасу приоткрывает дверь и выглядывает через щель на улицу. Быстро закрыв дверь, он шепотом говорит Кавите:

— Полиция. Они стучат в двери и заглядывают в дома. У них палки и фонари.

Джасу становится спиной к двери. Кавита загораживает собой Виджая, у которого от страха глаза становятся огромными, как пиалы.

Со всех сторон слышен стук в двери. В стены летят бутылки. Слышно, как бьется стекло. Кто-то громко ругается. Где-то протяжно кричит женщина, она кричит

и плачет, плачет и кричит. Спустя несколько минут, которые всем показалось бесконечностью, страшные звуки прекращаются, их сменяет зловещий смех, но и он постепенно затихает. Наконец снова воцаряется тишина. Джасу все еще сторожит дверь. Кавита подзывает его. Прижавшись к мужу, она чувствует, как он вспотел от страха.

— Мамочка, — говорит Виджай. Он весь дрожит. Кавита видит, что руки мальчика прикрывают мокрое пятно на штанах. Кавита переодевает сына и застилает мокрую постель старой газетой. Все трое снова ложатся спать. Джасу обнимает Кавиту, а она обнимает сына. В темноте Виджай говорит:

— Я скучаю по Нани.

Кавита начинает беззвучно плакать. Постепенно дыхание Виджая становится глубоким и ровным, однако ни она, ни Джасу больше не смыкают глаз в ту ночь.

Наутро Джасу возвращается из похода за водой с новостями о полицейском рейде, что, по-видимому, здесь не редкость. Один из соседей рассказал ему, будто полиция разыскивала рабочего с фабрики, которого подозревают в краже. Полицейские подняли на ноги большинство обитателей лачуг, но все равно не смогли найти этого человека.

Зато нашли его пятнадцатилетнюю дочь. Пока соседи в страхе затаились по углам, полицейские прямо на глазах у матери и младших братьев зверски изнасиловали девочку.

23
ВОЗБЛАГОДАРИ

Менло-Парк, Калифорния, 1991 год

Кришнан

— Крис, ты еще не сделал пюре?!

Кришнан так увлечен газетой «Индия Эброд», что почти не слышит Сомер.

— Надо размять картошку. Индейка будет готова через полчаса. И не забудь, что в этот раз не нужно добавлять перца. Папа не любит острое.

Кришнан тяжело выдыхает. *Острое?* Только американец может сказать, что пюре, возможно самое пресное блюдо на земле, может быть хоть сколько-нибудь острым. Нет, так можно сказать о батата пакора — блюде, которое готовит мать Кришнана. Она хорошенько обжаривает до золотисто-коричневого цвета ломтики отваренной до полуготовности картошки, приправленные специями и начиненные зеленым перчиком чили. Обычно, едва она успевала положить первый ломтик на тарелку, нетерпеливые пальцы сына уже утаскивали его. Как давно он не ел батата пакоры! Крис со вздохом принимается мять в большой кастрюле дымящуюся картошку. Сомер периодически заходит в индийские рестораны, словно делает ему одолжение,

но по-настоящему она так и не полюбила индийскую кухню, а ее собственные кулинарные навыки весьма ограниченны. Как-то раз он показал ей, как делать чана масала — простое блюдо из консервированного нута и специй. Теперь это единственное, что она периодически готовит сама и подает с купленной в магазине питой. Дорогущая баночка шафрана, которую прислали его родители из Индии, не вскрыта, а Сомер давно призналась, что не знает, как его использовать.

Он добавляет в пюре пару чайных ложек растопленного сливочного масла, затем немного молока и помешивает. Содержимое кастрюли выглядит настолько белым и однородным, что обладает такой же привлекательностью, как больничные простыни. Как можно есть пищу без цвета и запаха? Эта картошка стала его особым заданием на каждый День благодарения. Один раз он размахнулся и добавил пригоршню мелко нарезанной кинзы в качестве украшения. На следующий год он размешал вместе с маслом чайную ложку маминых специй гарам масала. В этом году его ограничили лишь солью и маслом.

— Мне еще надо поставить в духовку пирог.

Сомер носится по кухне, подбегает к духовке, открывает дверцу и на некоторое время оставляет в индейке термометр.

Кришнан никак не может понять, почему американцы, в том числе его жена, каждый год так заморачиваются с одним-единственным блюдом. У него дома на семейных торжествах бывает как минимум дюжина разных блюд. Приготовление каждого из них гораздо сложнее, чем просто поставленная в духовку на несколько часов индейка. И ни одно не достают из консервной банки или коробки. Для главного праздника

Дивали его мать и тетушки начинают готовить задолго до дня торжества. Они делают и легкие воздушные долка в густом кокосовом чатни, и нежную овощную корма, и вкусно приправленный дал. Каждый ингредиент тщательно выбирают еще у торговца, а все специи обжаривают, измельчают и смешивают вручную. И тарт, и сливочный йогурт готовят сами, а лепешки паратхи заворачивают и подают прямо с огня. Женщины часами сплетничают и смеются, пока все вместе чистят, режут, варят и жарят для двадцати человек, а то и больше. При этом ему ни разу не доводилось видеть такого безумного беспокойства, которое демонстрирует сейчас его жена. Кришнану вспоминается, как он впервые познакомился со странными обычаями американского Дня благодарения.

* * *

На первом курсе университета одногруппник Якоб пригласил его в Бостон. К тому моменту Кришнан жил в Соединенных Штатах всего несколько месяцев и все это время провел исключительно в Калифорнии. Поэтому, когда они приехали в Бостон, он был поражен бодрящим холодным воздухом и яркими красками увядающих листьев. Так Кришнан впервые увидел осень.

Там было много народа, и вскоре Крис стал помогать подметать листья в просторном дворе великолепного дома в колониальном стиле. Это было очень странно. Юноша недоумевал, почему у хозяев дома не было слуг, которым можно было бы поручить эту работу. Еще больше его поразила последовавшая игра в тачбол. Затем, пока они отогревали у огня замерзшие пальцы, он слышал доносившийся из дома смех прелестной сестры Якоба. На кухне двоюродные братья

и сестры подтрунивали над ее новым парнем, которого она впервые пригласила домой. Такой подход был абсолютно чужд Кришнану. В Индии родители и остальные родственники должны были одобрить перспективного кандидата первыми, но никак не последними, а ухаживания жениха были короткими и обычно проходили при свидетелях. Еда Кришнану понравилась, хотя он не мог отделаться от мысли, что блюда стали бы еще лучше, добавь в них хозяйка немного острого соуса. К концу недели Кришнан был просто очарован тем, что там увидел: красивым домом, просторным двором, симпатичной девушкой-блондинкой. Ему тоже захотелось обладать всем этим. Он заболел американской мечтой.

Первое время после переезда в США Криса охватывало возбуждение при мысли о новых возможностях, появившихся в его жизни. Спокойный кампус в миссионерском стиле, в котором они жили и учились в Стэнфордском университете, разительно отличался от архитектуры покинутого им шумного города. В Америке было много чего другого, что он оценил по достоинству: чистые улицы, большие торговые центры, комфортабельные автомобили. Он пристрастился к местной пище, особено к картошке фри и пицце, которые продавались в кафетерии кампуса.

Кришнан впервые поехал в Индию после второго курса и увидел, что там многое изменилось. Было лето 1975 года. Индира Ганди только что объявила о чрезвычайном положении после того, как ей предъявили обвинения в нарушении избирательного законодательства. Политические протесты быстро подавляли, тысячи оппозиционеров оказались за решеткой. Пропаганде в газетах верилось с трудом, повсюду царили страх и неуверенность в завтрашнем дне. Во время

совместных с отцом обходов по больнице Кришнану казалось, что раньше она выглядела не такой ветхой. Особенно по сравнению со Стэнфордом. Некоторые друзья Кришнана женились, но сам он уклонялся от разговоров с матерью, намекавшей, что скоро настанет время выбирать девушку. К концу лета Крис понял, что скучает по Америке, где жизнь была более благополучной, а для карьеры открывалось больше возможностей. Поездка домой склонила чашу весов в пользу Америки. И когда Кришнан вернулся в Калифорнию, чтобы доучиться последние два года, он уже знал, что хочет остаться.

Следующие десять лет после окончания университета смазались в одно большое размытое пятно, они прошли в поту и усталости на пути к достижению заветной цели — стать хирургом. Кришнан закончил одну из наиболее сложных программ ординатуры в стране. Теперь коллеги приходят к нему за консультацией в самых тяжелых случаях, его часто просят читать лекции в Стэнфорде. Вдобавок Кришнану удалось заполучить симпатичную блондинку себе в жены. По всем объективным признакам он добился успеха. За пятнадцать лет, проведенных в стране, он воплотил в жизнь некогда пленившую его мечту.

* * *

Все сидят в гостиной за торжественно сервированным столом, но стулья стоят на несколько большем, чем следовало бы, расстоянии друг от друга. Отец Сомер разрезает индейку, и тарелки с индейкой, клюквенным соусом, подливой, картошкой пюре и стручковой фасолью передают от гостя к гостю. Кришнан ест и слушает, как Аша рассказывает бабушке с дедушкой

истории о новых учителях и школьной форме, которая ей очень нравится.

— Но самое классное, это то, что там нет мальчишек, потому что они все время лезут.

Все смеются, и только Кришнан делает над собой усилие, чтобы улыбнуться. В этой комнате они едят всего несколько раз в год, думает он, обводя взглядом гостиную, а на столе всегда пустовато. Он прикрывает глаза и затем снова осматривается. Дом просторный и красивый, но ему он кажется бесхитростным, так же как и жизнь, которой он живет. Это не так заметно, когда рядом болтает и смеется Аша, но и в нынешних застольях нет той полноты и того раздолья, которые он помнит по семейным сборищам в детстве. У него есть жизнь, которую он так хотел и о которой мечтал, но теперь американская мечта кажется ему неискренней и пустой.

Всего несколько недель назад его семья там, дома, собиралась на Дивали в доме его родителей. Пришли по меньшей мере две дюжины человек. Одного Кришнана не было за праздничным столом. Поэтому они позвонили ему и, передавая телефонную трубку по кругу, поздравили с Дивали. Когда зазвонил телефон, он как раз выбегал за дверь. Но после разговора Кришнан некоторое время неподвижно просидел за кухонным столом с трубкой в руке. В Бомбее был вечер, и, закрыв глаза, Кришнан представил себе миллионы дий — маленьких глиняных светильников, выставленных на балконах, уличных лестницах и в витринах магазинов. Все заходят друг к другу в гости, чтобы обменяться коробочками со сладостями и хорошими пожеланиями. Школы закрыты, дети не ложатся спать, чтобы посмотреть фейерверки. С самого детства этот

праздник, по случаю которого на Бомбей опускалось волшебство, был у него самым любимым.

Кришнан предлагал съездить в Индию еще раз, чтобы погостить и, быть может, усыновить еще одного ребенка. Но Сомер отказалась. Жена настойчиво стремится упрятать Ашу в кокон, который они вместе сплели вокруг нее. Ему же семья не представляется какой-то ценностью, которую надо оберегать. Для него семья — это что-то саморазвивающееся и настолько сильное, что способно противостоять времени, расстоянию и даже ошибкам. Сколько он себя помнит, в их многочисленном клане всегда бывали мелкие проступки и случались большие ссоры, но ничто не влияло на прочность их семейной связи. У Сомер благородные стремления, она старается изо всех сил: вместе с Ашей они листают журнал «Нэшнл джиографик», разглядывают карты Индии, изучают таблицы и цифры по сельскому хозяйству и животному миру страны. Когда родители присылают чания-чоли, она одевает в нее Ашу и посылает родителям ответные фотографии. Но справедливости ради надо сказать, что у их дочери не бывает поводов надеть праздничную национальную одежду, поэтому красивые наряды просто складываются стопкой в ее гардеробе. Усилия Сомер в конечном итоге окажутся столь же бесплодными, какими оказались его собственные нерешительные попытки обучить жену нескольким словам на гуджарати.

Возможно, Крис не волновался бы так сильно, если бы рядом с ним по-прежнему была женщина, в которую он влюбился тогда, — партнер по разуму, равный товарищ. Он скучает по их с Сомер беседам на медицинские темы. Она всегда интересовалась его работой, но сейчас больше предпочитает обсуждать

банальные подробности Ашиных заданий на дом. И даже когда жена рассказывает о работе в клинике, ему тяжело делать вид, будто слушать про насморки и растяжения связок интересно после того, как он весь день занимался опухолями мозга и аневризмами. Несмотря на то что формально оба они врачи, теперь нелегко поддерживать разговор так, чтобы одному из них не было обидно или скучно. Иногда Крису кажется, что все, на чем держится его брак сейчас, вообще не похоже на то, что когда-то свело их с Сомер вместе.

— Давайте скажем тост. — Веселый голос жены выводит его из задумчивости. Она уже подняла бокал с вином, и остальные последовали ее примеру.

— За семью!

Все повторяют эти слова и неуклюже привстают со своих мест, чтобы через стол чокнуться с другими. Кришнан делает большой глоток охлажденного шардоне и чувствует, как жидкость движется по пищеводу, а по телу разливается прохлада.

24
ПОСЛЕОБЕДЕННЫЙ ОТДЫХ

Бомбей, Индия, 1991 год

Джасу и Кавита

Джасу страдальчески стонет, услышав металлическое дребезжание будильника. Пружины кровати скрипят, и он бы не удивился, если бы его суставы издали такой же звук. В комнате, где спят они втроем, Джасу обходит кровать, трогает Кавиту за ногу. Как только жена просыпается, он спускается вниз в общую уборную жилого многоквартирного дома для рабочего класса. Относительно свободный туалет можно считать одним из преимуществ столь ранних подъемов.

Когда он возвращается, Кавита уже умыта и одета. Она чистит зубы, сплевывая прямо за балконные перила. Пока он моется, до него доносится звон молитвенного колокольчика Кавиты из соседней маленькой комнатки, которую они используют также в качестве кухни и столовой. Негромкое пение жены скоро разбудит Виджая. Даже если бы у них было больше места, Виджай не захотел бы спать отдельно — не только потому, что за шесть лет своей жизни он привык спать в родительской кровати, но еще из-за страшных снов, которые не перестают ему сниться после случившегося

в трущобах. Кавита идет на кухню готовить завтрак. Проводя по влажным волосам черной пластмассовой расческой с частыми зубьями, Джасу быстро выходит из общей комнаты, чтобы одеться. Он ненадолго останавливается возле мандира, складывает ладони и склоняет голову. Так каждое утро они по несколько раз проскальзывают мимо друг друга в молчаливом, хорошо отрепетированном танце.

— Еда? — односложно спрашивает Кавита.

— Возьму с собой, — отвечает Джасу. Хотя фабрика в районе Викхроли, где он работает, находится всего в сорока минутах езды от дома, что по бомбейским меркам совсем недолго, ему нравится приходить на работу одним из первых. К счастью, центральная железнодорожная станция находится всего в нескольких кварталах от их места жительства. Джасу даже приноровился на ходу вскакивать на отходящий от станции поезд. Это лучший момент дня. Джасу испытывает своего рода спортивный интерес — успеет ли он заскочить в последний момент, а потом свободно повиснуть снаружи, пока поезд несется по городу, а ветер сушит его уже успевшую намокнуть от пота одежду. Джасу слышал, что это рискованно. Вероятно, не меньше двух тысяч пассажиров гибнет из-за этого каждый год. Но в Бомбее поездами пользуются несколько миллионов человек, так что Джасу не готов прекращать свои поездки на основании этой статистики.

А вот велосипедная фабрика, на которой он работает, бесспорно, может считаться опасным местом. За первый месяц работы ему довелось увидеть, как у двух рабочих пальцы рук отрубило станками, а третий сильно обжегся сваркой. Приезжая пораньше, Джасу может заняться на весь день какой-нибудь безопасной

работой, вроде покраски рам или прикручивания гаек. Сама фабрика представляет собой большой пыльный ангар, беспорядочно заставленный всяческим оборудованием и инструментами. Свет в ангаре настолько тусклый, что Джасу уже не раз спотыкался о лежащие на полу электрические кабели. Пыль и дым от сварки так сильно раздражают горло и глаза, что даже загазованный воздух Бомбея, на который Джасу выходит после смены, приносит большое облегчение. Тем не менее Джасу считает, ему повезло, что он устроился на эту работу через несколько дней после рейда полиции по трущобам. Платят здесь не так много, как дхабавалам, всего восемь рупий в час. Но если работать лишний час с утра и вечером, получается две тысячи рупий в месяц — сумма, равная его пятимесячному заработку в деревне.

Но даже при таком раскладе им пришлось постараться, чтобы найти жилье по карману. Квартирка в доме на Шиваджи-роуд маленькая, гораздо меньше их деревенского дома. Но многое в планах Джасу на будущее изменилось после приезда в Бомбей и пережитого ужаса в трущобах. То, что планировалось как одна или две ночевки, превратилось в несколько недель ужасного существования, которые, казалось, длились даже дольше, чем на самом деле. Никто не предупреждал его, как жутко будет в Дхарави, и Джасу не мог себе такого представить и в самых темных мыслях. Трущобы чуть было не заставили его собрать вещи и убежать обратно домой.

Но Джасу знал, что дома нет ничего, за чем стоило бы возвращаться. Да и семья рассчитывает на него. Он сам привез их сюда, и теперь ему нужно о них позаботиться. После полицейского рейда Джасу купил у мужчины в желтом сари нож и ложился спать у двери,

не выпуская оружия из рук. Следующие за рейдом несколько ночей Виджай с криками вскакивал среди ночи, и родителям приходилось успокаивать его, чтобы он снова заснул. Кавита явно ненавидела это место. Несмотря на то что она не говорила об этом ни слова, ее отвращение усиливалось день ото дня. Джасу неоднократно возращался из города и заставал жену ожесточенно метущей веником землю в лачуге, пока перепуганный Виджай сидел рядом на улице. В доме на Шиваджи-роуд был необходимый им минимум удобств и можно было рассчитывать на большую безопасность и уединение, чем в трущобах. Неподалеку даже нашлась хорошая школа для Виджая. Им пришлось потратить на съем жилья оставшуюся часть привезенных с собой накоплений и большую часть заработка Джасу. Но по сравнению с тем, что было раньше, скромная двухкомнатная квартирка в первую ночь показалась им дворцом.

Поезд замедляет ход, приближаясь к станции, и Джасу, взглянув на часы, спрыгивает на платформу. Даже после пешей прогулки от станции до фабрики сегодня, как и во все другие дни, он окажется на рабочем месте в семь тридцать. Сейчас он встретится с мастером. Один или два раза тот даже угощал Джасу чуть теплым чаем, который оставался нетронутым на подносе их начальника. Так Джасу работает шесть дней в неделю с раннего утра, а потом еще несколько часов после наступления темноты. Он выполняет все, что ему говорят, и редко делает перерывы, даже когда все остальные уходят курить. Домой он возвращается поздно ночью. От него пахнет потом, а все тело болит. Здесь ему приходится еще тяжелее, чем в поле. Но Джасу не ропщет. Ведь они в начале пути к лучшей жизни.

* * *

Кавита домывает металлическую посуду. Каждое утро, приходя на работу в шикарную квартиру хозяев, она в первую очередь берется за оставшуюся после завтрака посуду. Задания Кавите дает Бхайя — главная служанка, проработавшая здесь так долго, что распоряжения мемсагиб понятны ей с полуслова. Кажется, будто они общаются между собой на каком-то тайном и только им двоим понятном языке. На Бхайю возложены привилегированные обязанности: ходить на рынок и следить за приготовлением еды. Кавита моет посуду и делает большую часть уборки. Служанки работают, не привлекая к себе внимания. Если Бхайя и заговаривает с Кавитой, то только затем, чтобы добавить какой-нибудь пункт вроде муки из твердой пшеницы, красной чечевицы масур-дал или семян кумина к списку покупок, который Кавита держит в голове. Хотя Кавита не умеет ни читать, ни писать, у нее отличная память на слова, поэтому Бхайя начала на нее полагаться.

Поразительно, какой беспорядок способны оставить после себя два человека, у которых даже дети уже выросли и располагают достаточными средствами, чтобы жить отдельно от родителей. Сагиб и его жена используют несколько маленьких чашечек и мисочек для каждого приема пищи, а не один-единственный набор тхали, как привыкла делать Кавита. Бхайя немногим лучше, она готовит каждое блюдо в отдельной посудине. Мемсагиб может за один день переодеться три раза и так и бросить сари на кровати вместе с нижними юбками и блузами. Однако к украшениям она относится более трепетно и всегда запирает их в металлическом ящичке. Каждый день Кавита аккуратно складывает, гладит и убирает разбросанные по квартире сари

в шкаф. К хозяевам часто кто-то заходит, почти каждый раз за столом бывают гости. Бхайя всегда готовит по меньшей мере на шестерых. Так что служанкам удается поесть с хозяйского стола.

Об этой работе Кавита узнала от сестры Бхайи, живущей на Шиваджи-роуд этажом ниже. Джасу не одобряет занятие жены. Он предпочел бы, чтобы Кавита брала на дом шитье. Но уборка в доме богачей приносит им семьсот рупий в месяц. А квартира, где работает Кавита, просторная и красивая, с прохладными мраморными полами, добротной деревянной мебелью и большой кухней. Неплохое место, чтобы проводить там весь день, хоть и в качестве прислуги. А что еще важно, Бхайя разрешает ей уходить после обеда, забирать из школы Виджая и приводить его в квартиру хозяев на то время, пока Кавита не доделает оставшуюся работу.

Время в начале второй половины дня, после сытного обеда, когда на улице стоит жара и тянет поближе к вентилятору, можно считать самым спокойным в Бомбее. Водители такси выключают счетчики и вытягиваются на задних сиденьях машин. Слуги в шестиэтажном здании, где живет мемсагиб, лежат на ковриках вдоль открытых коридоров и лестничных площадок. Даже консьерж клюет носом в фойе. Возвращаясь из школы, Кавита с Виджаем часто видят, как мужчина сидит, уронив голову на грудь, и пускает во сне слюни. Кавите же не удается отдохнуть днем, так что сегодня она решает воспользоваться моментом. Бхайя попросила на обратном пути из школы захватить немного домашнего сыра панир. Остановившись возле рынка, Кавита смотрит на часы. Времени едва хватает, чтобы сделать крюк по городу. Если идти быстрым шагом, она успеет. Мешкать нельзя.

Через десять минут женщина, запыхавшись, подходит к знакомым железным воротам детского приюта. Прильнув лицом к прутьям, она смотрит во двор на табличку с красными буквами. За ее спиной раздается смех, и женщина оборачивается. К ней приближается отряд детей разного роста. Двое высоких, по грудь взрослому, идут впереди. За ними, выстроившись по росту, следуют остальные. Кавита вглядывается в лица девочек, пытаясь отыскать ту, которая навсегда отпечаталась в ее памяти. Одна из девочек улыбается ей, но она слишком темненькая. Другая как раз подходящего роста, но с темно-карими глазами. Кавита затмечает, что проходящие дети одеты в чистую одежду. Они выглядят сытыми и вполне довольными. Последние из них слишком быстро вбегают в ворота и исчезают в здании. Ей никогда не хватает времени, чтобы разглядеть их.

Она должна быть где-то здесь. Конечно, возможно всякое. По ночам Кавиту преследуют кошмары о том, что Ушу продали в служанки по договору, что она умерла от плохого питания или болезни. Именно поэтому Кавита приходит сюда в надежде увидеть маленькую девочку с такими же, как у нее, глазами и положить конец мыслям, не дающим покоя по ночам.

Нежиданно она вспоминает о времени. *Виджай.*

Женщина быстро переходит улицу. Она опаздывает всего на несколько минут. Сегодня хороший день. Возможно, ей удастся купить свежего кокосового молока, чтобы попить его вместе с сыном на обратном пути. Подходя к школе, она слышит крики играющих на поле мальчишек. Их голоса почему-то звучат скорее зло, чем весело. Кавита ускоряет шаг, чувствуя, как в животе сжимается комок страха. Очутившись на поле, она видит разбросанные по всему двору книги и сгрудившихся

у кирпичной стены школьного здания мальчишек. Кавита торопливо распахивает ворота и бежит настолько быстро, насколько ей позволяет сари. Подойдя к группе мальчишек совсем близко, она слышит насмешливые выкрики.

— Деревенщина! Гаван! — вопят мальчишки.

— Убирайся в свою деревню играть с курами!

Кавита протискивается между ними и видит лежащего на земле Виджая. Его прижали к стене, ноги исцарапаны в кровь, рубашка в грязи. Мать бросается к сыну и приподнимает его голову.

— Что вы творите? Накхрас! Бессовестные! А ну пошли! Убирайтесь, пока я сама не побила вас! Быстро! — кричит Кавита, одной рукой поддерживая голову сына, а второй прогоняя их прочь.

Ребята разбирают сумки и, хохоча, уносятся вниз по улице. Кавита переводит взгляд на сына, стараясь понять, насколько сильно он пострадал. Нижняя губа распухла, на щеке царапины, из глаз катятся слезы. Она опускается рядом с ним на землю и сажает мальчика к себе на колени. Кавита качает его и чувствует, что надетые на мальчика шорты мокрые у него между ног.

— Все, все, мой сладкий, все будет хорошо.

Даже произнося эти слова как можно спокойнее, Кавита не сводит глаз со школьного двора и улицы за воротами, чтобы, если что, вовремя заметить новую опасность, которая поджидает их на каждом углу этого чужого города.

Ноябрь 1997-го

Как жаль, что тебя нет рядом, чтобы помочь мне.

Мне нужно написать автобиографию для урока социологии в восьмом классе, но я не знаю, с чего

начать. Я не знаю своего настоящего происхождения. Сколько я ни спрашиваю об этом маму, она рассказывает мне одну и ту же историю о том, как взяла меня из детского приюта в Индии, когда я была еще младенцем, и привезла в Калифорнию.

Ей ничего не известно о тебе, почему ты отдала меня. Она не знает, как ты выглядишь. Я уверена, что мы с тобой похожи и ты бы подсказала мне, что делать с густыми бровями. Моя мама не любит обсуждать эти вещи. Она говорит, что я такая же, как все, и не должна об этом задумываться.

Папа попытался помочь мне с проектом и подобрал для него фотографии. Он достал старый альбом с черно-белыми снимками и тонкими листами бумаги между страницами. Там были его фотографии в форме для крикета и его дяди на белом коне в день своей свадьбы.

Папа рассказывал мне о фестивале воздушных змеев, который индийские дети ждут в январе, и про весенний праздник, когда они кидаются друг в друга краской. Это, наверное, очень весело.

Я никогда не была в Индии.

25
ПРОСРОЧКА

Мумбаи[1]*, Индия, 1998 год*

Кавита

Кавита пробует дал и добавляет соли, чтобы поменьше чувствовался недостаток чечевицы. Она готовит две тхали риса и дал, добавляет чуть-чуть пикулей манго в порцию Виджая, чтобы немного приукрасить вкус основного блюда, которое они в последнее время едят слишком часто. Джасу опять работает допоздна. Он берет дополнительные часы почти каждый день и выходит на смены за других сотрудников. После полицейского рейда на велосипедную фабрику, из-за которого ее закрыли, ему понадобилось несколько месяцев, чтобы найти новую работу. До того как Джасу устроился на текстильную фабрику, им пришлось занимать деньги под проценты, чтобы оплатить жилье и школу Виджая. И хотя им кажется, что ростовщику уходит каждый заработанный паис, оставшаяся сумма долга по-прежнему внушительна. Они уже просрочили оплату за школу, а теперь еще и опоздали с арендой. Джасу с Кавитой надеялись, что хозяин жилья Маниш

[1] До 1995 года — Бомбей. — *Здесь и далее — прим. ред.*

пойдет им навстречу, поскольку за те восемь лет, что семья живет здесь, у него не было с ними никаких проблем. Но арендная плата поднимается по всему Мумбаи, и Манишу хочется избавиться от старых жильцов, чтобы сдавать жилье по более высоким ценам.

— Что вы сегодня проходили в школе, Виджай?

Кавита всегда с нетерпением ждет этого момента.

— Ничего особенного, мамочка. Умножение, возведение в степень. Учитель говорит, что мне надо как следует усвоить эти темы, чтобы не отставать от остальных.

— Хорошо, — медленно произносит Кавита. Она переносит пустой поднос тхали в раковину и начинает усердно отмывать посуду, чтобы сын не видел, что она вот-вот заплачет.

Это она виновата. Последние несколько недель после обеда Виджай подрабатывал с ней в доме сагиба. Когда один из постоянных посыльных сагиба заболел, мемсагиб попросила Виджая забрать у портного ее блузки. Она заплатила ему пятьдесят рупий и попросила прийти и на следующий день. Так Виджай во второй половине дня занимался доставками, вместо того чтобы делать уроки. Они с Джасу решили, что не будет ничего плохого, если он поможет им поскорее расплатиться с ростовщиком. Но теперь она поняла, насколько глупо они поступили. Они пожертвовали образованием сына, его единственной возможностью на лучшую жизнь, ради нескольких сотен рупий. Кавита с остервенением отскребает засохшие рисины со дна кастрюли.

Входная дверь открывается.

— Привет! — Джасу останавливается, взъерошивает волосы Виджая и направляется на кухню, где Кавита уже разогревает ужин. — Здравствуй, чакли! — Он обнимает жену сзади и кладет подбородок

ей на голову. — Мм... дал, — констатирует Джасу, учуяв запах еды. — Как здорово, что мне досталась жена, которая каждый раз может приготовить дал по-разному. — Широко улыбаясь, он подходит к Виджаю и похлопывает его по животу. — Что, Виджай, скажи — нам повезло, что наша мама отлично готовит?

Мимолетная веселость улетучивается от громкого стука в дверь и свирепого голоса Маниша.

— Джасу? Эй, Джасу! Я знаю, что ты там. Я слышу, как ты таскаешь свою тушу у меня над головой. Быстро открывай, или я выломаю дверь.

— Что этот мерзавец здесь делает в такой час?

Джасу большими шагами подходит к двери и, распахнув ее, видит перед собой Маниша, одетого в потасканную исподнюю рубаху, из-под которой торчит нависающее над затянутыми шнурком штанами волосатое брюхо. На лице недовольного рантье недельная щетина, глаза красные, от него несет спиртным. Кавита хватет Джасу за локоть в надежде, что тот отреагирует на приход Маниша спокойнее.

— Маниш, уже поздно. Неужели дело настолько важное, что нельзя подождать до утра? — твердым голосом произносит Джасу и начинает закрывать дверь.

С поразительной проворностью Маниш умудряется вставить свою дряблую руку в проем, чтобы дверь не закрылась.

— Слышь, ты, ленивый ублюдок. Ты задерживаешь плату за жилье уже две недели, и я не собираюсь больше это терпеть, — орет ему в ответ арендодатель.

Джасу стоит в дверях, загораживая собой Кавиту и Виджая.

— Маниш, бхаи, — обращается к хозяину уже более мягким тоном Джасу. — Я заплачу. Разве

я когда-нибудь подводил тебя за те восемь лет, что мы живем здесь? Недавно у меня произошла неприятность с работой, и... мне нужно немного времени.

— Времени? У меня нет для тебя времени, Джасу. Ты крадешь эти деньги из моего кармана, слышишь?

Маниш трясет кулаком в воздухе.

— Думаешь, тебе одному нужна эта квартира? Да у меня очередь отсюда и до самого океана из тех, кто хочет жить здесь, и все они готовы платить вовремя. Я не могу тебя ждать, Джасу!

— Маниш, бхаи, пожалуйста. Ты не можешь просто выкинуть нас отсюда. Мы говорим сейчас о моей семье. — Джасу открывает дверь шире, чтобы хозяин увидел Кавиту и Виджая. — Ты ведь нас знаешь. — Он старается говорить с уважением. — Я обещаю, что достану деньги за жилье. Пожалуйста, Маниш, бхаи.

Джасу умиротворяюще складывает ладони. Кавита от волнения едва дышит.

Маниш качает головой, тяжело выдыхая.

— Пятница, Джасу. У тебя есть время до пятницы, и все. Потом пойдете на улицу.

Он разворачивается и, разгоняя тараканов, живо припускает вниз по лестнице своей переваливающейся походкой.

Джасу запирает за ним дверь и, прислонившись к ней лбом, тяжело вздыхает, прежде чем взглянуть на жену и сына.

— Жадный ублюдок. Мы вовремя платили ему каждый месяц на протяжении восьми лет.

Широкими шагами Джасу возвращается в кухню.

— Мы мирились с загаженностью его туалетов и отключениями воды без предупреждения и ни разу не пожаловались. — Джасу грозит кулаком в сторону

двери. — И вот он легко и просто готов выкинуть нас. Негодяй! — Он берет из трясущихся рук Кавиты тхали, снова шагает на кухню и садится за стол. — Ему повезло, что я за него не взялся, — добавляет Джасу, кладет в рот большую порцию дал-бата и энергично жует.

— А почему, пап? — в дверях кухни возникает Виджай.

— Что? — переспрашивает Джасу, не отрывая взгляда от еды.

— Почему бы тебе не сделать так, чтобы Маниш перестал сходить с ума и заявляться сюда всякий раз? Он вчера приходил и напугал маму...

По глазам сына Кавита видит, как он расстроен и разочарован, и она знает, что Джасу тоже заметит это.

— Да ладно, полно, ничего страшного. Я не испугалась. Папа разберется, хорошо? А сейчас тебе надо пойти доделать домашнее задание, — уговаривает сына Кавита, показывая на книги и листы бумаги, разбросанные по полу.

— А что, Виджай? Что, по-твоему, мне надо сделать? Этот человек негодяй. Он пользуется людьми, которые зарабатывают себе на жизнь тяжелым трудом. Тут уже ничего не поделаешь.

— Я не знаю, пап, сделай что-нибудь. Отдай ему деньги. Врежь ему. Сделай что-нибудь. Хоть что-то. Хватит его упрашивать, — говорит Виджай с набитым ртом.

У Кавиты перехватывает дыхание и она инстинктивно подается вперед. Джасу резко вскакивает и в один шаг оказывается возле Виджая, замахнувшись на него кулаком.

— Прикуси язык! Ты думаешь, ты лучше отца, потому что учишься в школе? Я каждый день гну ради

тебя спину. Много ли ты понимаешь! — Глянув на свой недоеденный ужин, Джасу в сердцах толкает тхали, и тарелки звякают. — Я сыт по горло дал-батом. — Он разворачивается, собираясь уйти. — Сыт по горло!

Кавита идет за мужем по коридору.

— Джасу, он еще мальчишка. Сам не понимает, что говорит. — Она смотрит, как муж надевает чаппалы. — Куда ты идешь?

— Куда глаза глядят. Подальше отсюда!

Джасу с грохотом захлопывает дверь.

Некоторое время Кавита стоит, уставившись на закрытую дверь. Она чувствует, как страх перерастает в недовольство всеми — Манишем, Джасу и Виджаем — за то, что каждый из них распыляет вокруг нее зло, словно бензин, и превращает пейзаж ее жизни в выжженную равнину. Она несколько раз глубоко вдыхает, прежде чем повернуться к сыну. *Он всего лишь мальчишка.*

— Виджай, — говорит она, крепко беря его за плечи. — Что с тобой происходит? С отцом нельзя так разговаривать.

Виджай сверлит ее твердым взглядом.

— Послушай меня. Папа со всем разберется. — Тыльной стороной ладони мать касается его щеки и замечает первые волоски. — Тебе незачем об этом беспокоиться, бета. Ты должен думать об учебе.

Она берет его за руку и отводит обратно к книжкам.

Виджай уворачивается от матери и остервенело пинает книги на полу.

— Зачем? Для чего мне учиться? Это пустая трата времени. Неужели ты не видишь? Что это даст, мама? Ты говоришь, я должен стараться изо всех сил. Но это ни к чему не приведет.

Кавита смотрит, как он разворачивается и выходит на балкон — единственное место в их тесной квартирке, где можно хоть как-то уединиться. *Такие грандиозные замыслы, прямо как у отца.* Когда у ее маленького мальчика появились заботы взрослого мужчины? Не раздеваясь, Кавита забирается в их с Джасу постель, зарывается головой в тощую прокисшую подушку и беззвучно плачет. Некоторое время она лежит в темноте без сна, потом до нее доносится скрип балконной двери и глубокое, тяжелое дыхание сына, которое она узнает безошибочно, где бы ни находилась.

Под утро Кавита слышит, как хлопает входная дверь. Когда Джасу заваливается на свою половину кровати, Кавита улавливает его дыхание. Она помнит этот запах с первых жутких недель в трущобах Бомбея. Тогда в ночном воздухе стоял запах перегара. Она помнит неприятный запах браги из плодов чику в ту ночь, когда Джасу ворвался в хижину, где она родила дочь. И каждый раз с этим запахом в ее жизнь приходили несчастья.

26
ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Менло-Парк, Калифорния, 2000 год

Аша

Аша заходит в офис школьной газеты «Харпер Скул Бьюгл» раньше времени. В этом помещении без окон она проводит большую часть своего обеденного и прочего свободного времени. Девушка садится за стол вместе с Кларой, редактором, и миссис Джансен, их консультантом, достает блокнот и карандаш. Аша так и не смогла привыкнуть ни к шариковой ручке, ни к фломастеру. Ее смущает, что их невозможно стереть, словно за написанным сжигаются все мосты и нет пути назад.

— Так, — произносит Клара. — Давайте пробежимся по статьям, которые идут в юбилейный выпуск в честь столетней годовщины школы в следующем месяце. Этот выпуск получат все наши выпускники. Аша?

Аша выпрямляется на стуле.

— Ну, в свете грядущего юбилея я подумала, что нельзя не уделить внимания истории. Как мы все

знаем, свое состояние этой школе передала Сьюзан Харпер. — Девушка видит, что все сидящие за столом откровенно скучают. Они, как и сама Аша, уже давно знают про Сьюзан Харпер все. — Но состояние досталось ей от мужа, Джозефа Харпера, владельца компании «Юнайтед Тексайлс» — крупнейшего в стране производителя текстиля. Так получилось, что около десяти лет назад у них возникли сложности с профсоюзами. «Юнайтед Текстайлс» перевела производство за границу. Сейчас большая часть ее заводов находится в Китае и активно эксплуатирует детский труд... — Она делает паузу, чтобы добиться нужного эффекта. — Десятилетние дети работают на фабриках по двенадцать часов в сутки, вместо того чтобы учиться в шикарных школах вроде нашей.

Закончив, Аша начинает грызть кончик карандаша и с удовлетворением отмечает, что никто из присутствующих уже не скучает.

Клара вставляет свое слово.

— Не думаю, что это подходящая тема. Аша, тебе не кажется?

— На самом деле нет, не кажется. Я думаю, мы должны знать историю своей школы и то, откуда берутся деньги на все это.

Она жестом обводит комнату.

— Они берутся от наших родителей, — бормочет другая ученица.

Аша невозмутимо подолжает:

— Нас всегда учат думать о мире вокруг. И эти детишки в Китае — тоже часть окружающего мира. Мы обязаны добиваться правды. Разве не в этом заключается суть журналистики? Или вы считаете, что мы должны быть цензорами сами себе?

Миссис Джансен медленно выдыхает и произносит:

— Аша, давай обсудим это у меня в кабинете. Завтра после обеда.

Ее тон ясно дает понять, что это не предложение.

* * *

— Ну, ты спросила родителей насчет вечеринки в субботу?

Рита коленом посылает Аше футбольный мяч.

Аша вздыхает.

— Нет, папа всю неделю работал допоздна.

Она отбивает мяч, смотрит, как он взлетает ввысь, и снова ловит его.

— Он строг к таким вещам. Говорит, что не видит *смысла* во всех этих вечеринках. И почему мне нельзя просто повеселиться, как любому нормальному человеку в шестнадцать лет?

— Ты знаешь, Аша, мой папа тоже никуда не пускает меня по выходным.

Маниша — вторая девочка-индианка из Ашиного класса — перехватывает мяч и продолжает с нарочито индийским акцентом, подняв вверх указательный палец:

— Только если это необходимо в образовательных целях!

Обе смеются, и Маниша бросает мяч обратно Аше.

— Особенности культуры, — пожимает плечами Маниша.

В раздевалке девушки быстро переодеваются в школьную форму и толпятся возле зеркала, чтобы убедиться, что хорошо выглядят. Аша борется со своими густыми черными волосами, пытаясь собрать их в конский хвост, но резинка рвется и щелкает ее по пальцам.

— Оу! Вот дерьмо!

Девушка качает головой, достает из рюкзака небольшую косметичку и идет к зеркалу подкрасить ресницы тушью.

— Боже, Аша! Тебе же вообще не нужна косметика, — замечает одна из школьниц, которая уже несколько минут не может оторваться от зеркала.

— Да уж, что угодно бы отдала за такие глаза. Они очень необычные! Это тебе от мамы или от папы такие достались? — спрашивает другая девочка.

Аша напрягается.

— Не знаю, — тихо отвечает она. — Мне кажется... глазами я пошла в одну из бабушек.

С пылающим лицом она отворачивается от зеркала и подходит к своему шкафчику. «*Я понятия не имею, от кого мне достались мои необычные глаза!*» — хочется закричать Аше. Только самые близкие подруги знают о том, что она живет в приемной семье; остальным она предоставляет возможность делать собственные предположения. Поверить в то, что она могла появиться естественным путем у папы-индийца и мамы-американки, несложно. Именно это всегда спасало ее от лишних объяснений. Аше не хочется делиться своей историей с этими любительницами покрутиться перед зеркалом. Интересно, позавидовали бы они черным волосам на ногах, которые с каждым днем делаются все заметнее, или смуглой коже, которая даже с кремом от загара темнеет через десять минут пребывания на солнце.

— О, Аша, ты такая необычная.

Откуда-то сзади до нее доносится тихое передразнивание. Обернувшись, Аша видит Манишу, которая с улыбкой закатывает глаза.

— Пойдем. Хочешь замороженного йогурта?

Маниша направляется к двери.

— Конечно, — отвечает Аша.

— Меня бесит, когда люди называют нас «необычными», — говорит Маниша, выйдя из раздевалки. — Я к тому, что поезжайте вы во Фримонт, и увидите, что ничего необычного нет. Там индийцы повсюду.

Девочки садятся на скамейку возле небольшого магазинчика, держа в руках по стаканчику замороженного йогурта. Проглотив очередную порцию ванильно-шоколадной смеси, подружки продолжают болтать.

— Возле нашего дома есть магазин мороженого, — говорит Маниша. — Там продают мороженое с паановым сиропом. Очень хорошее. По вкусу как настоящий паан. Тебе надо как-нибудь попробовать.

Аша просто кивает и продолжает есть. Она не знает вкуса паана, поскольку пробовала его всего раз в жизни. Папа давал ей это лакомство, когда она была еще совсем маленькой.

— Ты пробовала замороженный паан в Индии? Прошлым летом мы с двоюродными братьями и сестрами каждый вечер ходили за ним. Потом не отвяжешься. Обязательно попробуй, когда поедешь в следующий раз.

По всей видимости, Манише не нужен ответ, за что Аша ей только благодарна. Так девушке не придется признаваться, что она не была в Индии, или придумывать объяснение почему. Она помнит, что отец ездил туда пару раз, когда она училась еще в начальной школе. Тогда родители, решив, что дочь уже спит, обсуждали, не взять ли Кришнану девочку с собой. В конце концов они сошлись на том, что Аше не стоит так долго пропускать школу. Каждая поездка начиналась с того, что они с мамой отвозили отца с двумя огромными чемоданами в аэропорт. Один из чемоданов был забит гостинцами

и подарками из Америки. Потом каждые несколько дней через помехи международной телефонной связи они слышали голос отца. Когда спустя две недели он возвращался, один из чемоданов был забит чаем и специями, сандаловым мылом и яркой одеждой для Аши. Каждый раз в чемодане была блуза с росписью в технике батик или красивый платок с вышивкой для матери. Мама складывала эти вещи на свободные полки в гардеробе. Как только чемоданы водворяли на их обычное место в подвале, жизнь семьи возвращалась в привычное русло.

Маниша встает, собираясь идти обратно.

— Слушай, а ты едешь на Раас Гарба в следующие выходные? — спрашивает она Ашу. — Не помню, чтобы я тебя там видела, там всегда столько народу.

— Э-э-э... нет. Я не бывала там, — отвечает Аша. — Мне кажется, мои родители не особо интересуются такими вещами.

— Ну, тогда они единственные такие родители-индийцы во всей Северной Калифорнии.

Маниша улыбается и выбрасывает пустой стаканчик в урну.

— Тебе надо побывать там. На самом деле это очень весело. Это, пожалуй, единственный вечер в году, когда папа разрешает мне приодеться и потанцевать с друзьями в выходной, понимаешь?

Аша снова кивает. Но она ничегошеньки не понимает из того, о чем говорит Маниша.

* * *

— Нам надо поговорить о твоей успеваемости.

Тон матери совершенно серьезен. Аша отрывается от ужина. Отец смотрит на дочь, сложив руки перед пустой тарелкой.

— Да, снова высший балл А+ по английскому. Правда, мной можно гордиться? — говорит Аша.

— Аша, у тебя В по математике и С по химии? — спрашивает мать. — Что происходит? Твои оценки стали хуже с тех пор, как ты начала пропадать в этой школьной газете. Может, пора вернуться к учебе?

— Да, я согласен с мамой, — вступает в разговор отец, энергично кивая головой. — У тебя сейчас решающий год. Школьные оценки очень важны для поступления в колледж. У тебя не должно быть никаких В и С. Ты же знаешь, какой конкурс в хороших университетах.

— Вот уж важное событие! — отвечает Аша. — У меня всегда были все А. Просто один неудачный семестр. В любом случае, как закончится этот год, я больше не буду брать математику или химию.

Аша снова начинает внимательно изучать тарелку.

— Что ты хочешь этим сказать? — недоумевает отец. В его голосе слышны столь явные ноты разочарования, что Аша внутренне содрогается. — Тебе еще два года учиться в старшей школе, а такие оценки могут сильно понизить твои шансы на поступление. Пора взяться за ум, Аша. Речь о твоем будущем!

Отец с шумом отодвигается от стола, будто ставя точку в этом споре.

— Смотри, еще не поздно поднабрать хороших оценок в этом году, — говорит мама. — Я могу помочь тебе с химией или мы можем нанять репетитора.

Мать обеими руками берется за столешницу, словно чувствует, что вот-вот разразится буря.

— Мне не нужен никакой репетитор, и я *абсолютно* не нуждаюсь в твоей помощи, — бросает Аша, специально подбирая слова, чтобы побольнее уколоть

мать. — Все, что я от вас слышу, — это оценки и учеба. Вам совершенно нет дела до того, что интересует меня. Мне нравится работать в редакции, и у меня это хорошо получается. Я хочу проводить время с друзьями, ходить на вечеринки и быть обычным подростком. Почему вы этого не понимаете? Почему вы никогда меня не понимали?

Она переходит на крик и чувствует, что у нее стоит ком в горле.

— Милая, — обращается к Аше мама. — Мы любим тебя и желаем тебе только самого лучшего.

— Вы всегда так говорите, но это неправда. Вы *не* желаете для меня лучшего.

Аша встает из-за стола, отходит спиной и прижимается к стене кухни.

— Вы даже не знаете меня. Вам всегда хотелось, чтобы я соответствовала идеальному образу ребенка, который вам был нужен. Вы просто переселили меня в свою маленькую иллюзию, но *меня* вы не видите. Вы не любите *меня*. Вам надо, чтобы я была похожа на вас, но я другая.

Во время своей тирады Аша неистово мотает головой.

— *Вот* в чем правда. Может быть, если бы вы были моими настоящими родителями, вы понимали и любили бы меня такой, какая я есть.

Девочка чувствует, что дрожит, а ладони становятся влажными. Ей кажется, будто в ее тело вселился кто-то чужой, кто заставляет ее произносить все эти ядовитые слова. Ни пустой взгляд отца, ни слезы на щеках матери не могут заставить ее остановиться.

— Почему вы никогда не рассказывали мне о настоящих родителях? Вы боитесь, что они любили бы меня больше, чем вы.

— Аша, мы уже говорили тебе, — дрогнувшим голосом отвечает мама, — мы ничего о них не знаем. Тогда в Индии была такая система.

— А почему вы никогда не возили меня в Индию? Все дети индийского происхождения, которых я знаю, постоянно ездят туда. В чем дело, пап? Тебе за меня стыдно? Я недостаточно хороша для вашей семьи?

Аша в упор смотрит на отца, который не отрывает взгляда от своих рук, сжатых в кулаки настолько крепко, что побелели костяшки пальцев.

— Это нечестно.

Теперь и Аша не может сдержать слез.

— Все знают, кто они и откуда. Я же не имею об этом ни малейшего представления. Я не знаю, откуда у меня эти глаза, которые замечает каждый встречный. Мне непонятно, как быть с этими ужасными волосами. — Аша кричит, держа себя за волосы. — Я не понимаю, почему я помню все слова из семи букв в скрэббле, но не могу запомнить периодическую систему. Мне просто нужно знать, что где-то есть кто-то, кто меня понимает!

Она уже рыдает во весь голос, вытирая нос тыльной стороной руки.

— Лучше бы меня вовсе не было, — хлещет словами Аша. Боль и потрясение, отразившиеся на лице матери, приносят Аше удовлетворение. — Лучше бы вы никогда меня не удочеряли. Тогда я не стала бы большим разочарованием для вас! — Аша уже вопит, испытывая непривычное удовольствие оттого, что мать тоже начинает кричать.

— Хорошо, Аша. Но я, по крайней, мере *старалась*. Я хотя бы пыталась стать тебе матерью. В отличие от тех... *людей* в Индии, которые бросили тебя.

Я *хотела* ребенка, и я была с тобой, Аша. Каждый божий день, — говорит мать, сопровождая каждое слово отстукиванием по столу. — Больше, чем отец, больше, чем кто-либо другой.

Неожиданно голос матери опускается до хриплого шепота:

— Я хотя бы *хотела*, чтобы ты была у меня.

Аша сползает вниз по стене, ложится на бок и рыдает, уткнувшись лицом в колени. В этой кухне, где проходили ее дни рождения, где в ее честь пекли печенье, в самом сердце ее единственного на свете дома, она чувствует себя такой одинокой и лишней, какой не чувствовала себя никогда в жизни. Несколько минут все хранят молчание. Наконец Аша поднимает голову. Ее лицо залито слезами, а светло-карие глаза покраснели.

— Просто это неправильно, — тихо произносит она, хлюпая носом. — Я провела шестнадцать лет, ничего не зная и задавая вопросы, на которые никто не может ответить. Я не чувствую себя на месте ни в этой семье, ни *где-либо еще*. Как будто во мне не хватает какой-то части. Неужели вы не понимаете?

Она глядит на родителей, пытаясь отыскать на их лицах хоть намек на то, что ее страдания попробуют облегчить. Мать уставилась в стол. Отец закрыл глаза, оперевшись лбом на руку. Его лицо неподвижно. Только желваки ходят туда-сюда под скулами. Никто из них не смотрит на Ашу.

Всхлипывая, Аша поднимается с пола и бежит наверх, в свою комнату. Захлопнув дверь и заперев ее на ключ, она бросается на кровать и рыдает на стеганом одеяле в белом кружевном пододеяльнике. Когда она приходит в себя, в комнате уже темно, а небо за окном

стало темно-серым. Аша открывает нижний ящик прикроватной тумбочки, достает оттуда маленькую квадратную шкатулочку из белого мрамора и кладет ее перед собой. Она проводит дрожащими пальцами по геометрическому орнаменту, вырезанному на тяжелой крышке. Эту шкатулку отец купил на блошином рынке, когда ей было восемь лет. Он сказал, что она напоминает ему об Индии, о барельефах на стенах Тадж-Махала.

Аша снимает крышку и достает из шкатулки несколько сложенных записок. Бумага тонкая и потертая на сгибах из-за того, что записки неоднократно читали и перечитывали. Аша достает тонкий серебряный браслет, хранящийся под записками на дне шкатулки. Он потерял форму и потускнел. В него едва проходит самая широкая часть ладони. Но Аша умудряется его надеть. Она сворачивается в позу эмбриона, обхватив и прижав к груди большую, отороченую кружевом подушку, и закрывает глаза. Девочка лежит в своей комнате в сгущающейся темноте и слушает голоса родителей внизу. Последнее, что она слышит, прежде чем уснуть, это звук захлопнувшейся входной двери.

27
УЖАСНЫЕ ОСЛОЖНЕНИЯ

Мумбаи, Индия, 2000 год

Кавита

Кавита открывает дверь квартиры.

— Ау? — кричит она с порога.

И Джасу, и Виджай должны быть в это время дома, но в квартире никого нет. Кавита боится, что муж снова запил. Три недели назад он повредил на фабрике правую руку. Какой-то рабочий по ошибке включил пресс, когда Джасу копался в нем, поправляя настройки. Стальные плиты раздробили кости в трех местах, прежде чем пресс успели выключить. Джасу забрали в больницу, где врач поставил ему медицинскую шину, закрепил руку в бандаже и отправил обратно на фабрику. Но мастер сказал Джасу, что теперь он тормозит работу, и отослал его домой до того времени, пока тот не сможет нормально работать. Начальник попросил мужа поставить отпечаток пальца на каких-то документах и объяснил, что оплаты не будет, пока Джасу снова не выйдет на работу.

Первые несколько дней он просидел дома, то и дело морщась от боли. Потом начал выходить на улицу и слоняться. Возвращался он потемневшим от загара

и пыли. Кавита старалась ободрить мужа. По крайней мере, они почти вернули долг ростовщику, а ее заработок и деньги, которые давали Виджаю за работу посыльным, позволят им оплачивать другие необходимые расходы в течение нескольких недель, пока не заживет рука. Это не особо успокаивало Джасу. Он лишь становился еще мрачнее. Через неделю Кавита снова начала замечать от него тот самый запах, который она бы ни с чем не спутала. Она пыталась не обращать внимания. По правде говоря, у нее не было времени, чтобы разбираться с этим. Каждый день она рано встает, идет на работу, возвращаясь домой, готовит ужин, а потом падает в изнеможении на кровать, чтобы на следующий день повторить все то же самое. Если у нее и оставались силы к вечеру, она старалась уделить внимание Виджаю, который за эти дни тоже сделался угрюмым.

Кавита решает отправиться на поиски Джасу, но знает, что они с Виджаем придут домой голодными. Поэтому лучше было бы сначала приготовить ужин. Через час рис и картофельно-луковый сабзи готовы. У Кавиты урчит в животе от голода. За восемь часов ей ни разу не удалось перекусить. Она осторожно берет еду пальцами. Женщина не может заставить себя сесть и нормально поесть, пока нет мужа или сына. Виджай, должно быть, занимается у школьного приятеля, как он часто делает последнее время. Но Джасу уже должен был вернуться. Беспокойство перерастает в тревогу, и вскоре ей становится страшно. Кавита решительно накрывает ужин и надевает шлепанцы. Перед самым выходом из дома она прячет в складках сари немного денег и ключ.

* * *

Кавита быстро шагает по улице. Она старается смотреть прямо перед собой, потому что улицы в этой части города небезопасны для одинокой женщины после наступления темноты. *Куда он ушел? Как он может так по-хамски себя вести?* Кавита понимает, что в большинстве случаев после приезда ей удавалось придерживаться совета матери — доверять мужу и быть смелой ради своей семьи. Но иногда он вытворяет какую-нибудь глупость: исчезает на всю ночь или приходит домой с запахом перегара. И тогда в одно мгновение вера в мужа исчезает. Кавита пытается понять, не ошиблась ли она, доверившись ему, и правильно ли было избавляться от дочерей, уезжать из деревни и пытаться выжить в этом городе, который никогда не станет для них домом.

Ноги сами несут ее по тропинке в небольшой парк, отгороженный от магазинов и огней городских улиц. Она проходит мимо ржавых качелей на пустынной детской площадке и направляется к толпе мужчин, сидящих под большим деревом. По мере приближения Кавита замечает большой кальян и поднимающиеся струйки дыма. Уже почти стемнело. Издали Кавита не может различить лица мужчин. Они громко смеются, и на секунду ее охватывает паника. Что они сделают с ней, если среди них не окажется Джасу? Подойдя ближе, Кавита вздыхает с облегчением, но сразу испытывает разочарование при виде привалившегося к дереву Джасу с закрывающимися глазами. Его рука в бандаже безвольно лежит на коленях, а здоровая сжимает бутылку.

— Джасу, — зовет Кавита. Двое мужчин бросают на нее взгляд и возвращаются к своему

разговору. — Джасу! — повторяет она уже достаточно громко, чтобы перекричать грубую шутку про женщину и осла. Она видит, как покрасневшие глаза мужа медленно фокусируются на ее лице. Заметив Кавиту, Джасу пытается сесть ровнее.

— Арре, Джасу, жена приходит за тобой, как за школяром? — с издевкой спрашивает один из собутыльников.

— Кто носит твои дхоти, брат? — хлопает мужа по спине второй. От этого Джасу снова заваливается на бок.

Джасу слабо улыбается насмешкам собутыльников, но Кавита замечает в его глазах боль. Она видит уязвленную гордость мужа, его стыд и разочарование. Застав мужа в таком неприглядном и беспомощном виде, Кавита чувствует, как ее гнев и страх сменяются глубокой печалью. Все это время у Джасу была лишь одна цель, затмевавшая собой все остальное, — обеспечить семью. Кажется, будто на протяжении последних двадцати лет боги только и делали, что изобретали все новые и новые препятствия, которые не позволяли ему добиться даже этой скромной цели. Неурожаи в Дахану, несостоявшаяся работа дхабавалой, рейд на велосипедную фабрику, ростовщик, а теперь и сломанная рука, бессильно свисающая вдоль тела, пока он пытается встать. Кавита бросается помочь ему.

— Пойдем, Джасуджи, — уважительно обращается она к мужу. — Ты просил позвать тебя, когда будет готов ужин. Я приготовила все, что ты любишь: овощную корму, баклажаны, ладду.

Кавита старается устоять под тяжестью оперевшегося на нее Джасу. Он заглядывает ей в глаза. Они не ели такого со свадьбы.

— Ах как хорошо, что моя жена чудесно готовит, — бормочет он, пока они медленно уходят от сидящей под деревом компании.

Джасу поднимает здоровую руку в знак прощания и говорит им через плечо:

— Видите, какой я счастливчик? Вы все, несчастные ублюдки, тоже должны быть счастливы.

* * *

Вернувшись в квартиру, Кавита помогает Джасу лечь в кровать и кладет ему на лоб смоченное в холодной воде полотенце. Она кормит мужа холодным рисом с сабзи, кладя порции ему в рот своими пальцами. Он кое-как ест и проваливается в тяжелый сон. В животе у Кавиты урчит, и она вспоминает, что так и не поужинала. Женщина спохватывается, что уже десятый час, а Виджай до сих пор не вернулся. Страх возвращается к ней, во рту появляется горький привкус.

Виджай закончил с поручениями сагиба пять часов назад. Единственное, где он может быть, — это у друга. Телефона нет ни у них, ни у друзей Виджая. Возможно, он увлекся занятиями и позабыл о времени. Да, должно быть, так оно и есть. Он умный и ответственный мальчик. Кавита несколько раз глубоко вздыхает, одновременно протирая влажным полотенцем лоб Джасу. Когда он вернется на работу, все будет хорошо. Женщина садится на пол поближе к лампочке без абажура, отбрасывающей во все стороны тусклый свет, и в ожидании сына пришивает пуговицу к рубашке Джасу. Она успокаивает себя тем, что пятнадцатилетнему юноше на улице в это время суток грозит меньше опасности, чем ей самой. Как только она наконец слышит звук открывающейся входной двери, ее второй раз за вечер

окатывает волна облегчения. В комнату входит Виджай.

— Виджай, — громко шепчет Кавита, поднимаясь с пола, — где ты пропадаешь? У тебя совсем совести нет? Мы здесь сидим, волнуемся за тебя!

В ответ сын-подросток, у которого на верхней губе уже хорошо видны пробивающиеся усы, просто пожимает плечами, не вынимая рук из карманов. Он замечает лежащего в кровати отца.

— А чего это папа уже спит?

— Не задавай мне вопросов, акча. Лучше отвечай на мои. Мы с папой работаем каждый день для того, чтобы у тебя все было. Понимаешь?

В гневном голосе Кавиты слышится усталость. Из-за всего произошедшего она резко ощущает себя совершенно измотанной.

— Я тоже работаю, — бормочет себе под нос Виджай.

— А? Что ты сказал?

— Я тоже работаю. Я приношу деньги, — уже громче повторяет подросток, кивая на отца. — Посмотри на папу! Он снова пьяный. Он не работает, а спит.

Кавита резко поднимает руку и дает сыну пощечину. Тот в изумлении отступает на шаг и прикладывает ладонь к лицу. Губы юноши плотно сжимаются, он роется в кармане, достает пачку наличных и бросает ее к ногам матери.

— Вот! Нормально? Теперь у нас достаточно денег. Папа может напиваться и спать весь день, если захочет.

Сын с вызовом глядит на мать.

Сердце Кавиты замирает. Она смотрит на деньги, будто на поднимающуюся из корзины кобру. В пачке, должно быть, не меньше трех тысяч рупий. Он не мог

столько заработать, работая на посылках. С недоверием и страхом Кавита смотрит на сына.

— Бета, где ты это взял?

— Не беспокойся об этом, мам, — отвечает Виджай и поворачивается к ней спиной. — Вам вообще больше не нужно обо мне беспокоиться.

Июль 2001-го

В эти выходные мы с папой пробовали приготовить два индийских блюда. С первым был полный провал. Пришлось выключать датчик дыма, когда на дне сковороды начали гореть специи и масло. Но второе блюдо, что-то вроде карри с картошкой и бобами, получилось очень даже ничего.

Мне стыдно в этом признаваться, но я очень жду выходных, когда мы с папой останемся одни. С тех пор как бабушка обнаружила уплотнение в груди, мама примерно раз в месяц ездит к ней в Сан-Диего.

Сегодня утром папа позвонил родственникам в Индию, и я опять с ними общалась. Это, конечно, немного странно — разговаривать с людьми, которых ты видела только на фотографиях, но постепенно я привыкаю. Рецепты тех блюд папа узнал у своей матери, и мы специально ездили в Саннивейл в индийский магазин, чтобы купить все необходимое.

Завтра мы будем играть в теннис. Папа учит меня подаче слева. Нам теперь очень хорошо вместе. Единственное, что его расстраивает, — это разговоры о моем будущем, когда я говорю, что хочу быть журналистом, а не врачом. Из-за этого они даже сильно поругались с мамой, после того как она помогла мне устроиться на летнюю стажировку на радиостанцию. Я думаю, то, что она сделала, — это

очень здорово. И похоже, она была счастлива, когда меня назначили редактором в «Бьюгле» на следующий год.

Наконец-то я с ними больше не ссорюсь. Я вижу свет в конце тоннеля. Последний класс пролетит незаметно, и я уеду учиться в колледж, где уже буду делать все, что захочу.

часть III

28
РОДИТЕЛЬСКИЕ ВЫХОДНЫЕ

Провиденс, Род-Айленд, 2003 год

Аша

Весь кампус уже покрыт замерзшими листьями. Они хрустят под ногами Аши, которая вышла вместе с родителями на прогулку по зеленому газону перед главным зданием колледжа. День стоит не очень теплый, но яркое осеннее солнце выглядывает из-за деревьев и насквозь просвечивает стаканчики с яблочным сидром, который они потягивают во время Ашиной экскурсии по кампусу.

— А вон там, через пару кварталов, офис газеты «Дейли Херальд». — Аша показывает на увитые плющом здания.

— Было бы интересно взглянуть. Ведь ты проводишь там столько времени, — замечает мама.

— Конечно зайдем. Еще сидра, пап? — спрашивает Аша. Ее стаканчик уже стоит под носиком металлического резервуара на одном из столов на центральной лужайке колледжа. Здесь толпятся другие студенты и их родители. Аша чувствует прикосновение чьей-то руки. Обернувшись, она видит Джереми. Девушка широко ему улыбается и снова поворачивается к родителям.

— Мама и папа, это Джер... мистер Купер. Я вам о нем рассказывала. Он наш руководитель в «Херальде».

— Джереми Купер, — повторяет парень и протягивает руку отцу Аши. — Вы можете гордиться своей дочерью, мистер и миссис Тхаккар. Она по-настоящему...

— Доктор, — перебивает его отец.

— Простите?

— Правильное обращение «доктор». Мы оба врачи, — поясняет Кришнан. Аша замечает, как мать опускает глаза.

— Ах да, конечно, — улыбается Джереми. — Аша говорила об этом. Я вечно забываю про приставку «доктор», даже когда представляюсь сам, — говорит он, делая рукой пренебрежительный жест.

Аша усмехается.

— Я говорил, что вы можете гордиться дочерью. Аша — одна из лучших среди всех молодых журналистов, которых мне доводилось видеть за годы в Брауне.

Девушка сияет.

— И какие же это годы? — интересуется отец.

— Мм... Ну, на данный момент — пять лет. Даже не верится. Вы читали статью, которую она написала этой осенью о военных призывниках университета? Очень глубоко. Она достойна того, чтобы ее напечатали в одной из ведущих газет. Серьезно. Просто отлично.

Джереми улыбается Аше.

— Мистер Купер, чем вы занимаетесь... — приступает к допросу отец.

— Называйте меня Джереми, пожалуйста.

Молодой человек кладет руки в широкие карманы твидового пиджака с потрепанными лацканами.

— Да. Так чем вы занимаетесь, — продолжает Кришнан, — помимо того что курируете газету?

— Ну, еще я веду пару предметов на кафедре английского языка и, когда есть время, немного подрабатываю фрилансом. — Джереми покачивается с носка на пятку в своих мягких кожаных туфлях. — Но университет оставляет мне мало свободного времени.

— Могу себе представить, — отвечает отец. — Вам, наверное, нравится преподавать? Все-таки в вашей профессии не очень много возможностей сделать карьеру.

— Пап... — лицо Аши принимает умоляющее выражение.

— Нет-нет, твой отец прав, — успокаивает ее Джереми. — К тому же у меня никогда не было такого таланта, как у Аши. Она могла бы стать следующим нашим иностранным корреспондентом. Ездила бы в дальние страны и сообщала бы нам оттуда новости.

Аша замечает, как удивлена мать, и собирается успокоить ее после того, как они пообщаются с ее соседками.

— Аша! Ой, привет, Джереми.

Джереми извиняется, что ему придется их оставить из-за собрания профессорско-преподавательского состава, на котором ему необходимо быть. Пока он не успел уйти, Аша бросает на него сочувственный взгляд, беззвучно прося прощения за отца.

— Итак, — поворачивается к родителям Аша, — мама, папа, вы помните моих соседок? Ниша, Селин. А это Паула. Кажется, вы ее не видели в прошлый раз.

Ниша и Селин приветственно машут руками. Паула сдвигает солнечные очки на макушку, открывая карие

глаза с густыми ресницами. Она подается вперед, протягивая руку, и за воротником-«хомутом» ее свитера мелькает соблазнительная ложбинка.

— Очень приятно познакомиться с вами обоими. Аша много о вас рассказывала.

Девушки обменивается взглядами. Они всегда поддразнивали Паулу за ее кокетство, особенно с преподавателями, до тех пор пока не поняли, что она просто не умеет вести себя по-другому. Паула наклоняет голову и улыбается Кришнану.

— Аша дала нам ваши рецепты карри. Вы, наверное, замечательно готовите.

— О, на самом деле не особо, — отвечает отец. — Нам очень нравится готовить вместе. Мы часто все портим, но у Аши хватает на меня терпения.

Кришнан приобнимает дочь.

— Знаете, — говорит Паула, — сегодня вечером в университете будет вечеринка в стиле бхангра[2]. Приходите. Там будет обалденный диджей.

— В самом деле, бхангра? — переспрашивает отец. Аша видит, что мать в замешательстве.

— О, мы не будем вам мешать, — говорит Сомер, беря мужа за локоть. — Повеселитесь как следует, девочки.

— Хорошо. Завтра встречаемся в отеле за поздним завтраком? — уточняет Аша.

— Конечно, милая.

Мать тянется к дочери, чтобы поцеловать ее на прощание.

— До встречи.

---

[2] Бхангра — народный танец и музыка штата Пенджаб (территории на северо-западе Индии и северо-востоке Пакистана), а также популярный музыкальный жанр, который появился в середине — конце XX века.

* * *

Сомер через весь стол пододвигает к Аше коробку, обернутую бумагой и перевязанную широкой атласной лентой желтого цвета. Аша отставляет в сторону стакан с апельсиновым соком и переводит взгляд с сияющей от радости матери на отца с отсутствующим выражением лица.

— Что это?

— Мы решили подарить тебе подарок на день рождения заранее, — отвечает мать. — Ну, давай открывай.

Аша разворачивает упаковку и обнаруживает внутри новенькую миниатюрную видеокамеру.

— Я помню, как тебе понравилось снимать нашей камерой в отпуске на Гаваях прошлым летом, — с улыбкой говорит Сомер и смотрит на Кришнана. — Ты говорила, как хотела бы записать интервью, чтобы ничего не упустить.

Дочь улыбается. Она вспоминает тот разговор с мамой. Тогда она имела в виду диктофон.

— Ты не поверишь, сколько тут функций, — продолжает мама. — Но продавец в магазине видеотехники сказал, что в этой модели есть все самое важное: хорошая оптика для увеличения и возможность подключения к компьютеру. Можно подсоединять ее прямо к твоему макбуку и редактировать видео.

— Спасибо, мамочка, — отвечает Аша. — Замечательно! Мне уже не терпится что-нибудь поснимать.

Она смотрит в видоискатель камеры и направляет объектив на отца.

— Папочка, ну улыбнись же!

29
НАСТОЯЩАЯ ЖИЗНЬ

Мумбаи, Индия, 2004 год

Кавита

— Ты думаешь, она правда вот так и уйдет к его лучшему другу? — спрашивает на выходе из кинотеатра Кавита, беря под руку Джасу.

— Нет, конечно, чакли. Это не настоящая жизнь. Это только кино.

Муж приобнимает ее за плечи и переводит через улицу с оживленным движением, как только появляется возможность проскочить между машинами.

— Тогда зачем они снимают такие фильмы? Про то, чего никогда не может быть? — продолжает Кавита, как только они оказываются на другой стороне.

— Чтобы потом люди могли просто приятно провести время, чакли!

— Хм...

Возможность просто приятно проводить время так же непривычна Кавите, как и мысль о том, что они теперь могут позволить себе пойти в кино, когда только пожелают.

— Чего тебе еще хочется, чакли? Чего-нибудь холодненького? — интересуется Джасу, как только они оказываются возле магазинчика с мороженым.

— Да, я бы выпила холодный кофе, — отвечает Кавита.

Недавно она открыла для себя это сладкое лакомство со сливочной пенкой и с трудом может удержаться от него в столь теплый вечер, как сегодня. Женщина всегда удивлялась людям, которые толпились возле подобных фургончиков, желая потратить заработанные тяжким трудом рупии на такой пустяк.

— Один холодный кофе и одно фисташковое мороженое, — говорит муж продавцу в бумажной шапочке в стиле Джавахарлала Неру[3]. Через несколько минут Джасу подает жене напиток в высоком стакане, и они продолжают прогулку. Улицы и тротуары кишат народом. Субботний вечер — единственный на неделе, когда весь Мумбаи отвлекается от забот и жители выходят на улицы города. В ресторанах не пробиться из-за ужинающих семей, а ближе к ночи у дверей популярных ночных клубов выстраиваются целые очереди. Этот мир тоже стал недавним открытием для Кавиты и Джасу.

* * *

Все это началось несколько лет назад, когда Виджай повел их отметить свое шестнадцатилетие. Тогда они впервые в жизни оказались в ресторане, где столики были накрыты белыми накрахмаленными скатертями. Виджай успешно закончил десять классов и вместе с другом Пулином открыл собственный бизнес — курьерскую службу. Но Кавита и Джасу по-прежнему считали, что ему лучше было бы выбрать другой путь.

[3] Джавахарлал Неру (1889–1964) — лидер левого крыла индийского национально-освободительного движения. Председатель Индийского национального конгресса, первый премьер-министр Индии. Отец Индиры Ганди, будущего премьер-министра Индии.

— Бета, ты такой умный парень. Ты учился гораздо дольше своих родителей. Зачем тебе заниматься этим курьерским делом как какому-то простаку? — говорил Джасу. — Ты можешь жить еще лучше. Почему бы тебе не устроиться на офисную работу?

— Папа, но это хорошая работа, — отвечал Виджай. — Я здесь сам себе начальник. Никто не говорит мне, что делать.

Виджай сделал заказ для всех, поскольку был единственным, кто мог прочитать меню. Кавита не поняла, что за блюда выбрал для нее сын, но всё, что принесли на сияющих серебряных подносах официанты, было удивительно вкусным. А по тому, как бурно выражал свои мысли Джасу, она поняла, что и мужа распирает от гордости. В конце вечера Виджай вытащил пачку денег, чтобы оплатить счет. К тому времени Кавита видела такие пачки уже не один раз, но каждый раз, когда сын начинал пересчитывать купюры, ее сердце сжимала ледяная рука.

* * *

— Люблю фисташковое. Я могу есть его каждый день, — говорит Джасу, расправившись с мороженым бледно-зеленого цвета.

— А ты теперь и ешь его каждый день, — поддразнивает мужа Кавита, шутливо ткнув его пальцем в бок.

— Домой поедем на рикше? — спрашивает Джасу, крепко держа жену за руку и ведя ее через толпу прохожих.

Вечером гораздо приятнее взять рикшу, чем ехать домой в переполненном поезде. Впереди они видят толпу людей — видимо, слушают какого-то уличного артиста.

— Что это там происходит? — любопытствует Кавита. — Музыкант или заклинатель змей? Пойдем глянем.

Они подходят ближе, слушая ритмичные аплодисменты толпы. Пара человек даже устроились на невысоком каменном парапете, чтобы лучше разглядеть происходящее. Когда Кавита с Джасу подходят к месту действия, зрелище шокирует обоих. В центре собравшихся в круг мужчин они видят девушку, на вид ей нет и восемнадцати. Она сидит на коленях и плачет. Бедняжка в полной растерянности шарит руками по земле, пытаясь что-то отыскать. Один из мужчин держит конец ее сари, которое практически размоталось. Порванная посередине блузка уже не закрывает груди.

Джасу проталкивается сквозь толпу и наклоняется над девушкой. Обернувшись, он вырывает у мужчины сари и кричит:

— Грязный ублюдок! Совсем стыд потерял?

Джасу пытается обернуть сари вокруг девушки, но понимает, что это слишком сложно, снимает свою рубашку и накидывает ее на плечи несчастной, прикрывая обнаженное тело от похотливых взглядов мужчин.

— Эй, бхайо, отойди. Не порти нам веселье! — выкрикивает мужик из толпы.

Девушка наконец нашаривает то, что искала. Это очки, теперь уже разбитые и запачканные грязью. Она надевает их, поднимается с земли и плотнее закутывается в рубашку Джасу. Кавита разглядывает лицо девушки. У нее непропорционально большой лоб и широко расставленные глаза. Женщина с ужасом понимает, что девушка умственно отсталая. Она видит, что муж тоже это понял и разозлился еще больше.

— Веселье? Для вас это веселье?! — яростно орет он на собравшихся вокруг мужчин, некоторые из которых

уже начинают расходиться. — Арре, это позор! Она же ни в чем не повинная девочка! Как бы вам понравилось, если бы кто-то так же обошелся с вашей женой? Сестрой? Дочерью? А?!

Джасу стоит в одной исподней рубашке без рукавов и грозно размахивает руками, обращаясь к нескольким оставшимся мужчинам, которые особенно жаждали досмотреть шоу до конца.

Кавита быстро подходит к девушке и уводит ее от толпы.

— Как ты? — спрашивает она шепотом, как только они отходят к деревьям. Девушка молча кивает в ответ.

— Где ты живешь? У тебя есть паисы, чтобы добраться до дома?

Девушка продолжает ритмично кивать, не выказывая ни понимания, ни согласия.

Наконец толпа расходится, и Джасу подходит к жене и девушке.

— Наверное, надо проводить ее до дома, — предлагает Кавита, которая к тому моменту смогла узнать у несчастной, где та живет. Джасу соглашается и сходит с тротуара, чтобы поймать такси.

* * *

— Ты в порядке? — спрашивает Кавита у Джасу. За время поездки, после того как девушка вышла у своего дома, они не произнесли ни слова. Джасу поговорил с лифтером, и тот обещал проследить, чтобы девушка благополучно добралась до квартиры родителей.

— Да, — откликнулся Джасу. — Я просто думал... эта бедная девушка была такой беззащитной, а эти мужики просто... Что бы с ней было, не окажись мы там?

— Ты сделал доброе дело. Это был смелый поступок, — говорит Кавита и кладет ладонь на руку мужа.

— Дело не столько в смелости, сколько в стечении обстоятельств. Просто счастливая случайность... — Он умолкает и качает головой. — Ну ладно. Все закончилось. Надеюсь, это не испортило наш вечер.

— Най, — отвечает Кавита и улыбается мужу. — Вовсе нет.

Кавита не рассказывает ему о том, как приятно ей было обнимать хрупкую девушку, пока та не перестала дрожать, стирать с ее лица слезы и гладить по длинным волосам, а в машине нежно петь ей, как пела мать Кавиты, и представлять, что она поет своей тайной дочери.

30
ЧАСТЬ ЕЕ ЛИЧНОСТИ

Менло-Парк, Калифорния, 2004 год

Сомер

После ужина Сомер надевает желтые хозяйственные перчатки и моет посуду, радуясь домашней суматохе, которую вызвал приезд Аши. Учебный год в Брауне закончился, наступили каникулы. Сегодня Аша впервые за этот год ночует дома. Несмотря на все это, Сомер не совсем понимает, как они снова смогут почувствовать себя одной семьей. Дочь с порога дает понять, что теперь считает себя независимой. Она наотрез отказывается от помощи, когда мать предлагает разобраться со стиркой, и ставит ноутбук в укромном уголке своей комнаты.

Благодаря просторной планировке их дома, а также мастерству ухода от конфликтов, им с Кришнаном все-таки удалось достичь баланса в отношениях и перестать ссориться. Супруги старались придерживаться заданного курса и сходить с дистанции, как только возникал намек на малейшее несогласие. Было время, когда они спорили друг с другом из-за каждого пустяка. Это началось сразу после отъезда Аши. В ее отсутствие им некуда было деть свою энергию. Вместе

с переездом дочери исчезло малейшее напоминание о том, что нужно сдерживать свои чувства. Супруги ежедневно ссорились из-за разногласий по насущным вопросам, неожиданно навалившимся на них двоих. Сомер не была готова к воцарившейся в доме мертвой тишине. Из спальни дочери больше не доносилась музыка, не было больше смеха и нескончаемаой болтовни по телефону. Сомер скучала по мелочам: как они с дочерью прощались у двери, как она заглядывала в комнату Аши перед сном. Словом, по тем мгновениям, которые и придавали смысл домашней жизни и каждому дню. Аша столько лет была в центре внимания Сомер, что с отъездом дочери она почувствовала себя совершенно потеряной. А вот жизнь Кришнана не особенно изменилась: он, как и раньше, был постоянно занят работой. Начало дня проходило в операционной, а вторая половина — в кабинете.

Сидящий за столом рядом с Ашей Крис щелкает средним пальцем по газете.

— Поверить не могу! Что за чушь. Во Флориде до сих пор не отстают от бедной женщины, подключенной к питательной трубке. Ее мозг умер больше десяти лет назад, а они все никак не дают ей упокоиться с миром.

Крис снимает очки, шумно дышит поочередно на каждую линзу и протирает стекла носовым платком.

— Ты думаешь, ее мозг правда мертв? — спрашивает Аша, беря у отца газету.

— Да. Но это не имеет значения.

Он смотрит через очки на свет и, удовлетворившись результатом, водружает их обратно на нос.

— Все зависит от договоренности ее родственников с врачом.

— А что, если родственники не могут договориться между собой? — предполагает Аша. — Родители хотят поддерживать в ней жизнь, а муж — нет.

— Ну, ее попечителем является муж, — отвечает Крис. — В какой-то мере семья, которую ты создаешь, важнее той, в которой ты рождаешься.

Он качает головой.

— Слушайте, сейчас я обращаюсь к вам обеим. На тот случай, если когда-нибудь я окажусь в состоянии овоща, я даю вам свое разрешение отключить меня от питания.

— А вдруг ее еще можно вылечить? — не унимается Аша.

Крис снова качает головой.

— Только если она отрастит себе новый мозг. А сейчас еще и политики пытаются встрять в дело исследования стволовых клеток.

Сомер с другого конца кухни наблюдает за тем, какое удовольствие доставляют Аше оживленные дебаты с Крисом.

— Как насчет того, чтобы вместе собрать пазл? А я приготовлю попкорн — предлагает женщина.

— Класс!

Аша убирает все с кухонного стола.

— Я принесу пазл. Он в шкафу в коридоре?

— Да.

Сомер достает с верхней полки аппарат для попкорна.

— Надеюсь, он еще работает, — говорит она, радуясь тому, что существовавший до отъезда Аши вечерний ритуал собирания пазла возвращается в жизнь их семьи.

Аша приносит коробку с изображением плывущих по каналам венецианских гондол всевозможных цветов.

— Пап, так что ты думаешь об этом предложении политиков? Насчет того, чтобы спонсировать изучение стволовых клеток?

Сомер с громким шумом засыпает кукурузные зерна в аппарат.

— Я думаю, получить сумму в три миллиарда долларов для исследований в Калифорнии было бы великолепно. Эти исследования стволовых клеток можно назвать самым перспективным из всего, что мне доводилось видеть в нейрохирургии.

Кукурузные зерна лопаются все тише, и Сомер вытряхивает белый пушистый попкорн в большую миску.

— Соль и масло?

— Пап, тебе нужно написать статью в газету на эту тему, — говорит Аша, переходя на другую сторону кухни. — Я уверена, что избирателям будет интересно узнать мнение нейрохирурга. Могу тебе с этим помочь.

Она отправляет в рот горсть попкорна. Крис качает головой, сортируя части пазла.

— Нет, спасибо. Я лучше буду заниматься медициной.

— Хорошо, но чего-то не хватает. — Аша берет миску с попкорном у Сомер. — Вы с папой начинайте.

Сомер садится рядом с Кришнаном, поражаясь, как просто складываются его отношения с Ашей и как хорошо у дочери получается находить общий язык с отцом. Сомер с нежностью вспоминает времена, когда сама играла в карты или в скрэббл с папой, и впервые задумывается о том, каково было ее маме, когда дочь столь откровенно предпочитала отца.

Аша мелет какую-то приправу.

— Это смесь, которую мы придумали с моими соседками по комнате.

Она возвращается к столу и ставит миску перед Крисом.

— Попробуй.

Погрузившись с головой в поиск фрагментов голубой гондолы, он, не глядя, запускает руку в миску.

— Мм... Очень вкусно, — говорит Крис.

Поразившись ярко-красному цвету приправы, Сомер тоже берет кусочек попкорна. Положив его в рот, она пытается сказать:

— Что же вы туда... — Но специи оказались очень острыми и приступ кашля не дает ей договорить. Сомер хочет взять стакан воды, но никак не может дотянуться до него, потому что кашель никак не прекращается. Рот пылает, глаза слезятся.

— Остро, но вкусно, правда? Красный перец чили, чеснок, соль и сахар. Еще мы обычно добавляем куркуму, но у вас, наверное, ее нет.

Аша садится за стол, и миска с попкорном оказывается между ней и Крисом.

— У меня есть для вас кое-какие новости.

Сомер внимательно смотрит на дочь, и Аша продолжает:

— Слышали о Фонде Херста? Он предлагает гранты студентам, которые готовы на год поехать за границу. Я подавала заявку, чтобы работать над проектом, посвященным детям, живущим в Индии в нищете.

Аша переводит взгляд с отца на мать. Сомер пытается понять смысл сказанного и не знает, что ответить.

— Я выиграла. — Лицо Аши расплывается в широкой улыбке. — Я выиграла грант и еду в следующем году.

— Ты... что? — непонимающе мотает головой Сомер.

— Я сама не могу поверить, но я действительно выиграла! В комиссии сказали, что им нравится идея моей работы, я планирую сотрудничать с одной из крупнейших газет Индии, чтобы напечатать там специальный репортаж и...

— И ты рассказываешь об этом только сейчас? — восклицает Сомер.

— Ну, я не хотела ничего говорить до тех пор, пока не узнаю результаты отбора, потому что конкурс там очень высокий.

— А куда именно? — интересуется Кришнан, не обращая внимания на шок Сомер.

— В Мумбаи, — отвечает отцу Аша и улыбается. — Так что я смогу побывать у твоих родственников. Мой репортаж будет о детях, которые живут в нищете. Ну, знаешь, в трущобах и тому подобное.

Потом она берет за руку Сомер, которая все еще сжимает деталь от пазла.

— Мам, я не бросаю учебу, ничего подобного. Я обязательно вернусь, чтобы закончить университет. Это только на год.

— Ты... уже все сделала? Это уже точно? — выдавливает из себя Сомер.

— Я думала, ты будешь гордиться мной.

Аша убирает руку.

— Херст — очень престижная премия. Я все сделала сама и не прошу у вас денег. Неужели вы за меня

не рады? — не без нотки гнева в голосе вопрошает Аша.

Сомер потирает лоб.

— Аша, нельзя это просто обрушить на нас и ждать, что мы будем праздновать твою победу. Ты не можешь принимать такие решения в одиночку.

Она оборачивается на Криса, ожидая увидеть гнев и на его лице. Но в следующий момент Сомер становится ясно, что для него это не стало ударом. *Как он может быть так спокоен?* И в этот момент ее осеняет догадка. *Он знал.*

* * *

Незаконченный пазл остался лежать на кухонном столе, а Сомер раздевается в ванной, даже не включив свет. Она открывает воду, прислушиваясь, не заходит ли кто в спальню. Сомер трет лицо скрабом, хотя дерматолог запретил ей это делать. А когда в спальне несколькими мгновениями позже появляется Крис, она взрывается.

— По-твоему, ничего страшного не происходит?

— Ну, — он подходит к бюро и снимает часы, — я думаю, что это неплохая идея.

— Неплохая идея? Бросить университет и одной уехать на другой конец света? Это, по-твоему, неплохая идея?

— Она не бросает учебу. Это только на год. Она вернется и закончит. Что страшного в том, что ей придется отучиться лишний семестр или два? К тому же она будет не сама по себе, а с моими родными.

Крис выправляет рубашку из брюк и начинает расстегивать пуговицы.

— Послушай, милая, я правда думаю, что это пойдет ей на пользу. Она перестанет наконец думать, что

журналистика — чудесная профессия, как вбивают им в голову все эти преподаватели гуманитарных наук. Отец сможет показать ей больницу.

— Так вот в чем твой план? Ты все еще хочешь сделать из нее врача? — качает головой Сомер.

— Она еще может передумать. Там она увидит совершенно другую сторону медицины.

— Почему бы тебе просто не принять ее такой, какая она есть? — говорит Сомер.

— А тебе? — отбивает подачу Крис спокойным, но обвиняющим тоном.

Некоторое время она молча смотрит на мужа.

— О чем ты говоришь?

— Я говорю о том, что ей хочется побывать в Индии. Она достаточно взрослая, чтобы принимать такие решения. И она может пожить с моими родственниками, узнать индийскую культуру.

Сомер встает и идет в ванную.

— Я тебе не верю. Ты такой лицемер. Если бы она собралась в любую другую страну, не в Индию, ты сейчас был бы так же расстроен, как и я.

Она снова поворачивается, чтобы взглянуть мужу в глаза.

— Ты знал об этом?

Он прикрывает глаза и тяжело вздыхает.

— Крис! Ты знал?

Сомер чувствует, как все внутри напрягается.

— Да!

Муж в отчаянии вскидывает руки.

— Да. Довольна? Ей нужно было поставить подпись на заявке, и она не хотела, чтобы ты узнала об этом, если ей не удастся получить грант.

Сомер потуже затягивает пояс халата и обхватывает себя руками, внезапно почувствовав озноб. Она

закрывает глаза, осознавая эту новость — Крис признал вину. Качая головой, Сомер произносит:

— Просто не верится, что ты так поступил. Ты действовал за моей спиной, и... — Она осекается, не в силах закончить.

Крис садится в кресло в углу комнаты, и его голос звучит уже мягче.

— Это часть ее личности, Сомер. Как и часть меня. Это невозможно отрицать.

На несколько мгновений в комнате воцаряется тишина, затем Крис возобновляет разговор:

— Чего ты боишься?

Сомер сглатывает комок в горле и выпаливает на одном дыхании:

— Я боюсь, что она не закончит учебу, если уедет одна на другой конец света. Я боюсь, что мы не будем знать, что с ней происходит так далеко от нас.

Она устало проводит руками по лицу и по волосам, а затем продолжает:.

— Я волнуюсь за ее безопасность. Как она, молодая девчонка, пойдет в эти трущобы...

Сомер снова садится на кровать и прижимает к груди подушку. Крис молчит и неподвижно сидит в кресле в углу комнаты, подперев голову рукой.

После некоторой паузы Сомер откашливается и спрашивает:

— Как ты думаешь, она попытается найти... их?

Она не может заставить себя произнести слово «родители». Это делает важными людей, которые ничем не связаны с Ашей, кроме генов. За долгие годы в представлении Сомер они превратились в призрачные фигуры без имен и лиц, далекие и близкие одновременно. Она знает, что они не появятся и не займут место в жизни ее

дочери, но переживала она всегда только за Ашу. Сомер со страхом ждала того дня, когда дочь настолько разочаруется в ней или в Крисе, что пойдет искать лучшего. Женщина всегда старалась быть безупречной матерью, но все же страх, что в конечном итоге ее любовь к дочери не сможет восполнить потерю, которую этот ребенок пережил в младенчестве, не покидает ее.

— Кого? А, их!

Крис трет кулаками глаза и смотрит на жену.

— Я думаю, может. Найти их в такой стране, как Индия, будет нелегко, но она может попытаться. Возможно, ей любопытно. Но это ведь не так уж важно? Ты же не боишься...

— Не знаю. Я понимаю, что мы не сможем запретить ей искать, если ей того хочется, но... — Сомер не договаривает и накручивает бумажный платочек на указательный палец. — Я просто волнуюсь, и все. Мне не хочется, чтобы ее обидели, — говорит она, глядя мужу прямо в глаза. — Мы не знаем, что будет в этом случае. Я не хочу, чтобы ее снова отвергли.

— Ты не сможешь вечно защищать ее, Сомер. Она уже взрослая.

— Знаю, но ведь это все осталось в прошлом. Сейчас она в хороших руках.

Сомер не может высказать вслух, чего она боится на самом деле. Ей страшно потерять Ашу, хотя бы малую часть ее жизни. Сомер опасается, что связь, которую она выстроила с таким трудом, будет разрушена этим призраком. В конце концов, именно этого она так долго старалась избежать. Именно поэтому она не хотела, чтобы Аша снова ехала в Индию, и не поощряла ее вопросов об удочерении. Именно этот страх лежал в основе каждого решения, которое она принимала с тех самых пор, как Аша появилась в их жизни.

31
КАК ВСЕГДА

Мумбаи, Индия, 2004 год

Кавита

Водитель такси подъезжает к их новому дому. Они живут здесь уже год, но Кавита до сих пор не может привыкнуть, что один человек открывает ей дверь машины, а другой ждет у лифта, чтобы поднять их на третий этаж. Виджай настоял на переезде в квартиру побольше пару лет назад, когда его бизнес набрал обороты.

— Ма, мне девятнадцать. Пора мне наконец иметь свою комнату, — сказал он тогда.

С этим было трудно спорить, особенно когда сын сказал, что они будут продолжать платить ровно столько, сколько платили за жилье на Шиваджи-роуд, а он будет возмещать разницу. Кавита не знает, сколько стоит аренда новой квартиры, и она не уверена, что это известно Джасу. Теперь у них есть отдельная спальня, как и у Виджая, который приходит и уходит тогда, когда этого требует его работа. Он круглосуточно получает сообщения на пейджер и отвечает на звонки по мобильному телефону. Кавите нравится простор и современная кухня, где всегда есть горячая вода. Но все же

она скучает по старому дому на Шиваджи-роуд, соседям, с которыми они сдружились, и местным магазинам, где все ее знали.

Но лучшая перемена, которую принес им переезд, произошла с Джасу. Казалось, груз свалился с его плеч, даже ночные кошмары перестали беспокоить.

— Теперь я наконец могу немного расслабиться, — сказал он. — В семье у нас все гладко, сын вырос. Как хорошо, чакли.

Кавита его чувств не разделяет. Ей тревожно видеть сына взрослым мужчиной. Она с трудом узнает в этом человеке, независимо живущем с ними под одной крышей, в этом владельце собственного бизнеса, своего Виджая. Кавиту по-прежнему смущает то, что сын столько времени проводит со своим бизнес-партнером Пулином и живет по странному распорядку дня. Ее беспокоят пачки денег и мысли, которые лезут в голову, когда у нее случается плохое настроение. Лифт едет наверх, а Кавита думает, перестанет ли у нее когда-нибудь болеть душа за сына.

Думает она и о дочери. Сейчас Уша должна быть уже взрослой, возможно, даже замужней женщиной. Кавита всего несколько секунд, пока поднимается лифт, позволяет себе поразмышлять о том, есть ли у дочери собственные дети. Как только двери открываются, она заставляет себя переключиться. Женщина научилась отводить для этих неожиданных мыслей совсем немного времени среди ежедневных хлопот и не позволять им полностью завладеть своим сознанием. Кавита уже давно поняла, что должна научиться жить настоящим, безмолвно отдавая дань прошлому. Нужно жить с мужем и ребенком, который у нее есть, не коря их за то, что когда-то случилось.

Двери лифта открываются, и лифтер выходит, уступая дорогу Джасу и Кавите. Еще в коридоре Кавита чувствует неладное.

— Ты слышишь?

Она смотрит на Джасу и кивает в сторону располагающейся в самом конце коридора квартиры.

Джасу идет, крутя ключ на указательном пальце.

— Что это? Виджай, наверное, не выключил телевизор. Не понимаю, как можно спать в таком шуме.

Встревожившись, Кавита замедляет шаг. Когда они доходят до двери квартиры, обоим уже ясно: что-то случилось. Дверь приоткрыта, и шум издает вовсе не телевизор. Джасу отстраняет Кавиту рукой и толкает ногой дверь. Он исчезает в темноте квартиры, а Кавита быстро заходит следом. Первое, что бросается им в глаза, — это разлетевшиеся по прихожей осколки. До боли знакомые кусочки их жизни разбросаны по всему полу, словно сама богиня разрушения Кали побывала в их доме.

— Бхагван, — тихо произносит Джасу, переступая через разбитый портрет покойного отца. Эта фотография висела в коридоре, а теперь разбитое стекло смешалось с лепестками бархатцев, разлетевшихся из цветочной гирлянды, которую Кавита вешала каждое утро. Громкие голоса раздаются из комнаты в конце коридора. *Комната Виджая*. В центре гостиной — перевернутый столик. Диванные подушки порезаны ножом, из них торчит белая синтетическая набивка. В состоянии полной отрешенности Кавита проходит на кухню и видит, что с джутовыми мешочками, в которых хранились рис басмати и чечевица, произошло то же, что и с диванными подушками. Их содержимое рассыпано по бетонному полу. Все шкафчики открыты, а одна дверца сорвана с петель.

— Кави, послушай меня, — шепчет Джасу из гостиной, — иди к соседям и подожди там. Скорее!

Он выпроваживает жену из квартиры до того, как она соображает спросить, не нужно ли вызвать полицию. Кавита стучится к соседям, но никто не открывает. Несколько минут она стоит на лестничной площадке и ждет, затем возвращается в квартиру, подходит к спальне в конце коридора и останавливается, не заходя внутрь. В комнате стоят двое мужчин в бежевой форме с дубинками латхи в руках. *Кто вызвал полицию? Как они могли так быстро приехать?* Полицейский задает Джасу вопросы. Кавита встает у стены так, чтобы ее нельзя было увидеть из комнаты.

— Господин Мерчант, я спрошу еще раз, и на этот раз вы скажете мне правду. Где Виджай хранит свой товар?

Полицейский тычет Джасу в плечо своей латхи.

— Офицер сагиб, я говорю вам правду. У Виджая курьерская служба. Он хороший, очень честный парень. Он никогда бы не сделал того, в чем вы его обвиняете.

Сидя на кровати, Джасу серьезно смотрит на полицейского снизу вверх. Только в этот момент Кавита замечает торчащие из кровати пружины матраса. *Что они ищут?*

— Хорошо, господин Мерчант. Если, как вы утверждаете, вы не знаете, чем занимается ваш сын, вы, по крайней мере, можете сказать нам, где он сейчас находится. А? В такой поздний час? Если он такой хороший парень, почему он не дома?

Кавита украдкой заглядывает в комнату. Она не видела Джасу таким испуганным со дня полицейского рейда в трущобах.

— Сагиб, сейчас вечер субботы. Нет даже одиннадцати. Наш сын гуляет с друзьями, как большинство других молодых людей.

— С друзьями, да? — фыркает полицейский. — Теперь, господин Мерчант, вам, наверное, захочется получше присмотреться к собственному сыну и к его друзьям. — Полицейский снова тычет Джасу в плечо. — Передайте ему, что мы за ним наблюдаем.

Люди в форме уходят, коротко кивнув Кавите.

* * *

Этой ночью Кавита просыпается от криков Джасу. Она поворачивается на кровати и видит, что муж пытается сесть, ухватившись за простыню, которой укрыт, и кричит:

— Най, най! Отдайте!

Сначала Кавита легонько трогает мужа за плечо: «Джасу», — а затем трясет: «Джасу! Что случилось? Джасу!»

Он перестает остервенело колотить по простыне и поворачивается к Кавите. Его остекленевшие глаза смотрят на жену невидящим взглядом, словно он не понимает, кто она такая. В следующий момент он опускает взгляд на свои ладони.

— Что я говорил?

— Ты говорил «нет» и «отдайте». Ничего нового. Как всегда.

Джасу закрывает глаза, глубоко вздыхает и кивает.

— Акча. Прости, что разбудил. Давай спать.

Кавита кивает в ответ, гладит мужа по плечу и устраивается в постели поудобнее. Она уже не расспрашивает его о том, что за сон не дает ему покоя. Он все равно всегда отказывается говорить с ней об этом.

32
СМЕНА КУРСА

Менло-Парк, Калифорния, 2004 год

Сомер

Аша сидит на кровати, скрестив ноги, а вокруг разложены вещи, которые ей нужно взять с собой. В углу комнаты стоит самый большой чемодан, какой только им с отцом удалось отыскать в универмаге «Мэйсис». Целых семьдесят шесть сантиметров в высоту. В коридоре стоит еще один такой же. Рейс в Индию через два дня. Как обычно, Аша начала бы собираться в последний момент. Но пару часов назад отца вызвали в больницу разобраться с аневризмой, и она поспешила укрыться в комнате.

Девушка привыкла к неожиданным уходам отца на работу по первому звонку. Так было на ее восьмом дне рождения в боулинге, на региональном конкурсе по правописанию в шестом классе и еще огромное число раз. Когда она была маленькой, она воспринимала эти уходы на свой счет и рыдала, если отец резко уезжал посреди семейного ужина. Аша думала, что сделала что-то не так. Маме приходилось объяснять, что у отца такая работа — помогать людям в экстренных случаях, которые могут произойти в любое время дня и ночи.

Так у них и повелось: Аша привыкла всегда отвечать на звонки и ездить куда бы то ни было на двух машинах, если он дежурит на телефоне. Теперь это ее уже не раздражает. Экстренность отцовской работы напоминает ей собственную: горящие сроки в «Дейли Хералъд», постоянный контроль за временем, которого остается все меньше, необходимость быть начеку до последнего момента. Аше нравится это чувство и сопровождающий его всплеск адреналина. Именно это и помогает ей добиваться целей.

Кроме того, в последние пару месяцев присутствие отца в доме — это единственное, что удерживает их с матерью от споров. Папа спасает ее от маминого явного недовольства, вызванного решением ехать в Индию, и связанных с этой поездкой материнских страхов и тревог. Аша просто больше не может все это выносить. Чем больше мать цепляется за нее и контролирует ее жизнь, тем больше Аше хочется уехать. В присутствии матери девушка чувствует себя крайне некомфортно и готова взорваться в любой момент. Поэтому когда отца вызывают на операцию, Аша убегает собирать вещи.

Она смотрит на разложенные по всей спальне стопки белья. Одежда свалена в большую кучу на полу. Некоторые вещи до сих пор не постираны. На письменном столе оставлено все необходимое для работы над проектом: ноутбук, блокноты, папки с материалами и видеокамера. В углу кровати стоит пакет с дорожной аптечкой. Аша обнаружила его на прошлой неделе, вернувшись домой. Даже без сопроводительной записки она поняла, что его собрала мать. Там был крем от загара, жуткой силы репеллент от москитов, таблетки от малярии и прочие лекарства на все случаи жизни,

которых хватило бы для лечения жителей небольшой деревни. Появление этого пакета — знак того, что мама смирилась с ее поездкой в Индию. И наконец, вещи, которые Аша планировала взять с собой в самолет, чтобы не заскучать за двадцать семь часов перелета: DVD-плеер, айпод, сборник кроссвордов и две книги в мягких обложках. После некоторого размышления она кладет в стопку третью книгу — стихи Мэри Оливер. Прощальный подарок от Джереми. На форзаце он сделал дарственную надпись с любимой цитатой Аши:

«Правда — единственная надежная почва, на которой можно стоять». Элизабет Кэди Стэнтон.

Моей самой яркой звездочке.

Никогда не останавливайся в поисках правды. Ты нужна миру. Д. К.

Раздается громкий стук в дверь, и на пороге появляется отец.

— Можно войти?

Не дожидаясь ответа, он входит и садится на кровать.

— Конечно, я просто собираю вещи.

— Мне попалось тут кое-что на глаза, и я подумал, что это может пригодиться тебе в поездке.

Отец протягивает две странные штуковины из пластика и металла.

— Это переходник для розеток. Один конец вставляешь в розетку в Индии, а свой фен, айпод и прочее подсоединяешь к другому концу. Он изменяет силу напряжения.

— Спасибо, пап.

— Еще я подумал, что вот это тоже может оказаться полезным. — Он достает пачку фотографий. — Особенно

перед знакомством со всеми. У нас там большая семья, знаешь ли.

Крис обходит кровать, садится рядом с Ашей, и они вместе рассматривают фотографии: бабушки и дедушки, дяди и тети, несколько двоюродных братьев и сестер примерно ее возраста, с которыми она знакома лишь по редким телефонным разговорам и открыткам с Дивали. Больше всего Аша нервничает именно из-за перспективы прожить год с людьми, которых едва знает.

— Я возьму их с собой в самолет. Так что пока долечу, я буду знать всех по именам.

— Ты обо всем договорилась с «Индия таймс»? — беспокоится Кришнан.

— Да, тот контакт, который ты мне дал — друга дяди Панкая, мне очень помог. Как только редактор услышал, что я по гранту из Америки, сразу заинтересовался. Они выделят мне рабочее место и старшего репортера, с которым мы будем ездить «в поле», в трущобы. Но все интервью буду проводить я. Возможно, они откроют под статью специальную рубрику в газете. Правда здорово?

— Да. И это хорошо, что тебя будут сопровождать. Мать об этом беспокоится.

Аша качает головой.

— Об этом и обо всем остальном. Когда она уже смирится? Или так и будет вечно сходить с ума?

— Просто она боится за тебя, моя сладкая, — говорит отец. — Она твоя мать. Это ее работа. Я уверен, что со временем она успокоится.

— Ты приедешь навестить меня? — спрашивает Аша. Кришнан некоторое время смотрит на нее, а потом утвердительно кивает.

— Мы приедем. Конечно, приедем, милая.

Он поглаживает дочь по коленке и встает.

— Удачи тебе со сборами.

Аша подходит с фотографиями в руке к своему старому письменному столу и садится на стул. Этот стол кажется маленьким в сравнении с просторным рабочим местом, к которому она привыкла в редакции «Херальд». Девушка открывает ящик, чтобы найти подходящий конверт для фотографий, шарит рукой по лежащим в беспорядке предметам и натыкается у дальней стенки на что-то знакомое. *Моя шкатулка с секретами.*

Аша не видела этот предмет уже несколько лет, но даже сейчас ей не составило бы труда нарисовать шкатулку по памяти. Вещица, как и ее стол, кажется ей значительно меньше, чем прежде. Она смахивает со шкатулки пыль и на мгновение задерживает руку на прохладной поверхности. Аша ловит себя на том, что затаила дыхание. Глубоко вдохнув, она открывает шкатулку. Девушка разворачивает первое попавшееся письмо — маленький прямоугольник тонкой почтовой бумаги розоватого цвета. Она медленно читает то, что написано знакомым детским почерком:

Дорогая мама,

сегодня учительница попросила нас написать письмо человеку из другой страны. Отец сказал мне, что ты живешь в Индии, но он не знает твоего адреса. Мне девять лет, и я учусь в четвертом классе. Я хотела написать письмо тебе, чтобы сказать, что хочу когда-нибудь с тобой встретиться. А ты хочешь со мной встретиться?

Аша, твоя дочь.

Такое открытое выражение чувств заставляет Ашу замереть. Она чувствует, что к глазам подступают

слезы, что давно забытые эмоции медленно сменяют одна другую. Аша вытаскивает всю стопку и разворачивает следующее письмо. К тому моменту, когда она дочитывает последнее, ее лицо все в слезах. Взгляд девушки прикован к единственному оставшемуся в шкатулке предмету — тонкому серебряному браслету. Она вынимает его и крутит в пальцах.

В комнату вновь стучат, дверь открывается, и, обернувшись, Аша видит на пороге мать. Женщина оглядывает комнату, беспорядок в которой свидетельствует о скором отъезде. Взгляд Сомер останавливается на залитом слезами лице дочери и пачке записок в руке. Аша кладет стопку на колени и торопливо вытирает лицо.

— Что? Мам, ты могла хотя бы постучать?

— Я постучала. — Мать не сводит глаз с пачки писем. — Чем занимаешься?

— Собираю вещи. Я через два дня уезжаю, не забыла? — с вызовом отвечает Аша.

Сомер молча опускает глаза.

— Ну, скажи это вслух, мама.

— Что сказать?

— Почему ты ходишь как в воду опущенная, будто с тобой бог знает что произошло? Произошло ведь не с тобой, — Аша резко опускает руки на подлокотники стула. — Я не забеременела, не еду лечиться от наркозависимости, меня не вышибли с учебы, мам. Боже ж ты мой, я грант выиграла! Неужели ты просто не можешь за меня порадоваться, хоть чуточку мной погордиться?

Аша смотрит на свои руки, и ее тон становится ледяным.

— Неужели у тебя самой в моем возрасте не было желания сделать что-то подобное? — Аша сверлит

мать взглядом. — Ладно. Забудь. Ты никогда меня не понимала. К чему сейчас начинать?

— Аша... — Сомер подходит и протягивает руку, чтобы положить ее дочери на плечо.

Аша отдергивает плечо.

— Это так, мам. И ты сама знаешь, что это правда. Всю жизнь ты пыталась разгадать меня, но тебе этого так и не удалось. — Аша качает головой, встает и отворачивается к столу. Пока она запихивает письма обратно в шкатулку, дверь в комнату за ее спиной закрывается.

33
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ДОМОЙ

Мумбаи, Индия, 2004 год

Аша

Услышав голос пилота, Аша окончательно просыпается. Пилот объявляет, что они приземляются на десять минут раньше запланированного времени прибытия. Не больно-то утешил после двенадцати часов полета. В Мумбаи сейчас два часа ночи по местному времени. Так показывают часы, которые она перевела вскоре после пересадки в Сингапуре.

Последняя часть пути показалась Аше невыносимо долгой. С момента прощания с родителями в международном аэропорту Сан-Франциско прошло больше суток, двадцать шесть часов. Все было даже хуже, чем она себе представляла. Мать начала плакать, как только они вошли в здание аэропорта. Как это часто случалось с ними в последнее время, родители долго спорили: где лучше припарковаться, к какому терминалу встать в очередь. Пока они шли по аэропорту, отец все время держал руку на спине Аши, как будто защищая дочь. Когда настало время проходить досмотр, мать вцепилась в нее и, как в детстве, долго гладила по голове.

Аша уже повернулась, чтобы идти, и тут отец сунул ей в руку конверт.

— Может быть, сейчас они уже бесполезны, — сказал он, улыбаясь, — но тебе они будут нужнее, чем мне здесь.

Аша заглянула в конверт, уже оказавшись по другую сторону ворот. Внутри лежали индийские банкноты разного номинала. Она оглянулась и через лабиринт металлоискателей, столов и людей увидела мать. Сомер все еще была на том самом месте, где они обнялись на прощание. Мама едва заметно улыбнулась и помахала рукой. Аша помахала в ответ и двинулась дальше. Когда она обернулась в последний раз, мать по-прежнему стояла, так и не сдвинувшись с места.

Аша собирает вещи, разложенные на площади в шестьдесят квадратных сантиметров, которые стали для нее домом на минувшие сутки. Потянувшись за рюкзаком, девушка чувствует, что шея болит после сна в неудобной позе, а ноги затекли. Батарейки в DVD-плеере и айподе сели еще до прилета в Сингапур. К книжкам она почти не приторнулась, потому что никак не могла сосредоточиться. Большую часть времени Аша просто просидела в кресле, без особого энтузиазма поедая предлагаемые в самолете блюда и уставясь в экран, где показывали какой-то фильм. Единственными вещами, которые она еще достала из рюкзака, были пачка фотографий и содержимое белой мраморной шкатулки. По мере того как увеличивались время и расстояние, отделявшие Ашу от родителей, менялись и ее чувства. Появились нервозность и нетерпение.

Пока два мальчика с соседних кресел убирают в сумки свои игровые устройства «Гейм Бой», из уборной

выходит их мать. Женщина сменила спортивный костюм на сари и освежила помаду на губах. Семейство представилось Аше как Доши. Они прилетели на летние каникулы из Сиэтла, куда им пришлось переехать семь лет назад из Бомбея «из-за работы мистера Доши». Как только шасси самолета с легким ударом касается посадочной полосы, пассажиры оживляются и аплодируют. Аша вместе с остальными выбирается из самолета, пытаясь заново научиться стоять на ногах.

В международном аэропорту Мумбаи царит полный хаос. Кажется, что в этот час одновременно приземлились еще десять лайнеров и потоки пассажиров со всех рейсов устремились к пунктам иммиграционного контроля. Не зная, куда податься, Аша идет вслед за миссис Доши и ее детьми к очереди, начинающейся у противоположной стены огромного зала. Как только они занимают место, миссис Доши поворачивается к Аше:

— Было гораздо проще, когда можно было вставать туда, — говорит она, показывая на короткую очередь к стойке с надписью «Граждане Индии». — Но в прошлом году нам пришлось отказаться от индийского гражданства. Компания мистера Доши заплатила ему за это, и теперь приходится стоять в этой очереди. Она всегда длиннее.

Миссис Доши произносит эти слова таким тоном, будто очередь — самое значительное последствие их переезда в другую страну.

Аша смотрит на мелькающие тут и там смуглые лица. Одни светлее, другие темнее, но это уже не имеет значения, когда Аша понимает: ей никогда раньше не приходилось бывать в окружении такого количества индийцев. Впервые в жизни она не была в меньшинстве.

Когда подходит ее очередь, девушка достает паспорт из дорожной сумочки, который мать заставила ее надеть под футболку. Инспектор — молодой человек, примерно ровесник Аши. Но подстриженные усы и форма делают его серьезнее, отчего юноша кажется старше.

— Цель поездки? — спрашивает он без всякого выражения.

Этот вопрос он задает столько раз за день, что его любопытство, видимо, давно умерло.

— Я студентка, приехала по гранту, — отвечает Аша и ждет, пока он поставит визу.

— Длительность поездки?

— Девять месяцев.

— Что это за адрес? Где вы собираетесь остановиться? — интересуется парень, впервые взглянув на Ашу.

— У... родственников, — говорит Аша. Это так странно звучит. И хотя это правда, ладони у нее потеют, будто она только что солгала должностному лицу.

— Я вижу, вы родились здесь, — говорит молодой человек, проявляя чуть больше интереса.

Аша вспоминает о нелогичности в своем американском паспорте, где в графе «Место рождения» стоит «Бомбей, Индия», и отвечает:

— Да.

Инспектор с грохотом ставит печать, оставляя на странице паспорта темно-бордовый прямоугольный оттиск, и протягивает его обратно уже с улыбкой.

— Добро пожаловать домой, мадам.

Первое, на что Аша обращает внимание по пути к месту выдачи багажа, — это запах. Он одновременно соленый, как океан, пряный, как индийский ресторан, и грязный, как нью-йоркское метро. Аша находит глазами свои сумки среди чужих огромных

чемоданов, громоздящихся на конвейере. На ленте также едут огромные, полностью упакованные в целлофановую пленку картонные коробки, пенопластовые ящики-холодильники с плотно примотанными крышками и одна коробка такого невероятного размера, что в ней поместился бы настоящий холодильник. Мистер Доши помогает Аше снять с конвейера чемоданы и подходит к стоящему неподалеку тощему мужчине в тюрбане. В то время как Аша только начинает удивляться, что мистер Доши обратился за помощью к человеку, у которого даже нет специальной тележки, мужчина в тюрбане приседает на корточки и проворно ставит обе сумки себе на голову. Придерживая с обеих сторон сложенные один на другой чемоданы, носильщик глядит на Ашу и слегка приподнимает брови. Девушка понимает, что должна идти, а он каким-то образом последует за ней в этой толпе, удерживая на голове больше сорока пяти килограммов веса.

На улице Ашу обдает горячим ветром. Она понимает, что только что вышла из помещения с работающими кондиционерами, хотя до этого ей так не казалось. За металлическими ограждениями стоят толпы народа. Выстроившись по меньшей мере в шесть рядов, люди толкаются, вытягивают шеи и смотрят на раздвижные двери, откуда только что вышла Аша. Толпа состоит в основном из мужчин.

Из-за подстриженных усов и намасленных волос все они похожи на сотрудника иммиграционной службы, только без униформы. И хотя каждый ждет здесь кого-то своего, проходя мимо, Аша чувствует на себе их взгляды.

Через каждые несколько шагов девушка оборачивается на идущего за ней человека в тюрбане, ожидая

увидеть, как ее чемоданы ломают ему шею и с грохотом падают на землю. Но всякий раз перед ее глазами предстает только его худое лицо. Оно ничего не выражает и почти не двигается, если не считать едва заметного жевательного движения челюсти. Аша спохватывается, что должна будет заплатить этому человеку, и гадает, хватит ли ей отцовских рупий. Папа говорил, что в аэропорту ее будет встречать его брат. В тот момент это не вызвало у Аши сомнений, но сейчас она не может понять, как они найдут друг друга среди сотен толпящихся вдоль тротуара людей. Дойдя до конца здания, Аша собирается достать из рюкзака фотографию дяди, как вдруг слышит, что кто-то выкрикивает ее имя:

— Аша! А-ша!

Ей машет какой-то парень с черной волнистой шевелюрой и в белой рубахе, в разрезе которой видны волосы на груди. Она подходит к нему.

— Привет, Аша! С приездом. Я Нимиш. Сын Панджая-бхай, — с улыбкой представляется парень. — Твой двоюродный брат! Пойдем. — Он уводит Ашу из толпы. — Папа ждет в машине — вон там. Хорошо, что ты нашла кули, — говорит Нимиш и делает знак мужчине в тюрбане, чтобы он шел за ними.

— Рада знакомству, Нимиш, — отвечает Аша, стараясь не отставать от брата. — Спасибо, что приехал за мной.

— Ну что ты! Дадима сама хотела встретить тебя, но мы сказали ей, что это не лучшая идея в этот час. В аэропорту всегда полно народу с международных рейсов.

Нимиш показывает Аше и кули дорогу среди припаркованных автомобилей. У каждого горят фары, а из окон высовывается по водителю. Аша вспоминает,

что отец тоже упоминал некую «дадиму», когда передавал ей трубку во время еженедельных телефонных разговоров с Индией. «Дадима» означает «бабушка», вспоминает Аша.

— А вот и папа. Идем. — Нимиш подводит ее к старомодному серому седану с металлическим шильдиком «амбассадор» на багажнике. Аша немного пугается, увидев человека, которого Нимиш назвал папой. Дядя Панджай выглядит старше, чем на фото, и на голове у него гораздо меньше волос. Это младший брат отца, но выглядит он лет на десять старше его.

— Здравствуй, дхикри, — приветствует он Ашу и тянется обниматься. — Добро пожаловать. Я рад, что ты приехала. Бхой куш, хех? Как долетела?

Он берет лицо девушки в свои ладони и широко улыбается. А когда он обнимает ее за плечи, у Аши возникает настолько знакомое чувство, что она прижимается к нему как к собственному отцу. Краем глаза Аша видит, что Нимиш открывает багажник, чтобы кули поставил туда чемоданы. Она снова вспоминает о конверте с рупиями, но прежде, чем успевает что-нибудь сказать, Нимиш дает человеку в тюрбане деньги и тот спешит обратно к терминалу.

По дороге дядя засыпает девушку вопросами:

— Как добралась? Скажи мне, как там отец? Почему он не приехал с тобой? Он уже давно у нас не был.

— Папа, — вмешивается Нимиш, — хватит вопросов. Дай ей перевести дух. Она только приехала, устала.

Аша улыбается вставшему на ее защиту брату. Девушка зевает и прислоняется головой к стеклу. За окном вдоль шоссе проплывают щиты, рекламирующие все — от модных бутиков и фильмов Боливуда до инвестиционных фондов и услуг мобильной связи.

В какой-то момент пейзаж за окном «амбассадора» меняется с высоких многоэтажек на убогие трущобы. Ветхие лачуги, белье на веревках, разбросанный мусор и бездомные животные. Готовясь к проекту, Аша натыкалась на фотографии подобных мест. Но те снимки не передавали масштаба трущоб. Растянувшийся на многие километры унылый пейзаж, даже частично скрываемый темнотой, вызывает у Аши тягостное чувство. Она вспоминает, как мать беспокоилась из-за поездок в такие места, и впервые допускает мысль, что она, возможно, была права.

34
БРАТ И СЕСТРА

Мумбаи, Индия, 2004 год

Аша

Первое утро в Мумбаи из-за проснувшихся домочадцев начинается для Аши раньше, чем ей бы того хотелось. Девушка натягивает штаны для занятий йогой, в которых летела в самолете, и выходит в гостиную, где побывала этой ночью лишь мимоходом. За обеденным столом сидит пожилая женщина в сари нежно-зеленого цвета и что-то пьет из чайной чашечки.

— Доброе утро, — говорит Аша.

— Ах, Аша, бети! Доброе утро, — отвечает пожилая дама, поднимаясь со своего места. — Дай-ка я посмотрю на тебя, — воркует она, беря Ашу за обе руки. — Тебя не узнать, ты так выросла. Ты знаешь, кто я, бети? Я мать твоего отца. Твоя бабушка — дадима.

Дадима оказывается женщиной с безупречной осанкой и несколько выше ростом, чем представляла себе Аша. У дадимы ласковое лицо с морщинками, а седые волосы собраны в большой пучок на затылке. На каждом запястье надето по несколько тонких золотых браслетов, которые позвякивают при каждом движении. Аша не знает, как лучше обращаться к этой

женщине. Но прежде, чем она успевает подумать об этом, дадима обнимает ее. За несколько секунд в бабушкиных объятиях Аша успевает почувствовать душевное тепло и покой.

— Садись, выпей чаю. Что ты будешь на завтрак? — Дадима за руку подводит Ашу к столу.

Взгляд девушки сразу падает на миску свеженарезанного манго. Аше кажется, что она уже несколько дней не ела ничего, кроме самолетной еды. За завтраком она прихлебывает горячий сладкий чай. Хотя во время разговора дадима периодически переходит на гуджарати, Аша не может не удивляться ее прекрасному английскому.

— Твой дед, дададжи, сейчас в больнице, но он придет домой пообедать. О бети, семья так ждала твоего приезда. В субботу я пригласила всех на обед. Мне хотелось, чтобы ты несколько дней отдохнула, устроилась, привыкла к смене часовых поясов и прочее.

— Замечательный план. В редакции «Таймс» меня ждут не раньше утра понедельника, — отвечает Аша.

Сама мысль о работе в одной из авторитетнейших международных газет заставляет ее волноваться. После завтрака Аша приносит конверт с отцовскими фотографиями и просит дадиму помочь назвать всех по именам еще раз. Дадима разглядывает фотографии и время от времени посмеивается над тем, как все изменились.

— О, твоя двоюродная сестра Дживан уже давно не такая стройняшка, хотя она думает, что по-прежнему выглядит так, как на этом фото!

Дадима показывает Аше, как пользоваться примитивным душем в ванной, где сначала нужно добрых десять минут повозиться с бачком горячей воды. Из-за

слабого напора и постоянного изменения температуры воды душ отбирает у Аши гораздо больше сил, чем она привыкла. Одевшись наконец, она снова чувствует себя такой уставшей, что засыпает и пропускает время прихода дададжи на обед. Познакомившись с дедом за ужином, Аша поражается его спокойствию. Она думала, что увидит человека, похожего на отца, такого же амбициозного и настойчивого. Но это скорее бабушку с ее историями, смехом и быстро отдаваемыми слугам распоряжениями можно назвать яркой личностью. Дададжи сидит во главе стола и спокойно ест. Когда он, кивая седой головой, улыбается одной из историй жены, в уголках его глаз появляются морщинки.

Первые несколько дней Аша привыкает к мумбайскому климату. Из-за разницы во времени она постоянно ходит как будто в тумане. В середине дня ее одолевает сон. Душная, жаркая и влажная погода заставляет девушку проводить большую часть времени дома. Когда она выходит на улицу, сопровождая дадиму по ее делам, грязь и нищета на улицах города прямо за воротами дома повергают ее в шок. Проходя мимо вонючих куч мусора, Аша задерживает дыхание. Бегущие по пятам дети-попрошайки вынуждают ее прятать глаза.

Вернувшись в квартиру, Аша опрометью бросается к кондиционеру и стоит под ним, пока ее тело не охладится до нормальной температуры. Желудку приходится привыкать к непривычно острым блюдам индийской кухни, которые теперь приходится есть по три раза в день. Все вокруг, от складываемого маленькими квадратиками хлеба до газет на странной бумаге бледно-розового цвета, кажется Аше очень необычным и всякий раз напоминает о том, как далеко она оказалась

от дома. Девушка даже подумывает позвонить родителям для самоуспокоения, но гордость удерживает ее от этого шага.

* * *

Наконец наступает суббота — день званого семейного обеда. Аша надевает голубой льняной сарафан и слегка подкрашивается румянами и тушью. Она впервые накрасилась после отъезда из Калифорнии. Кажется, в здешней жаре косметика просто потечет с лица, но ей очень хочется хорошо выглядеть. Дадима все утро мечется по квартире, приглядывая за тем, как слуги готовятся к грандиозному пиру.

Начинают прибывать гости, и их поток кажется нескончаемым. Родственницы всех возрастов в красивых сари с широчайшими улыбками на лицах подбегают к Аше. Они называют ее по имени, обнимают и обхватывают руками лицо девушки. Каждая отмечает высокий рост и прекрасные глаза Аши. Некоторые из женщин кажутся ей смутно знакомыми, но большинство — нет. Они представляются быстро, но весьма витиевато, вроде «дядя твоего отца и мой дядя были братьями, мы играли в крикет на заднем дворе нашего старого дома». Девушка старается запомнить все имена и сопоставить с фотографиями, но вскоре понимает, что это невозможно, да и в общем-то не нужно. Собирается не меньше тридцати человек. И хотя она видит их впервые, все относятся к ней так, будто знают ее уже долгие годы.

После того как все представились, гости устремляются к накрытому столу. Аша берет тарелку и замечает компанию молодых женщин. Кажется, это двоюродные сестры всех мастей. Прия — девушка двадцати с небольшим лет с каштановыми прядями в черных волосах

и золотыми серьгами в форме больших колец — машет рукой, чтобы Аша подсаживалась к ним.

— Аша, иди сюда, садись с нами, — с лучезарной улыбкой приглашает она и отодвигается, чтобы освободить место. — Пусть тетушки и дядюшки сплетничают там себе на здоровье!

Аша садится.

— Спасибо.

— Ты уже со всеми познакомилась, нет? — интересуется Прия. — Это Бинду, Миту, Пушпа, а это Дживан. Она самая старшая из нас, так что мы должны ее уважать, — подмигивает всей компании Прия.

Аша вспоминает, что сказала Дадима про талию Дживан, и улыбается.

— Не переживай, тебе не нужно запоминать, как кого зовут. В этом и есть прелесть индийского клана. Ты можешь обращаться ко всем просто «тетушка-дядюшка» и «бхаи-бен», — от души хохочет Прия.

— Хорошо, что значит «тетушка» и «дядюшка», я понимаю, а остальные слова? — недоумевает Аша.

— «Бхаи-бен»? — переспрашивает Прия. — Брат и сестра. Мы все здесь и есть братья и сестры, — снова подмигивает Прия.

Аша окидывает взглядом несколько десятков смеющихся, разговаривающих и жующих людей, которые собрались вместе ради нее. Родственники отца всю жизнь знают друг друга, они выросли вместе в этом городе, прямо в этом здании. Это излучающая человеческое тепло, энергичная общность людей готова поглотить ее, несмотря на то что они носители разных культур и даже не кровные родственники. Аша улыбается и пробует первое из приготовленных в ее честь блюд. Ей нравится.

35
«ИНДИЯ ТАЙМС»

Мумбаи, Индия, 2004 год

Аша

Аша нажимает на латунную ручку и открывает дверь. Ее окатывает прохладным воздухом. По пути к лифту каблуки девушки цокают по мраморному полу. В центре стены висит большая табличка с надписью «„Индия таймс". Основана в 1839 году».

— Лифт, мадам? — осведомляется лифтер в сером костюме-двойке из полиэстера.

— Да, будьте добры, шестой этаж.

Аша больше не удивляется, когда кто-нибудь обращается к ней по-английски. Кузины объяснили ей, что индийцы сразу же определяют ее как иностранку по западному стилю одежды и волосам длиной до плеч. Ее выдает даже то, как она устанавливает визуальный контакт. Несмотря на это, Аша упивается новыми ощущениями, когда идет по улицам в толпе очень похожих на нее людей.

Помимо лифтера в кабине едут еще два пассажира. Они стоят в нескольких сантиметрах друг от друга, и воздух пропитан сильным запахом пота. Как и в большинстве здешних лифтов, в этой кабине нет

кондиционера и под потолком крутится только слабенький вентилятор, едва разгоняющий жгучий воздух.

У стойки администратора на шестом этаже Аша спрашивает мистера Нейла Котхари — это ее основное контактное лицо в редакции. Она садится в зоне ожидания и берет утреннюю «Таймс», но тут появляется мистер Котхари. Это высокий долговязый мужчина, примерно ровесник ее отца. Узел галстука ослаблен, волосы всклокочены. Аша отказывается от предложенной чашечки чая и следует за ним в кабинет. Они идут по редакции «Таймс» — большому открытому пространству, где рядами стоят столы с компьютерами. Помещение гудит от постоянно звонящих телефонов, клацанья принтеров и голосов. Здесь, в самом большом отделе новостей, который когда-либо доводилось видеть Аше, чувствуется пульсирующая энергия. Повсюду она видит смуглые лица.

— Я, наверное, последний человек с пишущей машинкой в этой редакции, — говорит мистер Котхари. — Конечно, я уже не так много пишу, как раньше, но все-таки люблю, чтобы она была под рукой.

Несколько рабочих мест по периметру редакции огорожены стеклянными стенами. Мистер Котхари проводит Ашу в один из этих кабинетов, на деревянной двери которого висит табличка «Помощник редактора».

— Садитесь, пожалуйста, — показывает он на кресло. — Вы уверены, что не хотите чаю?

— Нет, благодарю, — повторяет свой ответ Аша, кладет ногу на ногу и достает блокнот.

— Най, — бросает кому-то через плечо мистер Котхари. Аша оборачивается и видит, что на пороге беззвучно возник невысокий смуглый мужчина. Его толстые желтые ногти на пальцах ног нелепо

выглядывают из потрепанных сандалий с тонкими ремешками. Он едва заметно кивает мистеру Котхари и исчезает так же беззвучно, как и появился, даже не посмотрев в сторону Аши.

— Итак, вы наконец добрались к нам из Америки. Добро пожаловать в Мумбаи! Как вам здесь нравится? — спрашивает мистер Котхари.

— Спасибо, все хорошо. Для меня очень большая честь быть здесь, сотрудничать с такой крупной газетой, — отвечает Аша.

— Для нас тоже волнительно, что к нам приехала такая образованная девушка. Мина Деви — одна из наших лучших полевых корреспондентов. Бесстрашная, порой до безумия. Она станет для вас отличным наставником.

Мистер Котхари нажимает кнопку на телефоне, и на пороге появляется молодая женщина.

— Позовите, пожалуйста, Мину.

Через несколько минут заходит другая женщина. Вместо того чтобы ждать на пороге, как это делали другие, она сразу заходит в кабинет и садится.

— Акча, Неил, что такого срочного случилось, что мне пришлось прибежать сию же минуту? У меня, как ты знаешь, есть сроки сдачи материала.

Мина оказывается миниатюрной женщиной, ростом не выше полутора метров, но с ее появлением спокойная атмосфера в кабинете мистера Котхари электризуется.

— Мина, это Аша Тхаккар, юная леди из Америки, которая...

— Ах да, конечно!

Мина наклоняется в кресле и пожимает Аше руку.

— Как ты помнишь, — продолжает мистер Котхари, — она работает над проектом о выросших

в трущобах детях. Мы организовали ей рабочее место рядом с твоим кабинетом. Твоя задача — приглядывать за ней. Покажи ей настоящий Мумбаи. Но обеспечь безопасность, — быстро добавляет он.

— Пойдем, Аша, — говорит Мина и встает. — Я закончу статью, а потом мы сходим пообедать. И посмотрим настоящий Мумбаи.

Следующие несколько часов Аша проводит за чтением газетных вырезок, которые оказались у нее на столе вместе с основными офисными принадлежностями и устаревшим компьютером. Пока она перелистывает содержимое папки с подробными статьями из предыдущих номеров «Таймс», Мина стучит по клавиатуре в соседнем кабинете. Аша читает историю о подъеме в отрасли информационного обслуживания, потом другую статью о рабочей эффективности общегородской службы доставки обедов. Только она начинает верить в то, что Мумбаи — это еще одна современная индустриальная столица мира, как натыкается на текст о сожжениях невест.

Аша с недоверием читает о девушках, которых обливают бензином и заживо сжигают, если их приданое оказыватся недостаточно большим. В следующей статье речь идет о женщине из касты неприкасаемых, которая намеренно покалечила собственных детей, чтобы прохожие жалели их еще больше, а доход от попрошайничества вырос. Дальше освещается тема о фантастическом успехе Лакшми Миттала — металлургического магната общемирового уровня. Далее следует статья о последнем политическом скандале, в тексте в подробностях описываются обвинения в коррупции и взяточничестве в адрес нескольких государственных министров. Последний материал в папке посвящен

индуистско-мусульманским восстаниям в штате Гуджарат в 2002 году, когда погибли более трехсот человек. Прочитав о соседях, поджигающих друг другу дома и нападающих друг на друга с ножами прямо на улице, Аша закрывает глаза. Она задумывается, способны ли статьи из «Нью-Йорк таймс» всколыхнуть в ее душе такую же бурю стыда и гордости.

— Почти готово. Проголодалась? — спрашивает из своего кабинета Мина.

* * *

— Там лучшие пав-бхаджи во всем Мумбаи, — пытается перекричать грохот поезда Мина. — Если я нахожусь в десяти минутах ходьбы от этого места, я обязательно туда захожу, и не важно, хочу я есть или нет.

Аша не знает, что такое пав-бхаджи, и не уверена, что ей они понравятся, но Мину, кажется, это не беспокоит. Выйдя из шумного поезда, девушки могут наконец нормально продолжить беседу.

— Так что скажешь о тех статьях, которые ты прочитала? — интересуется Мина.

— Они хороши. То есть качество подачи и изложения материала, разумеется, на высоте, — говорит Аша.

Мина смеется.

— Я имею в виду темы. Что ты думаешь о нашей прекрасной стране? Это ведь куча крайностей и противоречий, правда? Я выбрала для тебя эти статьи, чтобы показать Индию как с плохой, так и с хорошей стороны. Кто-то обвиняет нашу страну во всех грехах за ее слабости, кто-то, наоборот, возвеличивает за сильные стороны. Правда, как всегда, лежит где-то посередине.

Аше с трудом удается не отставать от Мины, пока та с быстротой молнии лавирует между идущими

по тротуару мумбайцами всех мастей: небрежно сплевывающими под ноги мужчинами, тощими беспризорными собаками и выпрашивающими монеты детьми. Но даже по сравнению с тротуарами улицы с автомобильным движением выглядят еще хуже. Машины то и дело выезжают за пределы полос и не обращают внимания на дорожные знаки. Двухэтажные автобусы проносятся в опасной близости от беспечных коров и коз.

— В Индии живет один миллиард человек, — говорит Мина, — и почти девяносто процентов населения — за пределами главных городов, то есть в маленьких городках и деревнях. Мумбаи, даже настоящий Мумбаи, как его называет Неил, — это только ничтожно малая часть всей страны. Но все же очень влиятельная часть. Город притягивает людей как магнит. Здесь оказывается все самое лучше и самое худшее, что только есть в Индии. А, вот мы и пришли, — говорит Мина, подходя к уличному лотку. — Дох пав-бхаджи, сагиб. Это самый неострый, — с улыбкой поворачивается она к Аше.

— Это? Мы здесь будем обедать? — Аша с недоверием смотрит на торговца, потом на Мину. — Я... Я не думаю, что буду. Мне говорили ничего не есть на улице...

— Расслабься, Аша, с тобой все будет хорошо. Все, что не убивается температурой, убьется специями. Давай. Ты в Индии, и тебе придется испытать, каково это. Подожди немного и распробуешь вкус!

Мина дает Аше квадратную бумажную тарелку с красно-коричневой кашицей и двумя лоснящимися белыми булочками сверху. Они отходят в сторону. Аша смотрит, как Мина ест это блюдо, отламывая кусочек

булочки и макая в кашицу, затем неуверенно пробует сама. Вкусно. И очень-очень остро. Девушка крутит головой по сторонам в поисках, чем можно было бы запить это блюдо, но вспоминает предупреждение матери о том, как опасно здесь пить некипяченую воду.

— Ну как? Я попросила сделать для тебя не такой острый, — улыбается Мина. — Вариант для туристов.

— Нем...немного островато. А что это?

— Изначально это была пища крестьян. Просто пюре из любых овощей, которые росли в огороде. Самая распространенная уличная еда в Мумбаи. Причем ты не найдешь двух мест, где бы это блюдо готовили одинаково. И нигде во всем Мумбаи, — Мина облизывает пальцы, — не делают его лучше, чем здесь.

Девушки заканчивают трапезу, после чего Мина предлагает:

— Давай теперь чуток пройдемся. Я тебе кое-что покажу.

Аша идет за своей наставницей, сомневаясь, можно ли доверять ей после такого обеда. Всего через квартал или два они оказываются возле огромного поселения.

— Ну вот мы и на месте. Это Дхарави, — поясняет Мина, делая театральный жест рукой. — Самые большие трущобы в Мумбаи, в Индии и, возможно, во всей Азии. Сомнительная слава, но так уж оно есть.

Аша медленно оглядывает раскинувшуюся перед ней картину. Дома, если их можно так назвать, размером с половину ее спальни громоздятся один на другой. Из каждой двери кто-то выглядывает: беззубый старик, изможденная женщина со свисающими прядями немытых волос, почти голые дети. И на каждом свободном клочке земли грязь: гниющие отбросы, человеческие

экскременты, кучи мусора выше человеческого роста. Вонь стоит невыносимая. Аша закрывает нос, стараясь скрыть подступившую к горлу тошноту. В следующий момент она с трудом верит своим глазам. Прямо на тропинке стоит импровизированный индуистский храм. К стволу тонкого деревца прислонена статуя богини в розовом сари, украшенная цветочной гирляндой. Нарисованное лицо богини озаряет умиротворенная улыбка, а у ног рассыпаны лепестки цветов и рисовые зерна. Кажется, священному алькову не место среди этой чудовищной убогости. Но похоже, тут никто так не думает. Вот уж действительно противоречия и крайности.

— Здесь живет больше одного миллиона человек, — говорит Мина, — всего на трех квадратных километрах. Мужчины, женщины, дети, домашний скот. На здешних фабриках производят все, от тканей до карандашей и ювелирных изделий. Многое из того, на чем ты видишь ярлычки «сделано в Индии», изготовлено прямо здесь, в Дхарави.

— Где же эти фабрики? — Аша снова оглядывает маленькие лачуги и костры под открытым небом, пытаясь представить себе напичканный оборудованием заводской цех.

— На этом уровне располагаются дома, а фабрики выше. Практически все делается вручную или с помощью примитивных инструментов, — объясняет Мина. — Помнишь, что я говорила тебе о крайностях в Индии? Так вот, здесь ты увидишь их во всей полноте. Здесь уживаются хорошее и плохое. С одной стороны, — продолжает Мина, пока они идут вдоль поселения, — это нищета, грязь и преступность — худшие проявления человеческой натуры. С другой стороны,

здесь ты можешь видеть поразительную изобретательность. Люди мастерят нужные вещи буквально из ничего. Каждая из нас за год заработает больше, чем они за целую жизнь. И все же они умудряются выживать. Здесь сформировано полноценное общество. Есть главари банд и ростовщики, но также есть целители, учителя, святоши. Как ты уже поняла, Аша, есть две Индии. То, что ты видишь в доме отца: просторные квартиры, слуги и обалденные свадьбы — это один мир. А есть такая Индия. Я хотела, чтобы ты ее увидела. И это подходящее место для того, чтобы ты могла начать свои изыскания.

36
В РУКАХ БОГОВ

Мумбаи, Индия, 2004 год

Кавита

— Виджай идет в храм? — кричит Джасу с балкона, где начищает свои туфли.

Прежде чем ответить, Кавита выжидает момент. Она аккуратно выкладывает на дно чугунного котелка маленькие шарики из теста, они сильно шипят. Как только шкворчащее масло затихает, женщина оборачивается в сторону двери и говорит:

— Я не знаю. Он не сказал.

— Значит, не будем его ждать.

Этот ответ Джасу дает по поводу любого семейного похода последние три месяца. Родители пытались поговорить с сыном после того случая с полицией. Он настаивает на том, что полиция охотилась за ним из-за его отказа платить им дань с курьерского бизнеса. С тех пор Виджай самоустранился и почти все свое время стал проводить где-то с Пулином и другими парнями.

Кавита вынимает из котелка последнюю партию шариков и выкладывает их к остальным на покрытый

бумагой поднос. Она вытирает руки о кухонное полотенце, заткнутое за пояс сари.

— Я окуну их в сироп, когда вернемся. Иду переодеваться.

Она решила приготовить на Дивали гулаб джамун, несмотря на то что с приготовлением этой сладости было много сложностей. В этом году они с Джасу особенно трепетно отнеслись к Дивали. Им хотелось съездить в Дахану, но Джасу не отпустили с фабрики. Поэтому Кавита подумала, что небольшое напоминание о доме скрасит их праздник вдалеке от родных. К тому же часть можно взять на обед к Бхайе. Кавита спешит в спальню, чтобы переодеть сари. Они постараются успеть в храм до того, как хлынет основная масса народу. В храме Махалакшми это самый оживленный день в году. И в отличие от сагиба и мемсагиб, которые дали им с Бхайей выходной, у них нет водителя, который мог бы подвезти их прямо ко входу.

* * *

— Кавита бен, не стоило так утруждаться! — восклицает Бхайя, увидев ее на пороге с большой миской гулаб джамуна. — Но мы, конечно же, с удовольствием отведаем плоды твоих тяжких трудов. Заходите, пожалуйста.

Бхайя улыбается и приглашает Кавиту с мужем в квартиру. Кавита с удивлением отмечает, каким маленьким кажется жилище Бхайи. Две комнатки, почти такие же, как были и у них в прежнем доме. Сейчас здесь собрались их давние соседи и родственники Бхайи. Все тепло приветствуют Кавиту и ее супруга.

— Джасу бхаи, да ты никак отрастил животик? Чем кормит тебя жена в вашем модном Сионе? — похохатывает муж Бхайи.

— Какое миленькое сари, — говорит Кавите одна из соседок, восхищаясь роскошным нарядом сочного бордового цвета.

— Спасибо, — отвечает Кавита и смущенно отворачивается. К счастью, они быстро усаживаются, держа на коленях полные тарелки. За столом обсуждают погоду (плохую), урожай томатов в этом году (хороший) и цену на хлеб (высокую). Говорят о детях и внуках, об их достижениях в школе и подвигах на поле для крикета. А потом разговор неизбежно переходит на индийское кино.

— Ты смотрел «Байкеров», Джасу бхаи? Посмотри, — советует один сосед.

— Отличный фильм, — добавляет другой, согласно кивая.

— Да, мы видели его на прошлой неделе, — говорит муж Бхайи. — Отличный. Высший класс. Не то что эта болливудская чушь. Там про банду преступников на мотоциклах, понимаешь? Не на скутерах, как у нас везде на улицах, а на настоящих быстрых мотоциклах. Они гоняют по всему Мумбаи, грабят и всячески вредят людям, понимаешь? А полиция не может их поймать, потому что они очень быстро смываются. И так каждый раз! — Он хлопает руками по ляжкам и хохочет.

— Правда Абхишек Баччан там крутой красавчик, най? — говорит Бхайя своей сестре.

— Да, но мне больше нравится Джон Абрахам. Такой безобразник!

Сестры смеются, как девчонки, что никак не вяжется с их возрастом. Если сложить их годы вместе, получится целый век.

— Банды обсуждаете? — присоединяется к их беседе муж Бхайи. — Вы слышали, что члены банды

Чанди Баджана снова подтянулись? О да! Сам-то он в другом месте, но в Мумбаи на него все работают, понимаешь? Наркотики продают. Торгуют вовсю. Говорят, героин, — рассказывает он, подняв бровь и кивая со знанием дела. Ведь среди них он один из немногих, кто умеет читать газеты.

Кавита пробует овощной бирьяни и поглядывает на Джасу, чтобы проследить за его реакцией, но лицо мужа бесстрастно. Тогда она сама решает вступить в разговор.

— А где они проворачивают свои дела? Эта банда? В какой части Мумбаи? — интересуется Кавита, стараясь продемонстрировать не более чем праздный интерес.

— Везде. Даже прямо здесь, в нашей округе. Вы же знаете этого мальчика, с которым Виджай и Четан дружили в школе? Патела... хм, Пулина Патела? Они живут в двух кварталах отсюда. Я слышал, что он связан с этой бандой. Полиция давно за ним наблюдает.

Муж Бхайи качает головой и кладет в рот большую порцию риса.

Кавита чувствует укол в сердце, будто жуткая правда скребется изнутри, желая выйти наружу. Она пытается сосредоточиться на еде, но кусок не лезет в горло. Разговор переключается на последний скандал в правительстве, потом все снова обсуждают кино. Под конец женщины собираются на кухне и хвалят приготовленные Бхайей блюда, а мужчины остаются в комнате.

— Кавита, когда вы начнете подыскивать Виджаю жену? Ему ведь почти двадцать, да? — спрашивает Бхайя.

— Да, — говорит Кавита, с облегчением переключаясь на более светские темы, касающиеся ее

сына. — Я тоже думаю, что пора, но у меня такое ощущение, что его это не интересует. Говорит: «Я еще слишком молод, слишком молод, мамочка», — качает головой Кавита и улыбается, наверное, впервые с начала вечера.

— Не затягивайте, бен. Сейчас, когда вокруг столько парней, а девушек не хватает, с этим стало сложнее, — понижает голос до заговорщического шепота Бхайя. — Некоторые семьи даже платят деньги за невест из стран типа Бангладеша.

Улыбка исчезает с лица Кавиты, потому что на душе снова начинают скрести кошки. Столько парней. *Не хватает девушек*. Неприятное чувство охватывает Кавиту. Ей мерещится запах муссонных дождей, хотя стоит ноябрь. Посреди ясного неба за окном она слышит рокочущие раскаты грома. Женщина закрывает глаза и знает, что в следующий миг услышит детский плач. Открыв глаза, Кавита видит смеющуюся Бхайю и ее сестер, поддразнивающих мужей за то, что те сунулись на кухню в поисках конфет.

Остаток дня проходит как в тумане. Кавита не чувствует даже сочную сладость гулаб джамуна — десерта, с которым она провозилась все утро, она и не заметила, как его кто-то положил ей на тарелку. Женщине кажется, будто она стоит на балконе и смотрит на сидящих в комнате друзей через стекло. Ей нестерпимо хочется уехать, сбежать домой. Однако самой израненной частью своего сердца она понимает, что нигде не сможет спрятаться от своих чувств. Даже Джасу не сможет помочь. Когда вся компания собирается расходиться, Джасу и Кавита прощаются с друзьями. Они проходят несколько кварталов, почти не разговаривая.

— Джасу? Как ты думаешь, полицейские сказали правду? Виджай замешан в делах этой банды Чанди Баджана? — выговаривает наконец Кавита.

Муж очень долго молчит. А когда решается что-то сказать, его ответ сложно назвать утешительным:

— Кави, мы сделали все, что могли. Теперь все в руках божьих.

* * *

Дома Кавита зажигает фонарики и расставляет их на подоконниках. В детстве она любила Дивали просто из-за конфет и фейерверков. Только позже, повзрослев, она поняла истинное значение этого события — ознаменование битвы царевича Рамы, празднование великой победы добра над злом. Кавита выходит на балкон и смотрит на тысячи маленьких огоньков, сияющих в окнах домов всех жителей Мумбаи. Она вспоминает слова Джасу о руках божьих и думает, защитят ли они Виджая. *Что еще я должна была сделать для сына? Как я могла бы уберечь его от такой судьбы?*

Вдалеке Кавита видит первую яркую вспышку, знаменующую начало салюта. Погрузившись в размышления, она смотрит салют, но почти не слышит резких взрывов и хлопков взлетающих в ночное небо фейерверков. Не слышит она и хлопнувшую входную дверь. Женщина приходит в себя, только когда в кухне из крана начинает литься вода. Обернувшись, Кавита видит склонившегося над мойкой Виджая.

— Виджай.

Она идет к сыну, но, вскрикнув, резко останавливается. С плеча сына капает кровь. Кавита бросается к нему.

— Арре! Что произошло, бета?

— Все в порядке, ма. Это неглубокий порез, — отвечает Виджай.

Она заставляет его снять рубашку и сесть за стол, а сама тем временем наполняет теплой водой миску и достает бинты.

— Бета, что с тобой сделали? Я так и знала, что это случится. Они до добра не доведут, эти парни, с которыми ты водишься, — Пулин и другие. Они опасны, Виджай. Только посмотри, что они с тобой сделали!

Она крепко прижимает бинт к плечу сына, пытаясь остановить кровотечение, затем промывает рану водой.

— Пожалуйста, бета, умоляю тебя. Не связывайся с ними.

— Ма, это не они, — говорит Виджай, качнув головой. — Они помогли мне. Братья заботятся обо мне, защищают.

Кавиту передергивает, когда она слышит, что Виджай упоминает братьев или сестер, будь они настоящие или воображаемые. Она закусывает губу, чтобы сдержать подступившие слезы. Звонит телефон. *Кто-то хочет пожелать счастливого Дивали?*

— Мы заботимся друг о друге, мам. А кому еще можно доверять? Полиции? Никто никому не помогает, все сами по себе, мам.

Телефон перестает звонить, а на улице продолжают трещать фейерверки. В гостиную заходит Джасу.

— Кавита... — тихо произносит он.

Джасу никогда не называет ее полным именем. Она поднимает на него глаза.

Вид сына без рубашки и в крови, кажется, не вызывает у него беспокойства. Он смотрит прямо на нее.

— Это твоя мать.

37
НАСТОЯЩАЯ ИНДИЙСКАЯ КРАСАВИЦА

Мумбаи, Индия, 2004 год

Аша

— Аша, бети, — обращается к ней за завтраком бабушка, — в эти выходные мы идем на большую свадьбу. Девочка Раджаев выходит замуж. Ты слышала о семье Раджай? Почти все индийские моторикши и скутеры изготовлены на их предприятиях. В общем, это должен быть приятный вечер, поэтому я попросила Прию прийти сегодня во второй половине дня и отвести тебя в «Кала ни Кетан», чтобы вы выбрали там какой-нибудь наряд. Симпатичный сальвар камиз или, может быть, ленгу.

— О, да что вы, — отвечает Аша. — Мне не хочется навязываться, ведь я их совсем не знаю. Вы идите. Я не против остаться дома.

— Навязываться? Вздор! — восклицает дадима. — Приглашена вся семья, а ты ведь член семьи, не так ли? Будет нас двенадцать или тринадцать человек, разницы нет никакой. Там соберутся тысячи гостей. К тому же мне бы хотелось, чтобы ты побывала на настоящей мумбайской свадьбе. Это просто фантастика.

Так что постарайтесь выбрать что-нибудь особенное, акча? Что-нибудь... яркое, — говорит она, поглядывая на Ашины бежевые штаны в армейском стиле с карманами и серую футболку. — Прия придет за тобой после обеда.

— Хорошо, дадима.

За несколько недель Аша научилась определять, когда лучше не спорить с бабушкой. Чем бы дадима ни занималась, она оставалась грозной и сильной женщиной. Однако с Ашей она была нежна. Общение с бабушкой помогает Аше узнать отца с новой стороны — как мальчика, которого растила и воспитывала эта женщина. В улыбке дадимы девушка даже узнает отцовские черты. И Аша на самом деле надеется, что родители прилетят ее навестить, хотя отец и не обещал ничего подобного в последнем телефонном разговоре. Мать взяла трубку только в конце, чтобы узнать, не забывает ли Аша каждую неделю принимать противомалярийное средство.

* * *

— Аша, привет! Ты где там? — щебечет Прия, шагая по коридору. Она останавливается у двери в спальню гостьи. На девушке шифоновый национальный костюм без рукавов — сальвар камиз цвета мангового щербета, а в руке она держит солнцезащитные очки. Черные густые и прямые волосы опускаются прямо на плечи, а выкрашенные хной пряди красноватого оттенка блестят на солнце. — Ах вот ты где! Готова?

Прия сверкает уверенной улыбкой и берет Ашу под руку.

— Мы найдем тебе на свадьбу что-нибудь потрясающее. Распоряжение от дадимы.

Через полчаса Аша уже переступает порог магазина сари, мысленно радуясь присутствию Прии. Когда сестра отослала водителя, велев приехать за ними через два часа, Аша была в замешательстве, но теперь она понимает, почему выбор наряда может занять столько времени. По всему периметру магазина от пола до потолка находятся полки с тысячами сари из всех мыслимых тканей всех мыслимых оттенков. Просто радужная страна чудес. В магазин продается только женская одежда, но работают в нем исключительно мужчины. Один из них сразу же берет Прию в оборот, четко определив ее как главную по покупкам. Он демонстрирует сложенные на полках яркие рулоны ткани и болтает без умолку, пока Прия не поднимает руку в знак того, чтобы он замолчал. Затем девушка приступает к нелегкому выбору, давая краткие распоряжения.

— Кандживарам покажите. Най, шифон най. Принесите из шелковой ткани. Фисташкового оттенка, пастельные тона.

Прия быстро отдает команды, а мужчина за стойкой разворачивает перед клиентками рулоны шелковой ткани, обращая внимание девушек на изысканные орнаменты, вышитые золотыми и серебряными нитками. Аша видит каждое сари всего несколько секунд, прежде чем его накрывает следующее. Она слышит только незнакомые слова, которые, как мячики, быстро отскакивают и прыгают между ее кузиной, мужчиной за стойкой и его двумя помощниками, снующими туда-сюда и приносящими из дальних углов магазина целые кипы новых сари.

Никто не спрашивает, что нравится самой Аше. Да она и не знала бы, что ответить. Еще один помощник приносит им дымящийся ароматный масала-чай

в высоких металлических стаканах. Аша, довольствуясь ролью случайного наблюдателя, начинает пить чай, прихлебывая и сдувая с него молочную пенку. Время от времени она отрывается от своего занятия и разглядывает магазин. Здесь через каждый метр площади в идеально выверенной позе стоит элегантный манекен с высокой прической из черных волос, кошачьими глазами и грациозно отставленной рукой, придерживающей сари. Сари — это самая распространенная женская одежда в Индии, как уже поняла Аша. Сари представляет собой прямоугольный кусок ткани длиной около восьми метров, который оборачивают вокруг тела и подтыкают так, чтобы он держался без единой пуговицы, крючка или застежки. В зависимости от региона его драпируют разными способами, и один размер подходит и высоким, и низеньким, толстым и худым. Когда Аша читала об этом в самолете, ей все было понятно, но сейчас эти улыбающиеся манекены наводят на нее ужас.

Наконец Прия поворачивается к сестре и говорит:

— Ну все, Аша, я подобрала несколько. Скажи, если тебе что-нибудь из них понравится.

Взглянув на стеклянный прилавок, Аша видит, что все сари отодвинуты в сторону, а два лежат прямо перед ней.

— Вот это из шелковой ткани, — рассказывает Прия и показывает на сверток тончайшей ткани бледно-зеленого цвета с золотой окантовкой. — Ткань — последний писк. Очень модная. Полным девушкам нельзя надевать шелк, потому что он очень воздушный. Нужно быть стройной, как тростиночка, — говорит она, подняв мизинец. — Этот цвет будет на тебе очень хорошо смотреться. — Она прикладывает ткань к Ашиной груди.

— Оно прекрасно, — отвечает Аша, раздумывая о том, сойдет ли она за тростиночку.

— А вот это более традиционное, очень элегантное, — говорит Прия, проводя рукой по гладкой ткани богатого золотого цвета с кантом бордово-зеленой расцветки. — Ткань немного с блеском. Будет хорошо смотреться вечером. Шелк скользит, но мы его кое-где заколем. Ты сможешь надеть к нему золотое колье с рубинами. У дадимы есть очень красивые.

Аша мигом представляет, как восемь метров скользкого шелка слетают с нее и падают в грязь под ноги.

— Даже не знаю, Прия. Они очень красивы, но... на самом деле я никогда раньше не носила сари, — тихо признается Аша. — Я не уверена, что у меня получится. — Она беспомощно взмахивает рукой в сторону ближайшего манекена. — Нет ли здесь чего-нибудь, что было бы не так сложно надевать?

По лицу Прии, склонившей голову, сложно что-то понять. Аша, застеснявшись, чувствует, как ее будто окатило горячей волной.

Внезапно Прия оживает, взмахивает солнечными очками и говорит мужчинам за прилавком:

— Акча, чалло, пойдемте наверх. Покажите нам, пожалуйста, ленги. Свадебные ленги. Только самые красивые. Поскорее.

Прия направляется к лестнице, и Аша покорно идет за ней. Выясняется, что ленга — это женский наряд из двух вещей: юбка на шнуровке длиной до щиколоток и блуза в тон юбке. По всей видимости, такой наряд уже не соскочит в неподходящий момент, хотя в длинной юбке можно запросто запутаться и упасть. Прия выбирает комплект насыщенного розового цвета с атласным верхом, декорированным слоем прозрачной органзы. Блуза без рукавов расшита сверкающим серебром. Аша соглашается на примерку.

Аша, ошеломленная экстравагантностью своего наряда, стоит перед узким зеркалом за тоненькой занавеской. Ленга подошла бы для церемонии вручения премии Оскар или конкурса красоты. Девушка чувствует себя так неловко, словно ее застали в костюме для Хеллоуина в будний день. Наряд не очень-то удобен. Он тяжелый, шнуровка от юбки впивается в живот, а шея чешется от металлических ниток.

— Она великолепна! — одобряет Прия, заглянув за шторку. — На тебя посмотреть — так ты настоящая индийская красавица! Что скажешь?

— Отлично, — говорит Аша, с облегчением влезая обратно в свои военные штаны. — Пойдем.

* * *

— Мы сейчас к Тэму. Присоединяйся. Потом поедем поужинаем, — говорит Прия по мобильному на выходе из магазина сари. — Это Бинду, — поясняет она Аше, и девушки садятся на заднее сиденье машины.

Прия отдает распоряжения водителю и снимает очки.

— А кто это — Тэм? — интересуется Аша, держа на коленях красную, перевязанную веревкой коробку с ленгой.

— Не кто, бена, а что. «Тэмс» — это всего лишь лучший в этой части Мумбаи салон красоты. Я везу тебя на воск.

— Воск?

— Да, бена, воск. Твои руки, — произносит Прия, приподняв бровь. — У тебя ленга без рукавов, подружка. Нельзя все это показывать, — говорит она, тыча пальцем в волосы на руках Аши.

— Так что, значит, надо делать восковую эпиляцию на руках? Ты так делаешь? — спрашивает Аша,

не в силах поверить, что у кузины есть решение досадной проблемы, от которой она страдает всю жизнь.

Прия запрокидывает голову и смеется.

— Ты шутишь? Я делаю воск везде: на руках, на ногах, на лице. Каждые три недели я бываю у Тэма, и, признаюсь, меня эпилируют воском с головы до пят. А ты никогда не делала эпиляцию воском? — Тут наступила очередь Прии изумляться. — Поверить не могу. Бена, здесь все это делают. Это так же нормально, как кокосы на пудже.

— А это не больно? — спрашивает Аша.

Прия пожимает плечами.

— Да не очень. Ну, если только немножко, но к этому привыкаешь, — отвечает Прия таким тоном, словно это совершенно не относится к делу.

Часом позже Аша уже не так уверена, что может не обращать внимания на боль во время процедуры. Однако результат в виде гладких рук, пахнущих лосьоном из лепестков роз, ее очень радует. В салоне «Тэмс» полно индианок. Большинство из них молодые девушки, примерно ровесницы Аши и ее двоюродных сестер, но есть и женщины постарше. Как и рассказывала Прия, большинство женщин проводят здесь весь день, делая одну процедуру за другой: эпиляцию воском и нитью, отбеливание кожи лица, выщипывание бровей. Все без стеснения обсуждают те вопросы, которые волновали Ашу с самого периода полового созревания. У Тэма легко справляются с густыми бровями, волосатыми руками, пятнами на лице. Бинду и Прии не приходится долго уговаривать Ашу попробовать выщипать нитью брови. Поскольку в процедуре не участвуют иглы, лезвия или горячий воск, Аша делает вывод, что боль должна быть терпимой.

Но она права лишь наполовину. Ей приказывают откинуться на кресло так, чтобы голова лежала на подголовнике. Стилист в белом халате с бейджиком «Китти» просит Ашу закрыть один глаз и сильно растянуть кожу пальцами. Китти держит пальцами и зубами длинную перекрученную нитку. Ее лицо начинает мелькать в некомфортной близости от лица Аши. Вибрирующая нить обжигает надбровье, и от этого почему-то начинает щекотать в носу. Несколько раз Китти останавливается из-за того, что нить рвется, и еще несколько раз — когда Аша чихает. К счастью, вся процедура длится десять минут. С заплаканными глазами Аша садится в кресле, и Китти подает ей зеркало, чтобы девушка посмотрела на свои новые брови. Китти говорит Прии что-то на хинди, с чем кузина соглашается, качая головой.

— Что она сказала? — спрашивает Аша.

— Она сказала, что ты порядком заросла. В следующий раз не тяни так долго, тогда будет менее больно.

* * *

Аша, Прия и Бинду сидят на виниловых диванчиках в маленькой кабинке ресторана «Чайна Гарден», который славится приготовленными на индийский лад блюдами китайской кухни. Бинду передает Аше тарелку с курицей в кисло-сладком соусе, пока та обсуждает с Прией предстоящую свадьбу. Аша уже узнала, что все ее кузины и даже кое-кто из их родителей едят в ресторанах невегатианскую пищу, но в доме дадимы по-прежнему сохраняют видимость того, что они полные вегетарианцы.

— Я слышала, что в кортеже джамаана, жениха, будет шесть белых лошадей, по одной за каждого двоюродного брата. А сам жених приедет в белом

«роллс-ройсе», — шепчет через стол Бинду. Аша кладет в рот кусочек курицы, которая кажется скорее острой, чем сладкой или кислой.

Прия кивает, впиваясь зубами в спринг-ролл.

— Арре, мне кто-то сказал, что они потратили на свадьбу около кроре. Будут угощать десять тысяч гостей!

Девушка поясняет для Аши:

— Кроре — это сто лакхов, — и шепотом добавляет: — То есть десять миллионов рупий.

— У невесты в одном только ожерелье восемь карат бриллиантов. Это если не считать серьги и кольцо в нос. Она выбирает из трех гарнитуров: бриллиантового, изумрудного и рубинового. И на каждой руке по тридцать золотых браслетов весом в двадцать два карата каждый. Для одних только ее украшений нужен отдельный охранник, — усмехается Бинду и подливает всем зеленого чаю.

— Аша, ты вовремя приехала, — говорит Прия. — Это будет свадьба года. Там будет много подходящих холостых мужчин.

Прия подмигивает сестре, и все трое смеются как давние подруги. Аша хохочет так, что зеленый чай льется у нее через нос, а из глаз брызжут слезы.

* * *

Перед тем как лечь спать, Аша записывает в дневник произошедшие за день события. Она с удивлением подмечает одну вещь: несмотря на то что еда здесь может быть слишком острой, одежда — неудобной, а процедуры в салонах красоты — весьма болезненными, она начинает считать это место своим домом, а всех этих людей — своей семьей.

38
ВСЕ УСКОЛЬЗАЕТ

Менло-Парк, Калифорния, 2004 год

Сомер

Сомер мысленно хвалит себя за прекрасно приготовленную курицу, поскольку от Криса, как она уже поняла, похвалы не дождешься. После отъезда Аши в Индию в прошлом месяце все конфликты, которых до этого супругам удавалось избежать, вырвались наружу и поселились в их доме, как нежданные гости, самозабвенно портящие им жизнь. Сомер изо всех сил пыталась понять, почему Аша поступила именно так. Женщина старалась не злиться на мужа, но его участие в выходке дочери никак не шло у нее из головы.

Крис несколько раз молча откусывает курицу, а потом начинает говорить с полным ртом:

— Надо что-то решить по поводу Индии. Аша будет спрашивать до тех пор, пока мы не назовем точную дату.

Взглянув на мужа, Сомер замечает рядом с его тарелкой бутылочку острого соуса «Табаско». У Криса есть привычка поливать любое приготовленное ею блюдо одним из жгучих соусов, которые всегда стоят в холодильнике в ассортименте. Крис не иначе как пытается

уничтожить нежный вкус, который Сомер старается придать своим блюдам. Нотка шалфея в мясе цыпленка, цитрусовый аромат риса — все это теряется под жгучей огненной пеленой. Сомер накалывает вилкой скользящую по тарелке зеленую фасоль.

— Я не могу просто взять и поехать в Индию по первому же требованию. У меня будет неделя отпуска после праздников...

— Просто договорись с кем-нибудь о замене, Сомер. Они и без тебя справятся.

Ответ мужа злит Сомер. Хотя ей стоило бы уже привыкнуть к пренебрежительному отношению Криса к ее работе. Будто все, что не касается ковыряния в мозгах, которым он сам занимается, не достойно внимания медиков. Крис снимает очки и начинает протирать их платком.

— Я не вижу, в чем проблема. Сейчас отличное время для поездки. Аша там, это ее первая поездка, она у моих родственников. Я сам с десяток лет в Индии не был. Ты не была уже... бог знает сколько. Почему бы нам не поехать сейчас, Сомер? Я думал, ты за нее переживаешь, думал, захочешь присмотреть за ней.

Конечно, Сомер была бы рада встрече с дочерью, но она не уверена, что Аша обрадуется ей так же, как она сама обрадуется своей девочке. Сомер помнит конфликт накануне отъезда Аши и неловкость в аэропорту. Дочь отталкивала ее с тех самых пор, как решила поехать в Индию. Мысль о том, чтобы увидеться там, в стране, о которой у Сомер сохранились лишь неприятные воспоминания, слышком тяжела. Она и без того чувствует себя чужой в семье, которой посвятила всю свою жизнь. У нее нет сил, чтобы ехать в Индию сейчас и чувствовать себя никчемной еще и за океаном.

— Я уже восемь лет не видел родных, — говорит Крис, и его голос становится громче. — Восемь лет, Сомер. Мои родители состарились, а племянники выросли. Мне стоило бы поехать раньше, а сейчас я просто обязан поехать.

Крис подливает вина в бокал и возвращается в кресло.

— Только не нужно обвинять в этом меня, — отвечает Сомер. — Ты всегда приезжал и уезжал, когда хотел. Я никогда не отговаривала тебя от поездок. Так что вини в этом только себя.

Муж фыркает и делает большой глоток.

— Крис, со мной все сложнее. Ты же знаешь, — продолжает Сомер, — меня с этой страной ничего не связывает так, как тебя. У меня все совсем по-другому. Тебе не понять, каково это.

— Что ты имеешь в виду, что тебя ничего не связывает? — уточняет Кришнан. — У тебя муж индиец и дочь индианка, если ты запамятовала.

— Ты знаешь, что я имею в виду, — выдыхает Сомер, крепко зажмурив глаза и потирая лоб.

— Нет, не знаю. Объясни-ка, пожалуйста. Я вижу этому всего два объяснения. Либо ты не хочешь, чтобы Аша поближе познакомилась с моими родственниками, которые, я тебе напомню, также и ее родственники. Либо тебе не нравится, что она станет чуть более индианкой, чем была. В любом случае, проблема в тебе, а не в ней. Черт! Мы приложили уйму усилий, чтобы вырастить ее. Она теперь взрослый человек, и ты не можешь ничего решать за нее. Ты сама всегда говорила, что мы должны принимать ее такой, какая она есть, поддерживать ее интересы. Господи, да я в ее возрасте сам отправился жить за полмира от дома, но мои родители почему-то не сходили от этого с ума.

— Это другое, — говорит Сомер, у которой на глаза начинают наворачиваться слезы.

— Да ты что?! Это как же? — Его кривая усмешка отчасти скрывает жестокость, которая сверкает в его глазах.

Потому что они были твоими единственными родителями. Они не боялись потерять тебя.

— Вот так, — только и может произнести вслух Сомер.

— Это другое, потому что я приехал в эту фантастическую страну, где только молоко и мед и никто не хочет уезжать обратно? Так, что ли?

Сомер качает головой, и на стол капают слезы. Она не может подобрать нужных слов, которые запали бы в душу Криса, заставили бы понять ее и изменить свою принципиальную точку зрения.

— Я уезжаю 28 декабря, на тот случай, если ты захочешь поехать со мной, — говорит Крис уже спокойным тоном, но тем не менее каждое его слово режет как скальпель.

Сомер смотрит на мужа, не веря своим ушам, а он продолжает:

— Да, я купил билеты. В это время года все уже забронировано, поэтому я не стал испытывать судьбу.

Сомер чувствует, как пустота заполняет ее изнутри.

— Когда... ты это сделал?

— Какая разница? — огрызается Крис и берет стакан. — В сентябре. Сразу после отъезда Аши.

— Ах вот как? Значит, все уже было решено.

Теперь ей все ясно. Это решение, как и решение о поездке Аши в Индию, было принято без ее участия.

— Вот так.

Он встает и с грохотом ставит тарелку в мойку, серебряные приборы лязгают о дно раковины.

— Если хочешь, поехали со мной. Ну или оставайся. Может быть, так будет даже лучше.

* * *

На следующий день Сомер чувствует себя словно в другой реальности. Она осматривает пациентов, читает их медицинские карты, выписывает рецепты. Она делает все то же, что и всегда, но чувствует, как что-то изменилось. Ей кажется, будто привычный мир взяли и сместили с оси. Все, к чему она так привыкла, ускользает от нее. Она не только не нужна Крису и Аше; по всей видимости, им невыносимо само ее присутствие в их жизни, поэтому они даже не делятся с ней своими планами.

В обед она идет в супермаркет «Хоул Фудс» в нескольких кварталах от больницы, чтобы, как обычно, купить упаковку салата и лимонад. На обратном пути из магазина Сомер останавливается у рекламного щита. Она мельком просматривает объявления о требующихся помощниках по выгулу собак, гаражных распродажах и в какой-то момент натыкается на записку о том, что в Пало-Альто сдается помещение в субаренду. Она отрывает клочок с номером телефона и кладет в кошелек. Затем Сомер звонит по номеру из объявления и быстро договаривается обо всем, прежде чем успевает передумать.

Вечером она говорит Кришнану, что не поедет с ним. Тогда же Сомер предлагает мужу несколько месяцев пожить отдельно — возможно, им обоим это пойдет на пользу. Они сходятся на том, что Аше не нужно

об этом знать. Сомер готова продолжить разговор, но ее поражает, что мужа новости совсем не удивили.

«Я надеюсь, ты сможешь стать счастливой, Сомер», — вот и все, что он сказал.

После того как Крис поднимается наверх, Сомер остается на диване в гостиной и рыдает. На следующее утро она начинает собирать вещи.

39
ОБЕЩАНИЕ

Мумбаи, Индия, 2004 год

Аша

Дадима настаивает, чтобы Аша пошла на мендхи — церемонию окрашивания невесты хной — вместе с кузинами, хотя сама туда не собирается.

— Я уже старая, это не для меня. А вы, девочки, идите и развлекайтесь.

Прия приносит Аше бледно-голубой шифоновый сальвар камиз. К счастью, он не столь помпезный, как наряд, в котором она пойдет на саму свадьбу. По дороге Прия объясняет Аше, что мендхи — это прием, на котором присутствуют только женщины, близкие родственницы и подруги. Они собираются за день перед свадьбой, чтобы украсить руки и ступни невесты рисунками хной. Семья Тхаккар приглашена, потому что мать дадимы была близкой подругой матери миссис Раджай еще со времен Санта-Круза, хотя обеих женщин уже давно нет в живых.

Прибыв к роскошному дому Раджаев, Аша обнаруживает, что предполагаемый для церемонии мендхи тесный круг в данном случае означает, что этим вечером гостей будет всего лишь несколько сотен, а не тысяч,

как на свадьбе. В огромном мраморном фойе музыканты исполняют веселую индийскую мелодию на фисгармонии и барабанах табла. В отдалении Аша замечает стол, уставленный шикарными серебряными блюдами, и идет к нему. Прия хватает ее за руку и, едва заметно кивая в сторону просторной гостиной, шепчет, что сначала им нужно поздороваться. Невеста сидит в троноподобном кресле, установленном на специальном подиуме. Одна женщина сидит у ее ног, вторая трудится над руками. Каждая мастерица держит в руке по маленькому пластиковому конусу, наполненному зеленой оливковой пастой. Подойдя ближе, Аша понимает, что женщины рисуют на коже невесты замысловатые орнаменты: цветущую ветвь, идущую от внутренней части руки и обвивающую ладонь, которая покрыта различными завитками и спиралями. Особенно поражает то, что обе художницы мендхи импровизируют, не имея никакого образца перед глазами. По ходу работы они не прекращают беседовать друг с другом и гостями.

— Ну-ка сделайте-ка покрасивее и потемнее, — одна из подруг невесты подзадоривает художницу, рисующую на руках. — Пусть мендхи долго не стирается!

— И постарайтесь, чтобы инициалы были как можно мельче. Пусть поднапряжется, чтобы их найти, — смеется другая подружка, целуя невесту в макушку.

Прия ведет Ашу к собранию женщин постарше и объясняет:

— Есть традиция, по которой в брачную ночь жених должен найти спрятанные в рисунке хной инициалы, прежде чем невеста разрешит ему... ну, ты понимаешь, — улыбается и подмигивает Прия. — Давай иди сюда.

— Тетушка Манджула! — Прия складывает ладони вместе и слегка кланяется одной из женщин в возрасте.

Дама задрапирована в бордовое шелковое сари, а ее крашеные черные как смоль волосы аккуратно собраны в пучок.

— Дадима сожалеет, что не смогла прийти сегодня. А это моя двоюродная сестра из Америки, — говорит Прия и быстро поворачивается к Аше, представляя ее. — Она только что приехала по особому гранту.

— Здравствуйте, намасте, — пытается подражать непринужденному поведению кузины Аша. — Рада знакомству.

— Добро пожаловать вам, бети. Как хорошо, что вы пришли, — быстро говорит тетушка Манджула, беря Ашины руки в свои пухлые ладони. — Тебе здесь нравится? Я очень надеюсь, что вы будете завтра. Мы зафрахтовали судно для прогулки по заливу. Я всегда говорила, что это лучший способ посмотреть на огни вечернего Мумбая подальше от городской загазованности! — продолжает тараторить пожилая женщина. Она от души смеется над собственной шуткой, и от этого у нее на животе колышатся складки жира, предательски проступающие под сари.

— Проходите, угощайтесь. Здесь столько всего, — добавляет она, извиняется и уходит поприветствовать следующую гостью.

— Ну вот, это мы сделали, — говорит Прия, и они идут к столу. Передвигаясь по залу, Аша замечает еще двух мастериц мендхи, которые рисуют не такие изысканные, но все же очень красивые узоры на ладонях и ступнях гостей. Она кладет себе на фарфоровую тарелочку всевозможную выпечку: самосы, качори и пакору, но воздерживается от соусов чатни, поскольку уже знает, что для нее они будут чересчур острыми. Мысли Аши возвращаются к словам тетушки Манджулы

о круизе по заливу и грязном воздухе в Мумбаи. Она и сама замечала, что над городом почти всегда висит плотная пелена смога, а на улице часто одолевает кашель. В то же время ей всегда казалось, что большую часть выбросов производят именно авторикши и скутеры марки «Раджай». Тетушка Манджула, старинный друг семьи, оказывается в достаточной степени лицемерной. Прохаживаясь по огромному дому, Аша украдкой рассматривает большие мраморные статуи индийских богов и богато расшитые ковры на стене. Прия представляет ее еще нескольким женщинам, но Аша не понимает большую часть их добродушных шуток на гуджарати, которыми они между собой перекидываются.

Аша пробует угощения и наблюдает за искусной работой мастериц мендхи. Как только одна из художниц освобождаеся, Прия подталкивает кузину к ней.

— Что-нибудь простенькое, — говорит Аша. — Что-то вроде такого, — показывает она на солнечный орнамент у другой девушки. Через пять минут обе руки Аши уже украшены кругами с лучами. После того как рисунок высыхает, художница наносит на него лимонный сок, затем масло и предупреждает, чтобы Аша не смывала их как можно дольше для проявления темного цвета. Наутро Аша восхищается прекрасными орнаментами красного цвета. Рисунки остались на коже даже после того, как она смыла с них что-то похожее на засохшую грязь. Весь день Аша не может оторвать взгляда от собственных рук.

* * *

Через некоторое время наступает день свадьбы. Оказавшись на территории клубного отеля «Крикет

Клаб оф Индия», Аша как вкопанная останавливается перед поражающим воображение зрелищем. Вся территория размером с два футбольных поля уставлена роскошной мебелью, которую явно привезли сюда специально для торжества. Здесь и богато украшенные кушетки со спинкой и одним подлокотником, и резные столы, и шелковые подушки. Над этим великолепием раскинулись изящные драпировки тентов — и все вместе это похоже на гигантский дворец под открытым небом. Вокруг толпятся тысячи гостей, и почти такое же количество обслуживающего персонала с серебряными подносами предлагают угощения и напитки. Опасения Аши по поводу излишней пышности ее ленги меркнут, когда она видит остальных женщин в ослепительных сари и огромных украшениях.

— Идем, подружка, — хватает ее за локоть Прия. — Закрой рот, а то ты выглядишь так, будто ни разу не бывала на индийской свадьбе!

Некоторое время Аша молча идет за сестрой, изумленно глядя на преобразившееся до неузнаваемости поле для крикета. Ее занимает мысль о том, была ли свадьба ее родителей похожа на эту, но потом вспоминает висящую в их спальне фотографию в рамке. На ней мать в простом сарафане и одетый в костюм отец стоят где-то в парке Золотые Ворота.

— ...а это Аша, моя двоюродная сестра из Америки. Она не только красавица, но и большая умница, — вещает Прия, незаметно тыча Ашу под ребра. Аша отвлекается и видит перед собой протянутую руку. Взгляд девушки скользит по руке вверх, а затем девушка видит и самого обладателя этой части тела. Глаза Аши раскрываются еще шире.

— Рад познакомиться. Я Санджай, — представляется молодой человек. Его голос звучит по-британски живо.

— О да, я тоже. Аша.

— Да, уже слышал. Прия мне только что сказала. Хорошее имя. Ты знаешь, что оно означает?

Да, конечно, знаю. Мне одни только родители говорили об этом тысячу раз. Но Аша молча качает головой в надежде, что Санджай продолжит говорить своим пленительным голосом.

— Надежда. Твои родители, наверное, многое для тебя намечтали.

Он улыбается, и Аша чувствует, что у нее подкашиваются ноги.

— О да.

Черт! Почему было не ответить как-нибудь получше? Аша замечает, что глаза у парня — нежно-карамельного цвета. Краем глаза она видит, что Прия и Бинду уже отходят.

— Положу себе чего-нибудь из еды... сейчас вернусь, — подмигнув, говорит Прия.

— Значит, из Америки? Часто приезжаешь навестить родственников? — спрашивает Санджай.

— Ну, честно говоря, я здесь впервые, — отвечает Аша, к которой снова вернулась способность говорить. — А ты? Ты из... Англии?

— Нет-нет. Я коренной мумбаец, родился и вырос в нескольких кварталах отсюда. Но последние шесть лет провел в Англии, учился в университете, сейчас получаю степень магистра.

— А по какому направлению магистратура? — Аша ловит себя на том, что задает вопросы как репортер.

Но непосредственная улыбка собеседника придает ей уверенности.

— В Лондонской школе экономики. В дальнейшем надеюсь найти работу где-нибудь во Всемирном банке. Но это в том случае, если отец не втянет меня в наш семейный бизнес. А ты чем занимаешься?

— Я студентка. В Соединенных Штатах есть такой Брауновский университет. А сюда я приехала по гранту для работы над проектом.

— Что за проект?

— Работаю над статьей о детях, живущих в нищете в трущобах вроде Дхарави.

У Санджая округляются глаза.

— Что, будешь, как все вокруг, говорить мне, чтобы я была осторожнее? — говорит Аша.

— Нет. — Санджай отпивает из своего бокала. — Я уверен, что умная женщина вроде тебя сама понимает степень риска.

От его улыбки Аша просто тает.

— Так что же тебе удалось узнать?

Их беседа становится все непринужденнее. Потом они прогуливаются вдоль стола, на котором стоит по меньшей мере пятьдесят различных блюд. Санджай приносит тарелку Аши к одному из бархатных диванчиков, и они усаживаются. Молодой человек ест руками и поощрает Ашу делать так же. Они беседуют о грядущих в США выборах, курсе евро и чемпионате мира по футболу. Он смеется над шутками девушки и следит за тем, чтобы ее бокал не пустел. Вечер пролетает незаметно, и Аша начинает разыскивать сестер.

— Ты говоришь, что это твой первый приезд в Индию. Почему же ты раньше здесь не бывала? — допытывается

Санджай, положив руку на спинку диванчика позади Аши.

Его расслабленная уверенность такая заразительная, что побеждает в ней репортера. Аше кажется, что он уже давно ее знает и ничего из того, что она расскажет, его не удивит. И все же говорить о своем прошлом она не готова. Аша сглатывает и убирает за ухо прядь волос.

— Это долгая история. Слишком долгая для того, чтобы начинать ее сегодня. Я расскажу тебе в другой раз.

— Обещаешь? — не отступает Санджай.

У Аши все внутри переворачивается.

— Обещаю.

Она протягивает ему руку, но вместо простого рукопожатия он подносит ее к губам, легонько целует и накрывает своей ладонью. После этого в руке Аши появляется визитная карточка с именем и номером телефона Санджая.

И тут, как по команде, появляются Бинду и Прия.

— Вот ты где. Мы тебя искали. Здесь на раз можно потеряться. Сумасшествие какое-то! — лукаво улыбается Прия.

Девушки прощаются со всеми, и когда Аша уже собирается уйти, Санджай трогает ее за руку.

— Не забудь, — говорит он с улыбкой. — Обещание есть обещание.

По дороге домой кузины поддразнивают ее насчет Санджая, а сама Аша думает о том, что не может ответить на его вопрос, потому что сама не знает ответа.

40
ПОРОЗНЬ

Пало-Альто, Калифорния, 2004 год

Сомер

Как-то раз в ноябре в одну из пятниц коллега Лиза приглашает Сомер выпить по бокальчику с коллегами после работы. Сомер не торопится домой и потому соглашается. Она уже живет в квартире, которую ей сдала девушка, уехавшая на год учиться в аспирантуре в Мадриде. Это была ничем не примечательная однокомнатная квартира с минимальным количеством мебели, типичными для такого жилья бежевыми коврами и неопределенного цвета стенами. Она располагается на засаженной деревьями тихой улочке в нескольких кварталах от университетского кампуса. Сомер надеялась, что там она почувствует себя свободной и присутствие Кришнана и его вещей не будет обременять ее. Но каждый день, приходя с работы, ощущает лишь пустоту своего нового жилища.

Они едут в бар в Пало-Альто, в одно из тех новых модных мест, что появились уже после того, как Сомер окончила медицинский факультет двадцать пять лет тому назад. Лиза заказывает бокал вина «Шираз», и растерявшаяся от разнообразия винной карты

Сомер просит то же самое. Сомер почти ничего не знает о Лизе, кроме того, что ее коллега не замужем и до безумия любит заниматься йогой — об этом свидетельствует свернутый под мышкой бордовый коврик, с которым она частенько приходит на работу. Раз в месяц врачи клиники собираются на планерки, но в остальное время все проносятся по коридорам, как будто не замечая друг друга. В свои пятьдеся два Сомер — одна из самых старших в коллективе, она дольше всех работает в клинике — уже больше пятнадцати лет. Огромные нагрузки, непредсказуемость пациентов и низкая зарплата заставляют молодых и амбициозных медиков вскоре менять место работы.

Сомер отпивает вино и замечает, что коллеги быстро переключаются с работы на отдых, убирая белые халаты подальше и смешивая напитки в бокалах. Лиза распустила свой конский хвост, с которым все время ходит на работе. Прядки подернутых сединой темных локонов и морщинки вокруг глаз говорят о том, что ей где-то за сорок пять, то есть она на несколько лет моложе Сомер. Разговор крутится вокруг привычных тем: причуды пациентов, противные медсестры и недавнее поражение правительства на выборах. После первого бокала большинство коллег разбегаются по домам, где их всех кто-то ждет.

— Ну, мне можно не спешить, — говорит Лиза, придвигаясь на освободившейся деревянной скамье поближе к Сомер. — Утром я оставила кошке побольше корма. А ты как?

— Да, я тоже никуда не тороплюсь, — отвечает Сомер, допивая из бокала последние капли. Она никак не может свыкнуться с мыслью, что они с Крисом разошлись. Прошло всего несколько недель, и ей

по-прежнему тяжело принимать тот факт, что она живет одна. По утрам Сомер варит слишком много кофе, а по вечерам не выключает телевизор, чтобы заглушить тишину в квартире. Друзья по университету или бывшие соседи в большинстве своем их общие с Крисом друзья, а Сомер пока что еще никому ничего не говорила.

— Прекрасно. Тогда еще бокал, пожалуйста, — говорит Лиза официанту.

Сомер как загипнотизированная смотрит на жидкость насыщенного бордового цвета, которая наполняет ее бокал. В голове начинает появляться приятная легкость.

— Ой, — говорит Лиза, понизив голос, — мне жаль, что так получилось с должностью директора. Я была уверена, что назначат тебя. Ты работаешь здесь дольше, чем кто-либо другой, и весь коллектив к тебе очень хорошо относится.

— Ну да, что ж, они нашли кандидата с большим административным опытом, того, кто двадцать лет работал на полную катушку, а не то что я, непонятно как.

Сомер понимает, что, возможно, этого и не стоило говорить, но ей было обидно, что продвижения по службе не получилось, а возможность обсудить с кем-то неудачу даже обрадовала.

— Тебе что-нибудь известно об этом парне?

Сомер качает головой.

— Только то, что он из Беркли.

Когда предыдущий директор уходял на пенсию, он польстил ей, сказав, что она может принять вызов. На какое-то время женщина даже позволила себе увлечься этой идеей — снова уйти в работу с головой и попробовать что-то новое.

— Чем будешь заниматься на праздниках, Сомер?

— Поеду в Сан-Диего, навещу родителей, — отвечает Сомер, задавая себе вопрос, действительно ли второй бокал вина вкуснее, чем первый, или ей это только кажется.

— Это хорошо. Вы с семьей ездите туда каждый год?

— Мой... нет, не каждый.

Вино так расслабило Сомер, что она сразу раскрывает душу.

— Я еду одна. Муж улетает в Индию к своим родственникам. И к нашей дочери, которая сейчас тоже там. — Сомер делает еще один большой глоток и продолжает: — Я не хотела, чтобы мы ехали, но муж так уперся, что... — Сомер качает головой. — Будет неплохо некоторое время побыть от него подальше. Тебе повезло, что ты не замужем, потому что все это далеко не так здорово, как говорят.

Даже самой Сомер кажется, что ее смех слегка громковат для небольшого зала.

— На самом деле я была замужем, — отвечает Лиза. — Шесть лет. Развелась десять лет назад. Слава богу, без детей. По крайней мере, хоть в этом разрыв стал менее болезненным. А что насчет детей? Это действительно так, как говорят?

— Хм. — Сомер задумывается. — Я бы сказала, что обычно это и правда здорово. Но для меня сейчас это совсем нелегкий вопрос.

— Так и есть. Меня до сих пор мучает вопрос, не в том ли была причина... то есть было ли это главным, из-за чего мы расстались.

— Он не хотел заводить детей? — спрашивает Сомер.

— Нет, он-то хотел. Даже очень. Это я не хотела, — отвечает Лиза. — У меня никогда не было

большого желания стать матерью, и я уже успела посмотреть, как материнство повлияло на жизнь подруг. Изменились их отношения в браке, их карьера. Изменились даже... они сами. Они стали совершенно другими людьми, как будто превратились в пустые оболочки себя прежних. — Лиза проводит указательным пальцем по краю бокала. — Может быть, я эгоистка, но я нравлюсь себе такой, какая я есть, и не хочу это терять. Мне нравится быть в форме. Для меня важна карьера. Мне не хотелось бы на десять лет отказываться от путешествий. Я просто представляла себе жизнь с детьми и понимала, что не буду счастлива за счет компромиссов. — Лиза пожимает плечами. — Я думаю, это не для всех.

— И ты не пожалела о своем выборе? — спрашивает Сомер, прежде чем успевает себя остановить.

— Иногда я начинаю сомневаться, — говорит Лиза, — но большую часть времени я по-настоящему счастлива той жизнью, которой живу. Мне нравится моя работа, в выходные я занимаюсь тем, чем мне хочется, путешествую... Кстати, весной следующего года я собираюсь с подругами в Италию, а моей сестре пришлось отказаться от поездки из-за операции на колене. Если хочешь, поехали с нами. Это будет интересно: будем путешествовать по Тоскане на велосипедах, пробовать всякую вкусную еду, пить отличное вино. Чисто женская компания.

Лиза улыбается и подносит бокал ко рту.

— Хм. Звучит соблазнительно. Особенно мне нравится перспектива не думать о муже. — Сомер осушает бокал, и тепло разливается уже по всему телу.

— Ты знаешь, вечером я как раз ужинаю в новом сингапурском ресторане с подругами, которые едут

в Италию. Почему бы и тебе не присоединиться, если у тебя нет других планов?

* * *

Позже за порцией хрустящих кальмаров и курицей «сатэй» на шпажках Сомер знакомится с подругами Лизы, двумя незамужними женщинами за сорок.

— Меня зовут Сундари, — представляется первая. Ее подвыгоревшие на солнце волосы заплетены в две лежащие на плечах косички. — Это мое духовное имя, — поясняет она. — На санскрите означает «прекрасная». И на хинди. А моего кота зовут Будда. Так что никакие жизненные неприятности меня не страшат, я под надежной защитой, — улыбается Сундари и берет меню. — Все время забываю, что мне здесь тяжело что-нибудь выбрать. Неужели в Сингапуре нет веганов?

— А знаешь, — говорит Лиза, — у Сомер муж из Индии.

— Правда? — Сундари откладывает меню. — Вот круто. Обожаю Индию. Несколько лет назад я была у подруги на свадьбе в Нью-Дели. Организованный родственниками брак, все дела. Они нарядили меня в сари и сделали на руках рисунки хной. Мне понравилось. Вы не делали? А потом я ездила в Агру и видела Тадж-Махал. Удивительная страна. Я бы с удовольствием съездила еще, чтобы узнать ее получше. Мне говорили, что на юге вообще красота. Вы там бывали? Откуда именно ваш муж?

Сомер выдерживает паузу, чтобы понять, ждет ли Сундари ответа на этот раз, а затем произносит:

— Из Бомбея.

— Вы счастливица. Мне бы так хотелось одеться на собственную свадьбу в сари. Для белой девушки

из Канзаса это все так захватывающе, — хихикает Сундари.

К столу подходит выглядящая очень усталой женщина в голубом брючном костюме и отодвигает стул.

— Можно попросить у вас мартини с яблочным соком? — обращается она к пробегающему мимо официанту. — Ой, девочки, простите меня за опоздание. У меня был показ в пять, потом Джастину нужно было прочитать три книжки. Вырвалась, только когда сказала няне, что он может посмотреть мультики. Даю взятки своему шестилетнему сыну. Не правда ли, я замечательная мать?

— Да, Гэйл, — подтверждает Сундари, поднимая бокал с мартини, чтобы чокнуться. — Особенно с учетом того, что большую часть времени тебе приходится быть и матерью, и отцом сразу.

— Гэйл, это моя подруга Сомер, — говорит Лиза. — Мы работаем в одной клинике. Я пытаюсь уговорить ее поехать с нами в Италию весной.

Гэйл через стол чокается с Сомер.

— Отлично! Чем больше народу, тем веселее. Я пока что работаю над тем, чтобы Том забрал Джастина на ту неделю, когда мы собираемся ехать. Мой бывший, — поясняет она для Сомер. — Это такая проблема — поменяться с ним неделями. Ему обязательно нужно сначала все согласовать со своей девушкой. Вот уж не думала, что после развода мои планы будут зависеть от милости другой женщины.

— Лучше любить и потерять...[4] — мечтательно произносит начало известных строк Сундари.

---

[4] «Лучше любить и потерять, чем никогда не любить вовсе» (Tis better to have loved and lost / Than never to have loved at all) — дословный перевод строчки из поэмы английского поэта XIX века Альфреда Теннисона «In Memoriam A. H. H.».

— Сундари — наш отчаяный романтик, — улыбаясь, качает головой Лиза.

— Все еще не отчаиваюсь найти свой идеал, если такой вообще существует, — добавляет Сундари. — Слушайте, может, мне пора вступить в брак, организованный родственниками?

— Поверь мне, золотко, — говорит Гэйл, сделав глоток из своего бокала. — Идеальных мужчин не осталось. Нашего возраста точно. Так что вопрос стоит скорее так: какой процент неидеальности для тебя приемлем? — Она запрокидывает голову и громко смеется.

* * *

На следующее утро Сомер просыпается с жуткой головной болью и сухостью во рту. Она медленно поворачивает голову и открывает один глаз. Часы показывают 10:21 утра. Аспирин лежит в аптечке, которая находится невыносимо далеко — в ванной. Сомер медленно кладет голову обратно на подушку и смотрит в белый потолок с растрескавшейся по углам краской. Она вспоминает события минувшей ночи. Два бокала вина в баре, еще несколько в ресторане — гораздо больше обычного после долгого перерыва. Ей понравилось с Лизой и ее подругами. Они были очень веселые и помогли ей на какое-то время отключиться от собственных проблем. Тем не менее Сомер не готова поменяться местами ни с одной из них. Ни с Лизой, которая абсолютно счастлива без детей. Ни с Гэйл, которой приходится зарабатывать на жизнь, воспитывать ребенка и укрощать бывшего мужа. Ни с Сундари, которая на пятом десятке лет мечтает найти свою любовь, но довольствуется лишь обществом кота по имени Будда.

Сомер снова ложится на бок, чтобы спрятать лицо от падающего на подушку солнечного луча. *Слишком старая для похмелья.* Пятьдесят два года. Без мужа. Живет в студенческой халупе. Работает на одном месте столько, что успела прирасти там к стенам, но все еще недостаточно компетентна для руководящей должности. *Совсем не так, как я представляла себе свою жизнь.* Все, что было так важно для Сомер на протяжении двадцати пяти лет, кажется, развалилось на части, несмотря на потраченные энергию и время. Она может назвать себя врачом, но уже не испытывает той гордости, что была раньше. Сейчас она почти даже не жена и не мать. Сомер понимает, что где-то на этом пути потеряла себя.

Она не может припомнить, когда распался ее брак. Когда Сомер думает о Кришнане, ей трудно поверить в то, что это тот самый человек, которого она помнит со Стэнфорда. Теперь Кришнан нетерпелив и ко всему относится пренебрежительно, он стал похож на типичного самовлюбленного нейрохирурга, над которым они посмеивались в студенческие годы. Он уже не такой нежный и невинный, каким был после приезда из Индии. Сомер больше не нужна ему так, как нужна была раньше, когда она учила его водить машину и пользоваться микроволновой печью. И он давно не смотрел в глаза жене за ужином, не держал ее с гордостью за руку, гуляя с ней по улице.

Сомер пытается понять, когда они последний раз были по-настоящему счастливы. Было ли это на выпускном Аши? Или на Гавайях во время их последнего семейного отпуска? В какой-то момент после поступления Аши в колледж Сомер и Кришнан стали друг от друга далеки. К тому времени как их дочь уехала

в Индию, они отдалились еще больше. Они как будто стояли на разных берегах реки, и ни у одного из них не было возможности переплыть ее. Колкие фразы, которые они бросали друг другу, падали на дно, словно камни, оставляя на поверхности только круги грусти.

Перед тем как выбраться из постели, Сомер медленно садится в кровати и ждет, пока стук в висках немного утихнет. В ванной она умывается холодной водой и, держась за раковину, достает из зеркального шкафчика аспирин. Закрыв дверцу, она упирается взглядом в собственное отражение. На нее смотрит женщина средних лет. *Пятьдесят два.* Через несколько недель Кришнан уедет к Аше в Индию и Сомер останется здесь совсем одна. И хотя в самолет сядет и полетит муж, точно так же как несколько месяцев назад сделала их дочь, Сомер не может отделаться от мысли, что это она вынудила их уехать. Может быть, на самом деле она сама давно их бросила.

41
ДВЕ ИНДИИ

Мумбаи, Индия, 2004 год

Аша

— Параг говорит на шести из двадцати с лишним основных языков Индии, а еще и на английском. Аша, он тебе пригодится, — настаивает Мина.

Она хочет взять в Дхарави переводчика, чтобы он помогал им брать интервью.

— Так ты сможешь сосредоточиться на вопросах и получить всю необходимую информацию. Не беспокойся, он не будет мешать.

Аша глубоко вздыхает.

— О'кей.

Она сама не понимает, почему нервничает. Девушка подготовилась, изучила архивы «Таймс» и опросила нескольких чиновников, отвечающих за вопросы развития и планирования города. Большинство из них рассказали одну и ту же историю возникновения гигантских трущоб. Когда-то на месте Дхарави было мангровое болото. Потом ручей пересох и жившие в тех местах семьи рыбаков покинули свои дома. К тому времени в город в поисках лучшей жизни стали съезжаться жители окрестных деревень и маленьких городков.

Инфраструктура Мумбаи не справлялась со столь мощным притоком новых жителей. Так возникли Дхарави — огромный район трущоб. Аша знает историю. Она собрала факты и статистику. У нее уже есть план будущей статьи. Остается вдохнуть в повествование жизнь. Интервью помогут ей разбавить сухие факты о трущобах личными историями людей. И благодаря этому ее статья будет задевать за живое, а не звучать как очередное новостное сообщение.

— Ты же хочешь все записать, так? — спрашивает Мина.

— Да. Давай возьмем еще и ее, — говорит Аша, беря свою видеокамеру. — Если ты, конечно, не против на время стать оператором. Так я смогу сделать стоп-кадры, если понадобится.

— Я прихвачу еще вот это. — Мина подхватывая пакет с разными сувенирами, на которых красуется логотип «Таймс»: блокнотами, ручками, текстильными сумками. — На случай, если нужно будет кого-нибудь подкупить.

* * *

На деле же простого визита трех незнакомцев в трущобы оказывается достаточно, чтобы вокруг чужаков собралась целая толпа. Аше приходится быстро выбирать, с кем из них ей заговорить в первую очередь. Ее внимание тут же привлекает маленькая девочка. Взгляд Аши выхватывает ее из толпы. Мина включает камеру, а Параг подходит поближе. На вид девочке около двух лет. Она одета в простенькое бежевое платьице из хлопчатобумажной ткани, а на шее висит шнурок. Малышка ходит босиком, а волосы на ее голове отросли всего на полсантиметра. За руку малышку держит

девочка постарше, с косичками и тусклым золотым кольцом в носу, контрастирующим с ее темной кожей.

— Это Бина и ее младшая сестренка Яшода, — начинает переводить Параг, в то время как Аша, улыбнувшись девочкам, приседает, чтобы оказаться с ними одного роста. — Бине двенадцать, а Яшоде три.

— Сколько они уже живут здесь и откуда они? — Аша протягивает малышке руку. Параг переводит, и Бина быстро отвечает энергичным высоким голосом.

— Она говорит, что их семья приехала сюда как раз перед последним сезоном муссонов, то есть около восьми или девяти месяцев назад. Из своей деревни они добирались сюда двое суток, — говорит Параг.

Яшода уже увлеклась кольцами на Ашином пальце.

— Спроси ее про семью. Чем занимаются родители? — спрашивает Аша.

— Их мать служанка, а отец работает на швейной фабрике. У них три брата. Самый старший работает вместе с отцом, а двое младших учатся в школе.

Аша заглядывает в блокнот.

— А она, Бина, почему не учится в школе?

Параг молча смотрит на Ашу.

— Спроси ее. Узнай, почему она не в школе.

Аша видит, как Параг колеблется еще секунду, потом бросает взгляд на Мину и только потом снова обращается к Бине. Услышав вопрос, Бина смотрит на Ашу, а потом себе под ноги. Параг переводит ее краткий ответ:

— Ей нужно присматривать за сестрой, готовить и стирать.

Ашу этот ответ не совсем устраивает, но она чувствует по взглядам, которыми обмениваются Параг и Бина, что большего ей вытянуть не удастся.

— Спроси ее, почему у сестренки такие короткие волосы. — Аша гладит девчушку по голове.

— Возможно... — начинает Параг.

— Я хочу, чтобы ты *спросил* у нее. Мне нужен *ее* ответ.

Он обращается к Бине, говорит, слушает, затем снова поворачивается к Аше.

— Она говорит, это из-за паразитов, — тихо произносит Параг. Бина снова глядит себе под ноги и пинает комок грязи. Аша с трудом сглатывает. Яшода все еще смотрит на Ашу своими прелестными глазами и размахивает рукой.

— Вот, — говорит Аша, присаживаясь на корточки и пытаясь снять кольцо с пальца, отекшего от жары. Наконец ей удается стащить с мизинца тонкое серебряное колечко с маленьким бордовым камешком. Девушка протягивает его Яшоде. Малышка смотрит сначала на сестру, затем снова на Ашу. Она с восхищенным видом хватает украшение и обвивает ручки вокруг Ашиной шеи.

— Спасибо, что поговорили с нами, — выпрямляясь в полный рост, говорит Аша Бине. Параг переводит, и Бина с застенчивой улыбкой кивает Аше в ответ. Девушка наконец выпускает маленькую ручку Яшоды.

Аша делает знак Парагу и Мине, и они идут дальше. Они замечают усталую женщину, которая стоит у двери лачуги и громко кричит.

— Что она говорит? — спрашивает Аша.

— Она кого-то зовет и просит поторопиться, — говорит Параг.

В следующий момент женщина оборачивается, замечает камеру и направляется к ним, чтобы поприветствовать.

Она обменивается с Парагом вежливыми репликами, и переводчик сообщает Аше:

— Она собирается вести ребенка в школу. Девочка постоянно опаздывает.

— О, здорово! Она может минуту побеседовать с нами? Сколько лет ее дочке?

— У нее четверо детей, но только двое живут с ней здесь... Один уже ушел в школу, ему тринадцать. Второй ребенок, дочь, еще дома. Ей десять.

— Ее десятилетняя дочь ходит в школу? Это замечательно.

— Да, она говорит, что школа — это очень важно, — переводит Параг. — Она провожает и встречает девочку каждый день. Иначе та не смогла бы учиться.

— Чем занимается ее муж? — спрашивает Аша.

Женщина отвечает одним словом, которое Параг переводит как «умер».

Аша кратко записывает это в блокнот, соображая, какой вопрос можно было бы задать после такого ответа. В эту секунду она замечает, что Мина смотрит на что-то за ее спиной, и оборачивается. Сначала ей кажется, что это ребенок выползает из лачуги, но затем она с ужасом понимает, что девочка калека. Вместо ног у нее обрубки, и она передвигается по земле при помощи рук, раскачивая тело из стороны в сторону. От этого жуткого зрелища у Аши перехватывает дыхание, и она опускает голову. Когда девушка снова поднимает глаза, Мина смотрит на нее и кивает, чтобы она продолжала интервью. Аша обращается к собеседнице как раз в тот момент, когда та приседает к земле и ее безногая дочь каким-то образом залезает матери на спину. Прежде чем Аша успевает задать следующий вопрос Параг произносит:

— Ей надо идти, иначе она опоздает. Школа в двух километрах отсюда.

Переводчик благодарит женщину, сложив ладони вместе, и Аша следует его примеру. Все трое смотрят, как женщина с ребенком на спине растворяется в толпе.

У Аши кружится голова. *Это от жары?* Она старается дышать глубже, но в ноздри бьет удушающий смрад сточных вод и экскрементов. Аша качает головой и обращается к Мине:

— Я вернусь через минуту.

Девушка бросается к газетному киоску через дорогу, радуясь, что ей удалось хотя бы ненадолго сбежать. Она не подозревала, что увиденное сегодня так впечатлит ее, хотя думала, что готова ко всему. Но у всех фотографий, что она видела, была рамка, а кадры видеорепортажей ограничивались экраном. Здесь же, в Дхарави, страдания разливаются, как море, до самого горизонта. Отвратительная вонь, ужасающие условия и отсутствие перспектив в жизни этих детей вызвали у Аши чувство глубокой жалости. Девушка покупает бутылку «Лимки» — газировки со вкусом лимона и лайма, к которой она пристрастилась в последнее время. Вытерев губы, Аша залпом выпивает половину лимонада. Мимо проезжает двухэтажный автобус, и она замечает на противоположной стороне улицы нетерпеливо переминающихся с ноги на ногу Парага и Мину. Она должна собраться. Девушка осушает бутылку, отдает ее торговцу, который радуется возможности оставить себе депозит за тару размером в одну рупию, и мчится обратно к коллегам.

— Все, просто нужно было немного освежиться. Я готова. Идемте, — Аша старается говорить как можно убедительнее. Они идут дальше, пока девушка

не останавливается перед халупой, возле которой сидит женщина в вытцветшем зеленом сари. Одной рукой она держит маленького ребенка, еще двое детей жмуттся к ее ногам. Левая рука от локтя до края сари покрыта черными синяками. Женщина время от времени что-то помешивает на огне и кормит рисом младенца.

— Как думаете, она поговорит с нами? — спрашивает Аша Парага и наблюдает за тем, как они переговариваются.

Женщина показывает рукой на свой рот.

— Она спрашивает, дадите ли вы ей что-нибудь... немного денег на еду, — поясняет Параг. Аша достает из кармана банкноту достоинством в пятьдесят рупий и протягивает женщине. Та прячет деньги в складках сари. Когда она улыбается, видно, что у нее нет передних зубов.

Аша набирает побольше воздуха.

— Спроси, как давно она попала сюда и откуда приехала.

Параг долго беседует с женщиной. Во время разговора та машет свободной рукой, показывая на лачугу, а затем на какое-то место в отдалении.

— Она живет здесь, в этом доме с тех пор, как вышла замуж два года назад. Раньше она жила там, — Параг указывает куда-то вглубь трущоб, — с родителями.

— Здесь в Дхарави? Как долго она прожила здесь с родителями? — переспрашивает Аша, не в силах поверить, что в таком месте люди могут жить поколениями. Городские власти преподносили трущобы как временное пристанище.

— С детских лет, сколько себя помнит, — передает ответ женщины Параг. — Она говорит, что этот дом лучше, чем у ее родителей. Здесь живут только они

с мужем и дети. А там ютились восемь или десять человек.

Он говорит так, будто просто докладывает о погоде, будто в содержании его сообщения нет ничего шокирующего. Аша предполагает, что, возможно, он делает это нарочно, чтобы вывести ее из себя.

— Ей нравится... она счастлива здесь? — задает очередной вопрос Аша, понимая, насколько глупым он может показаться женщине, которая всю жизнь живет в трущобах, но девушке не приходит на ум ничего лучше.

— Она говорит, ничего. Ей бы хотелось когда-нибудь жить в нормальном доме, но денег пока недостаточно.

Аша думает о банкноте в пятьдесят рупий, припрятанной в сари этой женщины, и о том, сколько таких же бумажек в кармане у нее самой. Их общая сумма равна примерно десяти американским долларам.

— А где работает ее муж?

— Он работал рикшей, — говорит Параг и замолкает, чтобы дослушать ответ. — Работал с напарником посменно, но два месяца назад потерял место, потому что пил и опаздывал.

— Чем они теперь зарабатывают на жизнь?

После того как Параг переводит вопрос, женщина смотрит на котел. Она опускает ребенка на землю, и тот шустро убегает вместе с другими детьми. Женщина отвечает, понизив голос.

— По вечерам она ходит в бордель, — говорит Параг. — Тут рядом есть один. За несколько часов ночной работы она получает пятьдесят рупий, потом возвращается домой. Она говорит, что детей с собой не берет, оставляет с соседкой. Она не хочет, чтобы дети видели

это место и знали, что там происходит. Она не хочет, чтобы они что-то поняли.

Аше с трудом верит в услышанное.

— Этого достаточно? Я имею в виду, пятидесяти рупий...?

— Она говорит, этого хватает на то, чтобы накормить семью. И надеется, что муж скоро устроится на работу, чтобы ей больше не пришлось ходить туда.

У Аши снова все плывет перед глазами, потому что она опять не знает, о чем еще можно спросить. К тому же девушка не уверена, что сможет вынести еще что-то. Она смотрит на Мину, и та кивает ей. Аша пробегается глазами по списку вопросов в блокноте и усиленно моргает, пытаясь сосредоточиться.

— Сколько ей лет? — задает последний вопрос Аша.

Переводчик разговаривает с женщиной, которую тянут за сари подбежавшие к ней дети. Мать наклоняется, чтобы снова взять на руки малыша.

— Двадцать, — отвечает она.

Аша невольно содрогается при виде женщины, которая живет в нищете и вынуждена продавать себя ради того, чтобы просто выжить. Несчастная провела здесь всю свою жизнь. У нее трое маленьких детей, пьяница муж и почти нет надежды на лучшую участь.

Они с Ашей ровесницы.

* * *

На обратном пути в редакцию журналисты не разговаривают. У Аши перед глазами проплывают только что увиденные сцены, она будто снова слышит немыслимые истории. Девушка чувствует на себе взгляд Мины.

— Ну, что скажешь? — прерывает молчание наставница. Ее вопрос звучит мягче, чем ожидала Аша.

Признаться ли ей, в каком она ужасе оттого, что в этой стране люди живут вот так? Что у маленьких девочек никогда не будет возможности пойти в школу, потому что они вынуждены заниматься работой по дому уже в три года? Что отсутствие ног у ребенка никому не кажется чем-то ненормальным?

— Я думаю, для начала неплохо, — говорит Аша. — А тебе как кажется?

— Думаю, ты хорошо справилась. У нас появились хорошие истории, очень характерные для Дхарави. Есть ли что-нибудь, что ты упустила и хотела бы узнать в следующий раз? — спрашивает Мина.

— Мы не поговорили ни с кем из мальчиков. И мужчин. На самом деле, я что-то и не увидела ни одного.

Аша смотрит из окна на переполненные в разгар рабочего дня тротуары.

— Почему, когда я иду куда-нибудь, на улицах полно мужчин, а в Дхарави сегодня мы видели одних только женщин?

— Понимаешь, Аша, — объясняет Мина, — так же как существуют две разные Индии для богатых и бедных, существуют и разные Индии для мужчин и женщин. Территория женщины — это дом. Она заботится о семье, дает распоряжения слугам. Территория мужчины — за пределами дома. Работа, походы в рестораны. Вот почему, когда ты, будучи женщиной, идешь здесь по улице, то ощущаешь себя в меньшинстве. На улицах только мужчины. И они порой не прочь повысмеивать тех из нас, кто отважился высунуть нос из дома.

Аша вспоминает не один раз попадавшихся ей на улицах мужиков, которые присвистывали и пялились ей

вслед, тем самым вызывая острое желание применить приемы самозащиты, отработанные на занятиях в студенческом общежитии.

— К тому же это не просто так кажется, это факт, что в этой стране нас меньше. Ты же знаешь о том, что за уровнем рождаемости в Индии следят очень плохо? У нас появляется около девятисот пятидесяти девочек на каждую тысячу мальчиков.

Мина смотрит прямо перед собой и добавляет:

— Похоже, Индия-мать любит своих детей не одинаково.

42
ОДНО ЛИШЬ СОЖАЛЕНИЕ

Мумбаи, Индия, 2004 год

Джасу

Джасу просыпается обессиленным, хотя день еще не начался и до смены есть время. Прошлой ночью он опять проснулся в поту и подскочил на кровати, пытаясь дотянуться руками до вечно ускользающей лопаты. Она всегда исчезает, стоит ему открыть глаза. Джасу задыхался, его сердце бешено стучало, а лицо и грудь были мокрыми от пота. Кавита положила мужу на лоб влажную тряпку и попыталась успокоить, чтобы он снова заснул. Но ничего из того, что предпринимает жена или в чем он сам пытается себя убедить, не помогает. Сегодня, перед тем как отправиться на фабрику, ему придется зайти в храм.

Он бежит и вскакивает на подножку уже отъезжающего поезда. В то утро мужчина понимает, что его молодость ушла, и в какой-то момент его охватывает страх, что он может соскользнуть с подножки. Джасу не верится, что он ездит на этом поезде каждый день с тех пор, как поселился в Мумбаи четырнадцать лет назад. Его передергивает при мысли о том, как мало он знал тогда о жизни в этом городе и тех трудностях,

с которыми ему пришлось здесь столкнуться. Порой он видит того себя среди новоприбывших: каждый день на фабрику в поисках работы приходят мужчины в простой деревенской одежде. Теперь он мастер, и именно ему приходится отказывать им, зная, что из-за этого несколько деревенских семей могут остаться вечером голодными. Джасу заглядывает этим мужчинам в глаза и видит все трудности, которые выпали на их долю, и страхи, которые их терзают. Все они, как когда-то он сам, приехали сюда в ожидании, что большой город обеспечит им хорошую жизнь и достаток, но получили полную противоположность.

На прошлой неделе в цех с черного входа постучал босоногий молодой человек в рваной рубахе. За его спиной стояли четверо детей и беременная жена. Он сказал Джасу, что им негде остановиться. Он был почти сломлен, когда Джасу объявил ему, что на фабрике нет вакансий.

— Пожалуйста, сагиб, пожалуйста, — тихим голосом умолял он Джасу, так чтобы его семейство не слышало сквозившего в нем отчаяния. — Я буду делать все, что вам нужно. Любую работу. Хотите, буду подметать пол? Чистить туалеты?

Парень сложил ладони в умоляющем жесте, словно в молитве. Джасу дал бы ему работу, если бы только мог. Ведь даже в должности мастера у него не было полномочий решать подобные вопросы. Он протянул бедолаге банкноту в пятдесят рупий и сказал, чтобы приходил через месяц. Ему становится не по себе при виде таких семей, тем более что себя он считает счастливчиком, поскольку его такая судьба миновала. Прошло без малого пятнадцать лет после того, как он покинул родной дом и приехал в этот чужой город.

И только сейчас у него наконец появились хорошая работа, стабильный заработок и приличный дом. Да, он пахал для этого, как вол, и все же Джасу понимал, что во многом ему просто повезло.

На этом отрезке жизни у него было столько моментов, когда все могло обернуться плохо. Травма, которую он получил много лет тому назад, могла быть гораздо серьезнее. Он мог потерять руку или ногу, как это произошло со многими другими мужчинами, и ему пришлось бы просить милостыню на улице вместе с остальными калеками. В тот единственный период безработицы он почти сбился с пути: пьянствовал, спустил практически все деньги семьи и почти угробил собственную жизнь. Его спасла Кавита. С годами Джасу все отчетливее понимал, что все, чего им удалось добиться, произошло только благодаря жене: ее силе, любви и уверенности в своем муже. Если бы у них было несколько детей, возможно, он, как тот парень в рваной рубашке, отчаялся бы от катастрофической нехватки рупий. Хотя на самом деле, если бы у них было несколько детей, он, наверное, не возложил бы все свои надежды на Виджая, вставшего на преступный путь. Джасу вспоминает все важные решения, которые они принимали с момента рождения сына. Многие из них были сделаны ради Виджая. Джасу не может припомнить ни одного случая, когда их выбор был бы неверным. Он делал все, что, по его мнению, отец должен был сделать для сына, и все же Виджай разочаровал их. Джасу всегда был уверен, что хорошо понимает, как будет лучше для его семьи, но возраст и опыт смягчили его характер.

Джасу сходит с поезда на железнодорожном вокзале Викхроли и направляется к небольшому храму в паре кварталов от станции. После ночных кошмаров

его часто сюда тянет. В последнее время он приходит в храм каждые несколько дней. Это скромное здание, которое внешне ничем не отличается от других построек поблизости. Джасу оставляет шлепанцы за дверью и проходит мимо расположенного у входа белого мраморного фонтана. Опустившись на колени и закрыв глаза, мужчина мысленно возвращается к единственному моменту за всю его жизнь, о котором он сильно жалеет: к той ужасной ночи, когда Кавита дала жизнь их первому ребенку. Это было сиюминутное решение, принятое всего за несколько секунд, но даже спустя двадцать лет Джасу не может смириться с ним. Он чувствует тело извивающегося на руках младенца и летящие ему вслед крики Кавиты. Он отдал девочку двоюродному брату, который должен был как можно скорее избавиться от малышки. Сам Джасу присел на корточки возле хижины, закурил биди и ждал.

Увидев возвращавшегося из леса с лопатой в руке брата, Джасу понял, что все кончено. В мимолетных взглядах, которыми они обменялись, каждый прочитал осознание жуткой правды. Джасу так и не рассказали, где похоронен ребенок. Он знал, что брат не стал говорить ему, решив, что Джасу это безразлично. Но на самом деле Джасу не спросил об этом, потому что не смог бы этого вынести. В тот день он всего лишь сделал то, чего от него ждали. Так же поступили другие его кузены, и точно так же сделают его родные братья. Джасу даже не думал, что у него была возможность выбора. Но только до тех пор, пока не увидел, как двоюродный брат возвращается с лопатой. Только тогда он понял, что ошибался.

Долгие годы Джасу не допускал и мысли, будто его решение было неверным, хотя он очень долго не мог

найти в себе силы снова взглянуть в глаза Кавите и увидеть ее израненную душу. Боги избавили его от совершения того же греха во второй раз. Когда повитуха сказала ему, что младенец умер во сне, потому что был слишком слаб и не пережил первой ночи, Джасу вздохнул с облегчением. Но даже эта божья милость не облегчила глубокой скорби Кавиты. А у него не хватило духу защитить жену от осуждения своей родни. *«Две дочери, — говорили родители, — значит в прошлой жизни нагрешила»*. Они хотели, чтобы он выгнал ее и нашел себе другую жену. Родители заставили их пойти на УЗИ во время третьей беременности и дали ему денег, чтобы Кавита прямо в той клинике сделала аборт, если бы это понадобилось. Тогда он и решил во что бы то ни стало уехать из родительского дома, пусть ради этого и придется покинуть Дахану и подвергнуть себя риску. Джасу всегда претил выбор между уважением к родителям и опекой жены, но они сами вынудили его. Даже несмотря на то, что мать с отцом изменили свое отношение к Кавите после рождения Виджая, Джасу уже не мог воспринимать их так, как прежде. И сейчас, навещая родную деревню, он не в силах смотреть на двоюродного брата без воспоминаний об утре, когда кузен шел с лопатой в руке.

Они с Кавитой никогда не говорили о той ночи, ни разу. Джасу не позволяли поднять эту тему как гордость, так и стыд. Он знает, что из-за содеянного выглядит чудовищем в глазах жены, а возможно, и перед лицом божеств. Большую часть жизни Джасу пытался воздать Кавите за ту единственную ночь, показать ей, что он может быть хорошим человеком, и доказать божествам, что достоин своей семьи. Он знает, что сделанного уже не изменить. И он отчаяно пытался

оставить грех в прошлом и построить другое будущее: новый город, новый дом, новая работа. Все это позволило Джасу немного оправдаться перед собой, но не лишило его чувства вины, которое тяжким грузом лежало на сердце. Кошмары на время прекратились. Их не было на протяжении тех нескольких лет, когда все наконец наладилось. Но потом настал ужасный вечер, когда они обнаружили дома полицейских с обыском.

Как только у Виджая начались проблемы, кошмары не только вернулись, но стали мучить Джасу еще больше. Он понял: все, что было главным источником гордости в его жизни, в итоге обернулось величайшим разочарованием.

43
МАРИН-ДРАЙВ

Мумбаи, Индия, 2004 год

Аша

Аша слышит, как за окном воркуют голуби, и поворачивается лицом к утреннему свету, струящемуся сквозь темные хлопчатобумажные занавески. Она перекатывается на другой бок, сладко потягивается и выгибает спину. Даже через громкое гудение кондиционера ей слышно, как дадима рассыпает на балконе птичий корм. Она делает так каждое утро. Дадима говорит, что голуби не только священные создания, но и ее самые преданные друзья. Они составляют ей компанию каждое утро на протяжении пятидесяти с лишним лет, пока она живет в этой квартире — с самого переезда к родителям дададжи после свадьбы.

Дадима описала свою покойную свекровь как набожную женщину с доброй душой, каждое утро посещавшую расположенный за углом дома храм. Благодаря ее кротости и доброте, ладить с ней было легче, чем с большинством свекровей. Дадима считает, что именно это счастливое обстоятельство помогло ей с легкостью пережить первые годы замужества. После смерти свекров она унаследовала титул

родоначальницы всего клана Тхаккар. Эту подробность семейной истории Аша узнала от бабушки во время утренней прогулки на четвертый день после приезда в Индию. И сейчас только предвкушение очередной задушевной беседы с дадимой заставляет Ашу подняться с кровати в столь ранний час.

* * *

В первый день после приезда, уже почти две недели тому назад, Аша проснулась рано из-за громких фейерверков. Войдя в гостиную с еще замутненным после сна взглядом, девушка с удивлением обнаружила там дадиму. Пожилая женщина сидела за столом, попивая чай.

— Доброе утро, бети. Хочешь составить мне компанию на прогулке? С утра на улице такой приятный ветерок.

И Аша за неимением других утренних занятий надела кроссовки, бейсболку и пошла вместе с бабушкой вдоль Марин-драйв — широкой набережной вдоль залива Бэк Бей. Это была неспешная прогулка. Дадима неторопливо шла в легком развевающемся сари, шаркая своими чаппалами. И весь путь до Нариман Поинт и обратно занял у них целый час.

В тот первый день дадима показала внучке небольшой белый магазин с зеленым тентом.

— Видишь магазин мороженого? Туда дададжи водил твоего отца и его братьев по воскресеньям. Это был их ритуал в единственный свободный день, когда дададжи не нужно было в больницу.

Шарк, шарк. Когда они шли, поношенные чаппалы дадимы шлепали ее по пяткам. Через каждые несколько шагов пожилая женщина подносила руку к глазам, чтобы прикрыть их от яркого солнца.

— А вон там раньше был детский сад, куда ходили мальчики. Им управляла очень милая монахиня, сестра Кармина.

По дороге Аша с бабушкой отводили взгляд от испражнявшихся с волноотбойной стены людей и полуголых детей, протягивавших руки в надежде получить монетку.

На следующий день Аша дала дадиме свои запасные кроссовки и убедила примерить их. К счастью, они оказались ей впору. И когда старушка свыклась с тем, что ее ноги полностью закрыты, она признала, что ей нравится новая удобная обувь и она согласна считать кроссовки своими. Надевать предложенную Ашей бейсболку она все же отказалась и предпочла скромно покрыть голову сари, хотя это была не самая надежная защита от солнца. Дадима отметила, что обувь хотя бы не будет видна из-под длинной одежды. А вот если люди увидят ее в бейсболке, они подумают, что старушка совсем выжила из ума. От людей ее возраста, объяснила дадима, окружающие только этого и ждут. Поэтому ни к чему давать им лишний повод. В тот день и на следующий дадима расспрашивала внучку о жизни в Америке. Аша подробно рассказывала о колледже, своих занятиях, газете и друзьях. Она не была уверена в том, что дадима все хорошо понимает, учитывая разницу в языке, культуре и поколениях. Но бабушка все время кивала и не задавала дополнительных вопросов. Чуть позже дадима припомнила какую-то из рассказанных внучкой подробностей, и Аша поняла, что от бабушки ничего не ускользнуло.

На четвертое утро где-то рядом с лотками уличных торговцев жареной кукурузой и продавцов, срубающих своими мачете верхушки со свежих кокосовых орехов,

дадима поведала Аше о своей свекрови. Она рассказала, что однажды мать мужа привела ее, молодую невестку, на кухню и показала, как готовить карри с жареным баклажаном, чтобы блюдо понравилось ее сыну.

— Это было уже слишком, — сказала дадима. — Я только что распрощалась со своей семьей, а она мне рассказывает, как делается бенган бхарта! Можно подумать, я не знаю! Я годами готовила его вместе с матерью. А уж она-то делала бенган бхарта лучше всех в округе.

— И что же было потом? — любопытствовала Аша.

— Я ушла с кухни и засела в нашей комнате. На несколько часов. Тогда я была очень упрямой девчонкой, — усмехается дадима. — Но потом она все равно пришла ко мне, попросила пойти на кухню и показать ей, как я готовлю «мятые» баклажаны. Мне было сказано, что теперь это моя кухня и я могу делать на ней все, что захочу. Вот какой она была женщиной. Очень щедрой к другим. Никакого эгоизма.

Аша с удивлением слушала, с какой любовью и уважением бабушка рассказывала о своей свекрови. Ведь гораздо чаще люди жалуются на сложные отношения с родственниками.

— А вот храм, в который моя сассу ходила каждый день. — Дадима показала на невзрачный фасад белого цвета в паре кварталов от их дома. — Пойдем, я покажу тебе его.

Аша никогда раньше не бывала в индуистском храме, поэтому не без любопытства последовала за дадимой и сняла у входа кроссовки. Внутри оказалась простая комната с несколькими статуями богов. Дадима остановилась на несколько секунд перед статуей со слоновьей головой, закрыв глаза и сложив вместе ладони.

— Ганеша, — прошептала она Аше, — устраняет препятствия.

Потом она подошла ближе, пронесла развернутую ладонь правой руки над горящей свечой, зачерпнула небольшую горстку арахиса с крупными кристаллами сахара и предложила Аше сделать то же самое.

На улице дадима продолжила рассказ.

— В моей семье было принято молиться дома. Мы бывали в храме только по большим праздникам. Ходили в храм Махалакшми, который тебе обязательно надо увидеть. Красивый храм, очень большой. Туда приходит народ со всего Мумбаи. Но как бы то ни было, после замужества и переезда сюда я начала ходить в этот маленький мандир со свекровью. Такой есть в любом районе. Люди останавливаются здесь совсем ненадолго по утрам или по пути домой. Мне кажется, это помогает прожить день в большем спокойствии.

— Дадима, я надеюсь, мой следующий вопрос не покажется тебе чересчур бестактным, — робко начала разговор Аша на пятый день. — Как ты научилась говорить по-английски? Большинство твоих ровесников в нашем доме, кажется, едва ли знают несколько слов.

Дадима тихо засмеялась.

— Это отцовское наследство. Он был настоящим англофилом. Пока все вокруг обвиняли британцев в проблемах Индии, отец настаивал на том, чтобы я брала уроки английского языка. Мой отец был прогрессивно мыслящим человеком. Он хотел, чтобы прежде, чем ко мне пошли свататься парни, я закончила колледж. Он опередил свое время, мой бапу, — сказала дадима с задумчивой улыбкой. — Он по-настоящему ценил женщину. Всегда обращался с моей матерью как с сокровищем.

Так все и шло. Дадима понемногу делилась с Ашей историями, вспоминая то, что происходило в ее жизни очень давно. Аша училась быть хорошим слушателем и соблюдать хрупкое равновесие: задавать нужное количество вопросов, чтобы дадиме хотелось продолжать рассказ, но при этом не перебивать поток ее воспоминаний. В начале второй недели их утренних променадов дадима начала рассказывать о переезде ее семьи во время раздела Индии, когда страна раскололась на Индию и Пакистан вслед за обретением независимости от Британской империи в 1947 году. Семья дадимы жила в Карачи — столице северного индийского штата Синдх. Ее отец владел процветающим зерновым бизнесом и часто бывал по делам на Ближнем Востоке и в Восточной Африке. У них был прекрасный дом, две машины и несколько десятков гектаров земли, на которых свободно резвились дадима, две ее сестренки и брат. Все это им пришлось оставить во время переезда.

Карачи стал столицей Пакистана — нового мусульманского государства. Британцы нанесли на карту Южной Азии новые границы, совершенно не заботясь о тех, кто оставался жить по другую сторону этой линии. Вот так, чтобы оказаться в нужной стране, людям пришлось заколотить свои дома, свернуть все дела, с корнем вырвать семьи с родных мест и уехать. Семья дадимы, как и многие индуистские семьи из Карачи, переехала в Бомбей. Отец остался, чтобы завершить дела и по возможности спасти хоть что-то из имущества. А дадима с матерью, сестрами и братом отправились в Бомбей морем. По словам дадимы, им повезло, что они могли позволить себе плавание на корабле, потому что переселенцы, поехавшие на автобусах или

поездах, попадали в кровавые стычки с людьми другой веры, двигавшимися в противоположном направлении.

— Моему брату тогда было только четырнадцать лет, он был на пять лет младше меня, — рассказывала дадима. — Как самый старший мальчик в семье, он встал на место отца. Приглядывал за нами в пути. Когда корабль подошел к бухте, нас высадили в маленькую шлюпку, чтобы везти дальше на берег. В ней мы все — мама и четверо детей — поплыли навстречу огням большого города, где у нас не было ни одного знакомого. Вдруг брат вскочил, начал кричать и махать руками кому-то на корабле. Он сосчитал наши чемоданы. У нас их было в общей сложности десять штук. Так вот, он посчитал их и обнаружил, что в шлюпку погрузили только девять. Брат хотел вернуться на корабль за забытым чемоданом. Он был готов отправиться за ним самостоятельно.

В этих чемоданах было все наше имущество, — покачала головой дадима, вспоминая. — Мать так испугалась. Она не хотела, чтобы он возвращался. Темнота, огромный корабль. Не было никакой уверенности в том, что ему удастся отыскать этот чемодан или что он сможет переправить его к нам. Но он поплыл. Ему было всего четырнадцать, но он знал, что отец доверил ему быть главным мужчиной в семье. Мать плакала и молилась все время, пока его не было. Я начала думать, что же будет, если брат не вернется. Ведь мы уже оставили в Карачи бапу, а...

— И что же было потом? — спросила Аша.

— О, ему удалось. Для брата это стало потрясением, но он смог найти последний чемодан. И мы благополучно прибыли в бухту, — говорит дадима, махнув рукой в сторону воды.

— А что стало с твоим отцом?

— Бапу приехал к нам через несколько недель. Мы снова воссоединились после раздела страны. И нам повезло больше, чем многим, — дадима говорила все тише. — Правда, после переезда из Карачи отец изменился. Я думаю, у него болела душа из-за того, что пришлось покинуть город, который он любил, дело всей жизни, которое он построил с таким трудом. Он уже никогда не стал прежним, — уже совсем тихим голосом добавила дадима. Весь остаток пути они прошли молча.

* * *

Этим утром Аша завязывает шнурки в надежде услышать какую-нибудь историю о себе самой. Родители редко говорили о том, в каких условиях она родилась и как ее удочерили в Индии. А тогда, когда они что-нибудь рассказывали, это были одни и те же скудные подробности. Сразу после рождения ее отдали в приют под названием «Шанти». Она жила там до года. К этому времени в Индию приехали родители, усыновили ее и увезли в Калифорнию. Вот и все, что удалось узнать Аше о своем происхождении. Она не уверена, что дадима расскажет больше, но собирается с духом, чтобы спросить у нее об этом.

— Доброе утро, бети, — приветствует Ашу дадима, как только девушка заходит в гостиную. — Сегодня я не буду от тебя отставать, — улыбаясь, произносит пожилая женщина. — Эта противная боль в колене меня больше не беспокоит.

Аша замечает, что бабушка выглядит моложе, когда улыбается. Порой внучка даже забывает о том, что ее собеседница уже отнюдь не молода. Но тут дадима бросает какую-нибудь фразу о том, что они были первой

во всем доме семьей, купившей холодильник, и к Аше возвращается осознание, что этой женщине уже многое пришлось пережить.

— Вот и хорошо. Я тоже готова. Это мне? — Аша поднимает блюдце, которым накрыта чашка горячего чая.

Ей никогда не нравился индийский чай, потому что он казался ей чересчур насыщенным и сладким. Но в фирменном чае дадимы есть что-то особенное. Нотки кардамона и свежих листьев мяты делают его идеальным для начала дня.

* * *

Стоит восхитительное утро. Воздух особенно бодрящий, и с океана на набережную дует легкий бриз.

— Ты впервые увидела Индию в двадцать лет, бети, — говорит дадима. — Что ты о ней думаешь? — Не дожидаясь ответа, она продолжает: — Знаешь, твой отец уехал в Америку, когда был не старше, чем ты сейчас. О! Он был совсем молоденький. Он и представить себе не мог, с какими сложностями ему придется столкнуться.

— Знаю. Он мне частенько рассказывает о том, как усердно учился на медицинском. Ему кажется, что я недостаточно времени трачу на учебу, — отвечает Аша.

— Учиться ему было нетрудно. Он всегда был сообразительным. Самый блестящий ученик в классе, капитан крикетной команды, всегда только лучшие оценки. Нет, мне не приходилось переживать по этому поводу. Я знала, что и в университете у него будет хорошая успеваемость. А вот все остальное... Он никого там не знал. Его мучила тоска по дому. Найти приличную индийскую еду не получалось. Поначалу люди

не понимали его из-за акцента. Профессора просили его по два-три раза повторять ответы. Он терялся. Начал слушать аудиокассеты, чтобы научиться говорить как американец.

— Правда? — Аша пытается представить себе, как отец слушает кассеты и повторяет слова.

— Хан, да. Ему было очень тяжело. Когда он позвонил нам в первый раз, он рассказал о трех главных трудностях, но по мере того, как проходило время, он говорил об этом все меньше и меньше. Я думаю, он просто хотел уберечь нас от переживаний.

— А вы переживали?

— Хан, ну конечно! Это бремя каждой матери, которое она несет всю свою жизнь. Я буду волноваться за своих детей и внуков каждый божий день до самой смерти. Не сомневаюсь в этом. Это часть материнства. И это моя карма.

Аша размышляет над бабушкиными словами и какое-то время хранит молчание.

— Что-то не так, бети? — беспокоится дадима.

— Просто я сейчас подумала о своей матери. О моей, так сказать, биологической матери. Мне всегда было интересно, думает ли она обо мне, волнуется ли.

Дадима берет Ашу за руку и крепко держит, пока они идут дальше.

— Бети, — говорит бабушка, — уверяю тебя, не проходит и дня, чтобы твоя мать о тебе не думала.

Глаза Аши наполняются слезами.

— Дадима, а ты помнишь то время, когда я была совсем ребенком?

— Помню ли я? Ты что же, на самом деле думаешь, что я чокнутая, выжившая из ума старуха? Конечно

помню. У тебя была маленькая родинка на лодыжке и еще одна на переносице. Да, вот эта. Она и сейчас у тебя есть. — Дадима легонько проводит по родинке кончиком пальца. — Ты знаешь, у нас считается, если у тебя есть родинка на лбу, то это значит, что ты рождена, чтобы достичь величия.

Аша смеется.

— Правда? В Америке это означает, что тебе до конца дней придется пользоваться кремом-корректором.

— А еще тебе понравился рисовый пудинг с шафраном. В тот день, когда тебя привезли, у нас был этот пудинг. И потом мы каждые два дня готовили новую порцию специально для тебя, — рассказывает дадима. — Отцу пришлось перестраиваться. Он привык, что все готовится специально для него, а когда появилась ты, то ты стала центром всеобщего внимания, — улыбается дадима. — О да, а как только мы уложили тебя спать, ты сразу свернулась калачиком и проспала так до самого утра.

— Дадима, — тихо произносит Аша, чувствуя, как сильно бьется сердце.

— Да, бети?

— Я... я думала о том, чтобы найти своих настоящих родителей.

Аша замечает едва уловимую перемену в лице пожилой женщины, тень, пробежавшую в ее взгляде.

— Я люблю маму и папу больше всех на свете и не хочу ранить их чувства, но... я думаю об этом уже давно, сколько сама себя помню. Мне просто интересно узнать, кто они. Я хочу разобраться в себе. А то моя жизнь похожа на шкатулку с секретами, и никто не может открыть ее, кроме меня самой, — вздыхает Аша и смотрит на море.

После очередной долгой паузы дадима отвечает:

— Я понимаю, бети.

Океанская волна разбивается о стену.

— Ты говорила об этом с родителями?

Аша отрицательно качает головой.

— Это больной вопрос для мамы. Она не понимает, и... для начала я хотела убедиться, что это вообще возможно. В Индии живет миллиард человек. А что, если они не хотят, чтобы я их находила? Они избавились от меня. Тогда им не нужны были дети, так с какой стати они захотят встречаться со мной сейчас? Может быть, лучше и не искать.

Дадима останавливается, поворачивается к Аше и берет ее лицо в свои морщинистые ладони.

— Если ты чувствуешь, что для тебя это важно, тебе надо их найти. У тебя особенные глаза, и ты сама тоже особенная. Ты видишь то, чего не замечают другие. Это твой дар. Это, бети, твоя карма.

44
ПЛЯЖ ЧОУПАТТИ

Мумбаи, Индия, 2004 год

Аша

— Куда идем?

Напустив на себя беззаботный вид, Аша задает вопрос, который не давал ей покоя с того момента, как Санджай позвонил ей три дня назад. Разглядывая молодого человека с заднего сиденья такси, она заключает, что не переоценила его привлекательность в день свадьбы. Его волосы еще влажные, и Аша улавливает легкий аромат мыла.

— Сюрприз, — отвечает он с улыбкой, спрятав глаза за стеклами солнечных очков. Через несколько минут он что-то говорит водителю и они подъезжают к тротуару.

— О'кей, — говорит Аша после того, как Санджай помогает ей выйти из машины. — Я заинтригована, где это мы?

— На пляже Чоупатти. Обожаю бывать здесь в это время суток, как раз когда заходит солнце. Сейчас ты видишь пляжи и спортивные площадки, но буквально через полчаса везде будут огни и аттракционы. Я понимаю, тут не совсем чисто, но это одно из самых классных

мест в Мумбаи. Ты не можешь уехать из этого города, не побывав на Чоупатти.

Они вместе идут к воде по засыпающемуся в сандалии песку.

— Ну как продвигается твой проект? — спрашивает Санджай.

— Вроде все по плану. На прошлой неделе я взяла первые интервью.

— И? — молодой человек садится на скамейку, оставив ей место рядом.

Аша садится и смотрит на воду.

— В каком-то плане сложновато.

— Почему?

Ветер растрепал Ашины волосы, и она перекидывает их на одну сторону.

— Не знаю. Просто мне это показалось настолько... тягостным, — девушка ни с кем не обсуждала интервью, даже с Миной. — Тяжело видеть всех этих людей в тех условиях, в которых они живут, слушать их истории... от которых у меня появляется ужасное чувство. Чувство вины.

— За что?

— За то, что я живу по-другому. Лучше. Эти дети просто родились в таких условиях, понимаешь? Они не выбирали. Им не на что-то надеяться.

Санджай кивает.

— Да. Но зато тебе будет что рассказать, верно?

— Даже не знаю. Мне показалось, что я задавала не самые подходящие вопросы. Я потеряла самообладание после первых двух интервью. Куда бы я ни посмотрела, чего бы я ни увидела, все казалось мне сплошной трагедией. Сотрудники «Таймс», наверное, сочли, что

я вела себя непрофессионально. Журналисты должны держать себя в руках. А я не смогла.

— Возможно. Но ведь ты не только журналистка, правда?

— Нет, но...

— Ну вот, — не дает договорить Санджай. — Может быть, тебе просто нужно посмотреть на все под другим углом.

Он снимает солнечные очки и заглядывает девушке в глаза. Когда Санджай касается ее щеки, Аша замирает от волнения. Молодой человек наклоняется ближе, Аша закрывает глаза и чувствует, как его губы скользят по ее уху.

— Красиво, — шепчет он ей.

Когда Аша открывает глаза, Санджай уже смотрит на воду и оранжево-красное сияние погружающегося за горизонт солнца.

Красиво? Закат? Ее глаза? Она сама? То, как он произнес это слово, заставляет Ашу поверить, что так оно и есть. Ее мозг готов взорваться от миллиона вопросов, но вопрос Санджая опережает их все.

— Хочешь есть?

Девушка кивает, не в силах выговорить что-либо еще.

Они подходят к одному из лотков с легкими закусками, которые стоят прямо на пляже, с наступлением темноты ожившем прямо на глазах, и Санджай берет две порции бхел пури. Молодые люди перекусывают стоя, наблюдая за преображением Чоупатти. Колесо обозрения включает огни и начинает вращаться. Заклинатель змей привлекает зрителей, играя мелодию на флейте, а возле другого человека танцует обезьянка в костюмчике. Санджай приобнимает спутницу

за плечи, и они идут мимо аттракционов. Возле колеса обозрения парень вопросительно смотрит на Ашу:

— Ну?

— Конечно, почему бы и нет?

Они забираются в шаткую кабинку. Колесо приходит в движение, Аша видит разбросанные повсюду огни, и весь Мумбаи расстилается перед ней.

В самой верхней точке Санджай спрашивает:

— Тебе нравится Мумбаи? Какое у тебя впечатление от первого путешествия сюда? Наверное, для девушки, которая родилась и выросла в Соединенных Штатах, тебе непривычно?

— На самом деле я родилась здесь, — отвечает Аша. Она понимает, что это ничего не меняет, но все же ей хочется рассказать всю историю.

— Правда? — Санджай заинтересован. — В Мумбаи?

— Ну, если честно, этого не знаю. Родители взяли меня из мумбайского приюта. Я не знаю, где я родилась. И не знаю, кто мои... биологические родители, — говорит Аша и ждет реакции.

— А тебе любопытно узнать?

— Да... нет... не знаю...

Она отворачивается от проницательного взгляда молодого человека и смотрит вниз, на детей, катающихся на украшенных пони.

— Когда я была младше, мне было любопытно, потом я пыталась выбросить эти мысли из головы. Думала, это детская мечта, из которой я вырасту. Но теперь, оказавшись здесь, в Индии, я понимаю, что все вернулось снова. У меня столько вопросов! Как выглядит моя мать? Кто мой отец? Почему они отказались от меня? Вспоминают ли они обо мне?

Аша прерывает свою тираду, осознавая, что, возможно, оставит не лучшее впечатление.

— Но все-таки... — она встряхивает головой и переводит взгляд на украшенного ярко-розовыми цветочными гирляндами белого пони.

Санджай накрывает ладонь Аши своей.

— Я не думаю, что это по-детски. Мне кажется, это вполне естественное желание каждого из нас — знать о своем происхождении.

Аша молчит, ей кажется, что она и так сказала слишком много. Как только колесо останавливается, она одновременно расстраивается и радуется, что их разговор завершился сам собой.

— Хочешь, пойдем поужинаем? — спрашивает Санджай. — Тут есть места, где делают великолепную пиццу.

— Пиццу? — смеется Аша. — Ты думаешь, эта американская девица ест только пиццу?

— Ну нет, я просто... — Санджай, по всей видимости, впервые смутился.

— Куда бы ты пошел ужинать с друзьями? — спрашивает Аша. — Отведи меня туда.

— Ну хорошо. — Он останавливает такси на Маринрайв. — Тогда что-нибудь по-настоящему индийское.

45
ОЧЕРЕДНАЯ ЛОЖЬ

Мумбаи, Индия, 2004 год

Кришнан

Кришнан поправляет висящую на плече сумку, поворачивает к раздвижным стеклянным дверям и протискивается через последнюю преграду, отделяющую его от родного города. Он выходит на улицу, закрывает глаза и глубоко вдыхает мумбайский воздух. Все так, как он помнит. За металлическим ограждением он видит Ашу — по-западному одетую девушку, единственную в компании мужчин.

— Папа! — Аша машет отцу с тем же восторгом, как это бывало в детстве, когда она ждала его появления у входной двери.

— Привет, моя радость! — Он бросает сумку, чтобы обнять дочку.

— Здравствуй, дядя, — говорит молодой человек рядом с Ашей.

— Папа, ты помнишь Нимиша? Сына дяди Панкая?

— Да, конечно. Очень рад встрече, — говорит Кришнан, хотя помнит племянника весьма смутно. Тот знаком ему не более чем любой другой человек из толпы. Кришнан благодарен Аше за то, что она приехала

в аэропорт встретить его и он не оказался один на один с Нимишем.

— Как ты долетел?

Аша берет отца под руку, и они идут к машине.

— Нормально. Только долго, — отвечает Кришнан.

За восемь лет, минувшие с его предыдущей поездки в Индию, кресла сделались меньше, а самолеты стали заполняться плотнее. Но предвкушение встречи с Ашей помогло ему перенести все тяготы полета.

* * *

На следующее утро после завтрака Аша предлагает:

— Пап, давай сегодня пообедаем не дома. Я хочу отвести тебя в одно место, где мне очень понравилось.

Кришнан улыбается дочери сквозь поднимающийся от чашки обжигающего чая пар. Такой вкусный чай бывает только в доме матери.

— Как это? Ты тут всего несколько месяцев, а уже стала знатоком моего родного города?

— Ну, может быть, еще не знатоком, но все же с тех пор, как ты был здесь в последний раз, многое изменилось. И я могу показать тебе парочку хороших мест.

Насчет перемен Аша права. По дороге из аэропорта Кришнана поразило, как изменился город. Там, где не было ничего, выросли целые кварталы новых многоквартирных домов, везде мелькали американские бренды: бутылки кока-колы, рестораны «Макдональдс» и рекламные щиты инвестиционного банка «Меррилл Линч». Благотворные последствия обновления были налицо. Впрочем, так же как и недостатки. Выглянув утром с балкона посмотреть на морской берег, Кришнан не смог разглядеть его за плотной дымкой выбрасываемых газов.

— О'кей, вверяю свою судьбу тебе, — усмехается Кришнан.

— Мудрый человек, — говорит его мать, заходя в комнату. — Твоя дочь мыслит не менее, а возможно, даже более здраво, чем ты сам.

Дадима становится позади Аши и кладет руки девушке на плечи. При виде своих матери и дочери, стоящих рядом, у Кришнана перехватывает дыхание.

— Да уж, я знаю, поверь. Как ты думаешь, почему она так и не поступила в медицинский университет?

— О, бета, тебе пора оставить эту идею. У нее уже есть работа. Посмотри, как прекрасно она справляется в газете, — говорит мать.

— Пап, я отведу тебя туда после полудня.

* * *

В выбранном Ашей заведении подают блюда классической южноиндийской уличной кухни: горячие и хрустящие гигантские блинчики масала доса не толще листа бумаги, влажные от пара лепешки идли с пряным самбаром. Это место сродни местным забегаловкам. Сидя на обитом искусственной кожей диванчике, Кришнан отмечает, что они единственные приезжие в этом кафе. Он удивлен и обрадован тем, что дочь чувствует себя здесь непринужденно.

— Это все вкусное, но такое острое, — говорит Аша, показывая на блюдо с самбаром. — Нужно добавить сюда йогурта, — девушка обращается к пробегающему мимо официанту на ломаном хинди.

— Ну как, тебе удалось сходить к деду в больницу?

Кришнан замечает, что в его речи появляются знакомые интонации мумбайского диалекта — смеси хинди, гуджарати и английского.

— Нет еще. Он обычно уходит до того, как мы с дадимой возвращаемся домой с прогулки. Я тебе рассказывала про наши утренние променады? Это так здорово! Она потрясающая женщина, пап. Как жаль, что я до сих пор ее не знала.

В последних словах дочери Киршнан слышит обвинение, хотя он сомневается, что Аша сделала это намеренно.

— Да, она и впрямь выдающаяся. И годы ее не испортили.

За обедом они говорят о тех родственниках, с которыми успела познакомиться Аша, обсуждают грандиозную свадьбу, на которую ей довелось попасть, людей, с которыми она работает в «Индия таймс», и места, в которых она побывала в Мумбаи.

— Мм... Вкусный самбар. Аша, откуда ты узнала про это место?

— Это парень... один приятель, Санджай, водил меня сюда. Он отважился привести меня в заведение, где не обслуживают иностранцев. Он думал, что я не справлюсь, но я справилась при помощи своего секретного оружия, — улыбается Аша и показывает на тарелку с йогуртом.

Кришнан приподнимает бровь.

— Санджай, говоришь? И как же ты с ним познакомилась?

Аша доедает свою порцию.

— На свадьбе, про которую я тебе рассказывала. Кто-то из членов его семьи дружит с кем-то из нашей, точно не знаю, кто.

— Чем занимается этот Санджай?

— Учится на магистра в Лондонской школе экономики, — улыбается и корчит рожицу Аша. — Прости,

пап, я не смогла найти достойного индийского доктора.

— Ну, двое из троих — и так неплохо, — через силу улыбается Кришнан.

— А как там мама? — спрашивает Аша. — Она поехала в отпуск в Сан-Диего?

— Да, ей действительно нужно было ехать. Она волновалась по поводу последней бабушкиной маммограммы и хотела поговорить с лечащими врачами. На неделе вырваться не удалось, потому что в клинике полно работы...

Кришнан забеспокоился, что вдается в чрезмерные объяснения. Они с Сомер договорились, что не будут рассказывать дочери о перерыве в отношениях до ее возвращения домой. В глубине души Кришнан надеется, что к этому времени они помирятся. Жизнь без Сомер оказалась тяжелее, чем он себе представлял. Последние два месяца он провел в работе, вызывался дежурить за коллег и засиживался допоздна в кабинете, чтобы разобраться с документами. Дома без Сомер было невыносимо одиноко.

И теперь, храня верность и ей, и себе Кришнан идет еще на одну ложь.

— Аша, она правда очень хотела приехать.

— Откровенно говоря, пап, я даже рада, что ты приехал один. Я хотела с тобой кое о чем поговорить.

Впервые после приезда Кришнана в поведении Аши появляется нерешительность. Девушка вытирает маленькой бумажной салфеткой руки и губы и делает глубокий вдох. Почувствовав важность момента, Кришнан кладет лепешку на тарелку.

— Дело вот в чем. Пап, ты знаешь, как сильно я люблю тебя и маму. Вы отличные родители. И я знаю,

сколько вы для меня сделали... — Она прерывается, сильно нервничая и судорожно вертя в руках бумажную салфетку.

— Аша, милая, о чем ты? — не выдерживает Кришнан.

Девушка поднимает глаза на отца и выпаливает:

— Я хочу найти своих биологических родителей.

Через некоторое время она продолжает, отчаянно желая высказать долго томившиеся мысли:

— Я хочу узнать, кто они, и посмотреть, удастся ли мне с ними познакомиться. Пап, я в курсе, насколько малы мои шансы. И я понятия не имею, с чего начинать и каким образом их искать, поэтому мне очень нужна твоя помощь.

Кришнан смотрит на дочь, в ее широко раскрытые прекрасные глаза, которые испытующе глядят прямо на него.

— Хорошо, — произносит отец.

— Что именно хорошо? — не понимает Аша.

— Хорошо, я понимаю... твои чувства. Я помогу тебе чем смогу.

Он уже давно понимал, что этот разговор рано или поздно состоится. Кришнан тоже возблагодарил небеса за то, что с ними не было Сомер.

— Как ты думаешь, мама поймет? — спрашивает отца Аша.

— Это может стать для нее тяжелым испытанием, милая, — отвечает Кришнан, — но она тебя любит. Мы оба тебя любим и будем любить, что бы ни произошло. — Он тянется рукой через стол и накрывает своей ладонью руку дочери. — От прошлого невозможно отказаться, Аша. Это часть тебя. Я понимаю.

Девушка кивает, и отец сжимает ее руку в знак того, что они оба осознают, какие последствия может повлечь за собой это решение.

Кришнан приехал в Индию, думая о том, что ему предстоит защитить Ашу от решений, которые приняла ее мать. Теперь он вернется домой, зная, что должен будет уберечь и Сомер от решений дочери.

часть IV

46
ОТЕЦ НЕ МОЖЕТ ЗАБЫТЬ

Мумбаи, Индия, 2005 год

Кавита

Кавита терпеливо стоит в очереди на почте. Когда она подходит к стойке, служащий улыбается ей:

— Здравствуйте, миссис Мерчант. Сегодня, как обычно, денежный перевод в Дахану?

Она приходит сюда каждую неделю в течение последних трех месяцев, но до сих пор не знает, как зовут этого человека. Он объясняет ей, как заполнять бланк, она ему протягивает конверт с наличными. Служащий, конечно, узнал ее имя из квитанции, которую каждый раз отдает ей. Кавита аккуратно складывает эти бумаги дома на полке буфета. Как только сестра сообщает ей, что получила деньги, Кавита ставит на квитанции маленькую отметку.

Четыреста рупий, которые Кавита отправляет каждую неделю, идут на оплату сиделки и лекарств для матери. Они необходимы ей после перенесенного прошлой осенью инсульта. Кавита надеется, что скоро сможет приехать и увидеться с мамой, но женщине дают всего один отпуск в году в конце лета, чтобы он не пересекался с отпусками других служанок. Исключения бывают только в случае смерти близкого члена семьи. Джасу советовал

ей просто попросить у сагиба и мемсагиб отгулы, но она не пошла на это. Они всегда были честными хозяевами и хорошо к ней относились, поэтому Кавита предпочла остаться на работе. И дело было даже не в мизерных деньгах, а в простой уверенности, что у нее есть свой заработок, который не зависит от ненадежного дохода Джасу или незаконного богатства Виджая.

* * *

— Я отправила деньги сегодня во второй половине дня, бена, — говорит Кавита в трубку.

— Спасибо, Кави. Я позвоню тебе, когда они придут, — отвечает ей Рупа.

Дома никто не спрашивает Кавиту, откуда они берут такие деньги — такие суммы не может позволить себе никто из их родственников. По правде говоря, ни Кавита, ни Джасу тоже не отправляли бы эти деньги, если бы не Виджай. Кавита знает, что ее родственники думают, будто их семья процветает в Мумбаи с самого момента отъезда, как хвастался всем Джасу. Теперь же, когда они наконец зажили в достатке, ее заставляет молчать чувство стыда за сына.

— Рупа, как себя чувствует ба?

На другом конце раздается глубокий вздох.

— Ну, врач пришел к ней только вчера и сказал, что мать неплохо держится, насколько это возможно в ее положении. Он не надеется на ее полное выздоровление, бена. Она уже не сможет нормально разговаривать или видеть правым глазом. Но она спокойна, а сиделка очень хорошо за ней ухаживает. И все это благодаря тебе, бена.

Каждый раз, когда Рупа благодарит за присланные деньги, совесть начинает грызть Кавиту изнутри.

Ей стыдно не только за то, откуда у нее берутся эти суммы. Ничуть не меньше ее смущает то, что она не может ничем помочь семье. Кавита понимает, что должна быть в Дахану. Ей совестно, потому, что она проводит большую часть дня не в заботах о собственной матери, а за мытьем посуды сагиба и складыванием сари мем-сагиб. Это чувство вины постоянно сопровождает ее ежедневные хлопоты.

— А как там бапу?

Кавита старается говорить твердо, так как она не хочет, чтобы сестра на другом конце провода почувствовала слабость ее духа и страх.

— Не очень. Последние несколько дней он совсем не узнает внуков и даже меня. Хорошо, что ты не видишь этого, бена. На это тяжело смотреть.

Сестра не добавляет ничего нового к тому, что рассказывает Кавите во время каждого звонка. Состояние их отца медленно ухудшается на протяжении нескольких лет. Но он как древнее дерево чику, которое растет позади родительского дома: несмотря на то что его ветви сановятся все тоньше, а листьев год от года становится меньше, сам ствол стоит гордо и прямо. И все-таки последний вопрос комком застревает у Кавиты в горле:

— Он помнит меня? Как ты думаешь, он узнает меня, когда я приеду?

Рупа долго молчит, прежде чем ответить.

— Я уверена, что узнает, Кави. Разве может отец забыть свою дочь?

* * *

Кавита щупает манго, чтобы проверить, насколько они мягкие, и нюхает кожицу плода.

— Беру полкило вот этих.

Мемсагиб проснулась сегодня утром и запросила свежие манговые пикули, поэтому после обеда Бхайя отправила Кавиту на поиски лучших зеленых манго, какие только удастся найти. Кавита побывала на трех рынках, и сейчас она находится в получасе ходьбы от квартиры мемсагиб, но это не страшно, поскольку к моменту возвращения Кавиты все еще будут отдыхать. Женщина идет быстрым шагом и через некоторое время оказывается возле железных ворот. Она останавливается и опускает к ногам матерчатую сумку с фруктами. Кавита напряженно смотрит через ржавые прутья ворот, даже приподнимается на носочки, чтобы получше разглядеть, что за ними скрывается. Несчастная понимает, что все это, конечно, бесполезно. Даже если Уша выжила, сейчас она уже взрослая женщина, старше Виджая. Ее дочь больше не здесь, не в приюте. *Так чего же я хочу найти тут, почему меня все время тянет к этому месту?*

Может быть, она делает это для того, чтобы оживить боль того самого дня, когда рассталась с дочкой, наказать себя за отказ от своей плоти и крови? Какая жизнь может быть у этой девочки? У нее нет семьи. Ее воспитывали чужие люди. У нее нет дома, куда она всегда могла бы прийти. *А это точно был правильный выбор? Не сделала ли я хуже себе самой, подарив девочке жизнь и ничего больше из того, что мать должна дать своему ребенку?* А может быть, она продолжает приходить сюда просто по привычке, которая, словно навеки оставшийся шрам, все время напоминает о себе, царапает и раздирает изнутри в тщетной надежде на чудесное исцеление?

47
КОГДА-ТО ДАВНО

Мумбаи, Индия, 2005 год

Аша

Аша чувствует, что сердце начинает биться чаще по мере того, как поезд с грохотом подъезжает к перрону вокзала Черчгейт. Приближающаяся махина поднимает в воздух пыль, и стойкая вонь от пропитавшей раскаленную землю мочи усиливается. Смрад стоит невыносимый, но девушка думает только о том, куда повезет ее этот поезд. Она идет по платформе. В поясной сумочке припрятана пачка рупий. В рюкзаке, который она никуда не брала с самого приезда в Индию, сейчас лежат ноутбук, карты города и железнодорожные билеты в первый класс — единственный безопасный способ передвижения по Индии для молодой женщины без сопровождения. На этом настояла дадима.

Перед тем как Аша отправилась в путь, отец сообщил ей все, что помнил: название агентства по усыновлению и как звали представителя, который с ними работал. В агентстве по телефону сказали, что нужно обратиться в приют для сирот. Дадима дала Аше адрес приюта и сказала, что директора зовут Арун Дешпанде. На всякий случай она записала своей рукой его имя

на гуджарати, маратхи и английском в Ашином блокноте на спирали. Дадима предлагала внучке поехать вместе, но Аша хотела сделать все самостоятельно. Девушка устраивается в кресле, достает из кармана серебряный браслет и держит его в руке на протяжении всей поездки. Сойдя с поезда, она направляется к выстроившимся в ряд рикшам и показывает водителю блокнот с адресом приюта. Тот кивает, выплевывает на тротуар пережеванные семена бетелевой пальмы и начинает крутить педали своими до невозможности тонкими, жилистыми ногами.

Приют выглядит совсем не так, как себе представляла Аша, — растянутое в ширину двухэтажное здание с игровыми площадками. Девушка останавливается напротив таблички с надписью на английском:

«Детский дом „ Шанти“

Осн. в 1980 году

С благодарностью семье Тхаккар за щедрость, позволившую нам обрести новый дом»

Тхаккар? Аша уже знала, что в Мумбаи живут тысячи семей по фамилии Тхаккар. Хороший поворот событий. Теперь не придется произносить свою фамилию по буквам. Она нажимает на кнопку звонка у главного входа, в коридоре раздаются шаркающие шаги, после чего из двери выглядывает старушка с очень глубокими морщинами возле губ.

— Мне нужно поговорить с Аруном Дешпанде, — медленно произносит Аша, опасаясь, что пожилая женщина не знает английского. Услышав это имя, старушка открывает дверь и показывает Аше на маленький кабинет в конце коридора. Аша складывает ладони в знак благодарности и нерешительно заходит. По дороге сюда она чувствовала себя уверенно, но сейчас

ноги сделались ватными, а сердце готово выпрыгнуть из груди.

Дверь кабинета открыта, но она все равно решает постучаться. Мужчина с проседью в волосах и двухфокусных очках на носу громко разговаривает по телефону на незнакомом Аше языке. Он делает девушке знак, чтобы она заходила и присаживалась. Аша разгребает кипу бумаг на одном из кресел. На столе она замечает табличку с именем директора, и ее ладони моментально становятся влажными от пота. Ожидая, пока директор освободится, девушка вытаскивает блокнот и карандаш.

Мужчина кладет трубку и устало улыбается.

— Здравствуйте, я Арун Дешпанде, директор «Шанти». Заходите, — говорит он, хотя Аша уже не только зашла, но и устроилась в кресле.

— Благодарю. Меня зовут Аша Тхаккар. Я приехала из США. Я... на самом деле меня удочерили, забрали из этого приюта около двадцати лет назад. — В ожидании ответа девушка поднимает к губам кончик карандаша.

Дешпанде резко выпрямляется за своим столом.

— Тхаккар? Как Сарла Тхаккар? Она ваша родственница?

— Сарла... о да, это моя бабушка. Мать моего отца. Почему вы спрашиваете?

— Мы очень благодарны вашей бабушке. Она пожертвовала деньги на перестройку этого здания, наверное, уже лет двадцать назад. Она очень хотела, чтобы на втором этаже было достаточно классных комнат для наших воспитанников. Теперь каждый день после школы дети продолжают занятия там. Музыка, язык, искусство.

— О, я... не знала. — Аша грызет кончик карандаша.

— Я уже много лет не видел ее. Передайте ей, пожалуйста, мой низкий поклон.

— Да, конечно, — Аша набирает в грудь воздуха. — Мистер Дешпанде, я приехала сюда в надежде, что вы сможете мне помочь. Я... пытаюсь отыскать своих биологических родителей, тех, что отдали меня сюда, в приют, — не дождавшись ответа, она продолжает: — И еще я хотела выразить вам благодарность за все, что вы для меня сделали. Я прекрасно живу в Америке, люблю своих родителей... — Аша делает паузу, подыскивая нужные слова, — и мне не хотелось бы причинять кому-то неудобства. Просто я очень хочу... всегда очень хотела найти своих настоящих родителей.

Господин Дешпанде снимает очки и начинает протирать стекла полой рубашки.

— Дорогая моя, через нас каждый год проходят сотни детей. Только в прошлом месяце у наших дверей оставили больше десятка младенцев. Самых везучих из них усыновляют. Остальные остаются здесь до окончания школы, самое большее — до шестнадцати лет. Мы не можем хранить личные дела каждого ребенка. Более того, мы иногда даже не знаем точного возраста детей, а тогда, хм...

Он тяжело вздыхает и, склонив голову, смотрит на Ашу.

— Ладно, попробую проверить. Итак, Тхаккар. Аша, вы сказали?

Директор поворачивается к древнему компьютеру. В течение нескольких минут он неуклюже стучит по клавиатуре и, прищуриваясь, смотрит на экран, потом обращается к Аше:

— Извините, но такого имени я не нашел. О вас здесь ничего нет. Как я и говорил, наши записи...

Он пожимает плечами и возвращает на нос очки.

Чувствуя себя опустошенной, Аша смотрит на чистую страницу в блокноте. *Обо мне ничего нет.* Девушка сжимает кулаки, впиваясь ногтями в ладони, чтобы не разрыдаться.

— Понимаете, к нам приходили и другие бывшие воспитанники, желавшие, как и вы, найти родителей. Но это всегда было нелегко, даже если они знали имя матери. Иногда женщины не желают, чтобы их находили. Часто детей сюда отдают незамужние девушки, а некоторые даже не хотят говорить, сами они родили ребенка или просто принесли сюда. Разоблачение может иметь очень... плохие последствия для таких матерей.

Сжимая в руке карандаш и изо всех сил стараясь не терять присутствия духа, Аша кивает. *Что мне еще спросить? Что же я запишу на этой странице?*

Внезапно господин Дешпанде подается вперед и пристально смотрит Аше прямо в глаза.

— У вас очень необычные глаза. Я видел такие всего раз в жизни, у одной индианки.

— Когда, вы сказали, вас удочерили?

— В 1984 году. В августе. В самом деле? Что...

— А вы знаете, сколько вам тогда было лет?

Роняя на ходу стопку бумаг, мужчина бросается к стоящей за его креслом картотеке.

— Около года вроде бы.

Аша тоже встает, подходит к директору и заглядывает ему через плечо.

Господин Дешпанде перебирает папки, которые находятся в еще большем беспорядке, чем его письменный стол.

— Я ее помню... Она была из Дхарамсалы или из Дахану, из какой-то деревни на севере. Мне кажется, она прошла всю дорогу пешком. Я помню эти глаза.

Он мотает головой, делает паузу и смотрит на Ашу.

— Послушайте, это займет некоторое время. Мне придется просмотреть все документы за 1983 год, вот это все, видите, и еще немного вон там. Позвонить вам, если я что-нибудь найду?

Ашу трясет как в лихорадке при мысли о том, что нужная ей информация находится где-то рядом, в этом захламленном кабинете. Она не может взять и уйти прямо сейчас.

— Я могу помочь вам с поиском?

— Нет-нет, — усмехается директор, — я ведь даже не знаю, что именно ищу. Но если это находится здесь, я обязательно найду. Обещаю вам. Ради Сарладжи. Гарантирую вам на сто процентов, — качает он головой из стороны в сторону в принятой здесь непонятной манере. Но так уж здесь, в Индии, заведено. Нужно просто верить.

Аша вырывает из блокнота листок, чтобы оставить свой номер телефона, и убирает карандаш за ухо.

— У вас не найдется ручки?

* * *

Через несколько дней Аша снова едет в «Шанти». Подходя к приюту, она с трудом сдерживается, чтобы не побежать. В жутком возбуждении девушка ждет прихода директора. Когда он появляется, Аша тут же подходит к нему.

— Я летела сюда на всех парах. Вы что-то нашли?

Арун Дешпанде усаживается за стол и протягивает ей бумажную папку.

— Я помню ту женщину. Ту, что вас родила. Никогда не забуду ее глаза.

В папке лежит один-единственный листок бумаги. Это частично заполненная анкета.

— Простите, что информации так мало, — говорит директор. — Тогда мы думали, что анонимность будет лучшим решением для всех. Сейчас мы куда тщательнее относимся к данным по причинам, связанным со здоровьем и прочим. О, понятно, почему я не смог найти вас в базе. Смотрите. — Он наклоняется к Аше и показывает на строчку в анкете. — Когда вы сюда поступили, вас звали Уша. Так что наши записи еще на что-то годятся, — улыбаясь, говорит мистер Дешпанде и садится в кресло.

Уша. Ее звали Уша. Настоящее имя, которое дала ей мать. *Уша Мерчант.*

— К тому моменту, когда вы здесь оказались, я работал в должности директора всего месяц. У нас не было мест, и я не должен был принимать детей. Но ваша мать пришла сюда с сестрой, которая убедила меня взять вас. Она сказала, что здесь уже живет ваша двоюродная сестра и было бы неправильно разделять родственников.

— Двоюродная сестра? — Всю жизнь Аша жила без кузин, а здесь, в Индии, у нее на каждом шагу находится очередная.

— Да, дочь вашей тетки. Она сказала, что та девочка вас на год старше, но ее, видимо, принесли сюда еще до моего назначения, и об этом совершенно точно не сохранилось никаких данных.

— Мистер Дешпанде, я хочу найти ее... свою мать, моих родителей. Вы не знаете, как это можно сделать? — спрашивает Аша, стараясь сглотнуть комок в горле.

Директор качает головой.

— Простите за то, что информации так мало. Я удивлен, что мне вообще удалось отыскать хотя бы эту папку.

Мистер Дешпанде помогает Аше остановить авторикшу и объясняет водителю, что он должен отвезти девушку на станцию. В одной руке Аша крепко держит бумажную папку, а другой пожимает руку мистеру Дешпанде.

— Большое вам спасибо. Вы мне очень помогли!

— Удачи, моя девочка. Берегите себя!

* * *

Вернувшись в «Таймс», Аша рассматривает одинокий листок из бумажной папки, хотя уже выучила всю анкету наизусть.

Имя: Уша

Дата рождения: 18.08.1983

Пол: Ж

Мать: Кавита Мерчант

Отец: Джасу Мерчант

Возраст на момент поступления: 3 дня

Подробностей совсем немного, но кое-что они прояснили. Ее родители были женаты, и она знает, как их зовут. Саму Ашу на протяжении первого года жизни звали Уша Мерчант.

Девушка пишет свое имя. Сначала печатными буквами, потом прописными, и наконец, в виде подписи, как под всеми своими статьями. Она разглядывает собственное отражение на темном экране монитора.

Уша Мерчант. Она похожа на Ушу? «Уша Мерчант», — представляется она степлеру на своем столе и протягивает ему руку. Аша откидывается на спинку кресла и смотрит в потолок. Девушка обращается к работающей за соседним столом Мине:

— Я даже не знаю, с чего начать. Как мне найти ее?

— Что ж, ты оказалась в правильном месте. У «Таймс» есть доступ к лучшей во всей Индии базе данных. — Мина наклоняется к Аше и что-то набирает на ее клавиатуре. — У нас куча информации по главным городам страны.

— А если она не в городе? Что, если она живет где-нибудь в деревне? Директор приюта сказал, что, она, видимо, пришла в город откуда-то с севера.

Мина перестает печатать и смотрит на Ашу.

— В самом деле?

— Ну да, а что?

— Это поразительно, что этой женщине вообще удалось сюда добраться, потому что в то время с транспортом все было намного хуже. Похоже, она на многое была готова, лишь бы ты оказалась здесь. — Мина отодвигает стул. — Ну ладно, я покажу тебе, как пользоваться базой. Здесь только большие города, но начни хотя бы с этого. Давай прямо с Мумбаи. Хорошо, что их фамилия не Патель или типа того. Легче всего ее было бы найти через родственника мужского пола или через какую-нибудь собственность. Ну вот, списки жильцов по фамилии Мерчант... да, негусто.

В базе нет ни одной Кавиты, но находится несколько десятков Джасу Мерчантов или Дж. Мерчантов, живущих в Мумбаи. А ведь они еще даже не пробовали искать по другим городам. Аша просматривает длинный список имен и за несколько часов собирает всю возможную информацию. К концу дня поиск сужается до трех адресов, каждый из которых, впрочем, может привести в никуда. И все же Аша полна надежды. Она направляется к лифту с прижатым к груди блокнотом.

— Пожелай мне удачи, — говорит она Мине через плечо. — Кто знает, что я найду.

48
«РЕВОЛЮЦИЯ»

Пало-Альто, Калифорния, 2005 год

Сомер

— Представьте себе, что вы сильное, величественное дерево. Глубоко дышите животом.

Женевьева — инструктор по йоге — лавирует между десятками подопечных, и ее успокаивающий голос звучит то из одного угла зала, то из другого. Сомер стоит идеально: руки вытянуты над головой, ладони прижаты друг к другу. Стопа одной ноги плотно прижата к колену другой, а сосредоточенный взгляд направлен на маленькое белое пятнышко на кирпичной стене напротив. Врикшасана — поза дерева — не давалась ей с самого начала, когда она пару месяцев назад только пришла на йогу вместе с Лизой. Сомер всегда начинала шататься на одной ноге и падала, в то время как остальные спокойно стояли дальше. Однажды после занятия Женевьева сказала Сомер, что секрет упражнения заключается в том, чтобы успокоить мысли и сконцентрироваться на настоящем моменте. В едва заметном изменении точки сосредоточенности, в этом крошечном сдвиге сознания заключалась колоссальная

разница. Вместо того чтобы пытаться сохранить равновесие, Сомер нашла точку на противоположной стене и направила взгляд на нее. Поток энергии сразу же выровнялся, и она перестала падать. Сегодня Сомер стоит во врикшасане идеально неподвижно вместе с остальными до тех пор, пока спокойный голос Женевьевы не призывает всех перейти к следующей позе.

Сомер ходит в студию йоги с амбициозным названием «Революция» два или три раза в неделю. Просыпаясь после первых занятий с болью во всех мышцах, женщина понимает, сколько воды утекло с тех пор, как она последний раз заставляла свое тело работать. Раньше она бегала, пока не начинало колоть в легких, или плавала до появления приятной усталости в мышцах, так бывало во время каждой ее короткой беременности. Когда двадцать с лишним лет назад тело перестало работать, как полагается, Сомер перестала считать его чем-то важным для себя. Если у нее начинала болеть спина или возникала аллергия, она только злилась на свой стареющий организм, который в очередной раз подвел ее. Каждая новая поза в йоге была для Сомер вызовом не только потому, что у нее отсутствовала растяжка или привычка к скручиванию, но еще и потому, что женщине приходилось изучать собственное тело заново, узнавать, какие мышцы оказывались самыми неподатливыми, какие суставы меньше всего гнулись. Ей приходилось быть осторожной, чтобы сначала понять границы своих возможностей, а уже потом начинать работать над тем, чтобы эти границы расширить. Со временем у Сомер начало меняться привычное отношение к телу, которое предало ее много лет назад.

Все изменилось в тот день, когда Женевьева обратила внимание группы на дыхание.

— Вы задерживаете дыхание? — спросила она учеников. — Если вы задерживаете дыхание после вдоха, спросите себя, почему вы боитесь выдохнуть? А если задерживаете после выдоха, то что мешает вам снова вдохнуть?

Сомер осознала, что она задерживает дыхание как на вдохе, так и на выдохе. А значит, не раз обвинявший ее Кришнан был прав: ею управлял страх.

Через три месяца независимой жизни Сомер обнаружила несколько способов борьбы с одиночеством. По четвергам она занимается итальянским с Джорджио, голос которого куда более сексуален, чем его тело старого седого сицилийца с выглядывающей из ворота рубашки растительностью на груди. Сомер начала изучать язык, готовясь к поездке в Тоскану. В рабочие дни, когда она была занята в клинике, а улицы Пало-Альто кишели студентами, новый уклад жизни кажется Сомер вполне сносным.

В выходные куда сложнее. Время едва ползет, и ей подолгу не с кем перекинуться словечком. Обычно Сомер планирует на вечер ужин или прогулку с Лизой, которая в совершенстве освоила стиль жизни немолодой одинокой женщины. И все-таки именно по выходным Сомер больше всего скучает по прежней жизни с Крисом. Ей безумно не хватает ленивого утра, когда они подольше оставались в кровати, читая газету. Когда день сменяется вечером, она мечтает о том, чтобы пройтись под руку с мужем до ближайшего тайского ресторанчика и съесть по миске густого карри с кокосовым молоком. Лежа в кровати, Сомер скучает по ощущению тяжести от руки Криса на своем теле. Глядя на студентов в городке, она пытается вспомнить то чувство беззаботности, которое они с Крисом испытывали во времена

учебы. Она наслаждается воспоминаниями о тех днях, когда в их жизни только появилась Аша — маленький бутончик, раскрывавший перед родителями свои лепестки. Они смеялись над каждым ее словом и действием. Женщина вспоминает поход в зоопарк, когда они застряли у клеток с обезьянами, потому что дочка не давала им уйти, пока они оба не продемонстрировали, как животные кричат и двигаются. Вспоминает их отпуск в Сан-Диего, когда шестилетняя Аша закопала Криса в песок по самую шею и он заснул прямо на пляже.

Только со временем Сомер смогла понять, как много времени посвятила Крису и Аше. И хотя за все эти годы она многим пожертвовала ради них и порой сожалела о загубленной карьере, без мужа и дочери в ее жизни все равно не было бы ни смысла, ни полноты. Даже теперь больше всего Сомер ждет утра воскресенья, чтобы прийти домой и в назначенное время вместе с Крисом позвонить Аше. Крис разговаривает с дочерью намного дольше, но сейчас Сомер не придает этому такого значения, как раньше. Нередко у нее выступают слезы на глазах, когда она слышит голос находящейся за тысячи миль Аши. Сомер понимает, что они с Крисом только притворяются, изображая перед дочерью счастливую семейную пару. Но те тридцать минут разговора и чашка кофе на кухне с Крисом ничуть не кажутся ей притворством.

Сомер не успевает оглянуться, как наступает время шавасаны — расслабляющей позы, выполняемой в последние десять минут занятия. Поначалу женщина приходила от этой асаны в ужас. Лежать в зале без дела, наедине со своими беспокойными мыслями, вихрем проносящимися в голове! Она думала о том, что Аши

нет рядом, о ее гневе, о собственном противостоянии с Кришнаном, об упущенных карьерных возможностях, о неустроенности в будущем. Шавасана — поза мертвеца — подразумевала полное расслабление ума и тела и была врагом Сомер, единственным моментом, когда ей приходилось оставаться наедине со своими страхами и темными мыслями. Как только они появлялись, от них было уже не отделаться. Когда Сомер оставалась одна, они заполняли собой все ее время. Душа болела от одиночества, а в квартире поселилась тишина.

Однажды воскресным утром Сомер лежала в постели, считая оставшиеся до звонка дочери часы. И вдруг ей пришло в голову, что все ее попытки защитить дочь привели к абсолютно противоположному результату. Страх не давал ей отпустить Ашу. Вцепившись в девочку мертвой хваткой, она добилась прямо противоположного — оттолкнула ее от себя. Как с позой дерева: Сомер теряла равновесие из-за чрезмерных усилий.

Как-то утром перед работой Сомер стояла под душем до тех пор, пока не пошла холодная вода. Сначала она спохватилась, что израсходовала всю горячую воду, но вспомнила, что после нее мыться уже некому, а потому воду экономить незачем. Именно тогда Сомер допустила мысль о том, что в какой-то момент перестала выстраивать отношения с супругом. Она всегда ждала, что Крис будет приспосабливаться к культурным традициям ее страны, как это и было поначалу. Так было, когда они взяли ребенка из Индии, когда муж скучал по дому, даже когда просил ее поехать с ним. Сомер казалось, что она и так много сделала для своей семьи. Мать всегда говорила ей, что секрет счастливого брака заключается в том, чтобы каждый из супругов отдавал

столько сил, сколько может. И еще немножко. Где-то в этом «немножко», в том маленьком отличии, в великодушии без сведения счетов, и заключалась разница между счастливыми и не очень счастливыми браками. Каждый раз, когда Сундари задавала очередной вопрос об Индии, а у Сомер не находилось на него ответа, потому что это никогда не приходило ей в голову, женщина невольно осознавала, что ее жизнь могла бы сложиться иначе. Все, что она отталкивала от себя, можно было принять. Небольшой сдвиг в сознании, едва заметное изменение точки сосредоточенности, и разница могла стать колоссальной.

Расслабив тело в позе шавасаны и позволив пальцам немного согнуться, Сомер думает об Ашне и Кришнане, которые находятся сейчас на другом конце света. Впервые двух самых важных людей в ее жизни от Сомер отделяет океан. Когда один за другим они объявили о своем отъезде в Индию, она подумала, что это необдуманные решения, принятые ей назло. Но теперь Сомер ясно, что эти решения зрели долгие годы. А вот ее поступками руководили злость и страх. Это она ушла из семьи, не подумав о последствиях своего решения. Точно так же, как она вышла замуж за мужчину другой культуры, совершенно не осознавая, что это значило для него. Так же как она взяла ребенка из Индии, не обдумав как следует, что будет делать, если с ним возникнут какие-то сложности. В своем вечном стремлении преодолеть очередной жизненный этап она не желала даже просто задуматься о будущем.

49
ЕДИНСТВЕННОЕ БЕЗОПАСНОЕ МЕСТО

Мумбаи, Индия, 2005 год

Аша

Первые два адреса, связанные с Дж. Мерчантами, ничего не дают. Но для того чтобы это выяснить, Аше приходится приложить немало усилий. По дороге в третий дом из списка девушка жалеет, что с ней нет Парага, который мог бы помочь ей с переводом. Идея найти родителей в городе с населением в двенадцать миллионов человек начинает казаться дурацкой. При условии, что они вообще могут быть не в Мумбаи. Что, если они живут в одной из тех деревень, которые упоминал Дешпанде? Как она доберется туда? Как будет общаться? Когда водитель останавливается напротив обшарпанного здания, Аша сразу передумывает выходить из машины. Но водитель, употребляя много непонятных слов и энергично жестикулируя, заверяет ее, что это именно то здание, которое она искала. На первом этаже нет списка жителей дома, так что Аша сразу начинает подниматься по зловонной лестнице. Девушка закрывает нос и рот рукой. По углам деловито снуют тараканы, а на первом же лестничном пролете ей приходится

аккуратно обходить спящего на подстилке мужчину. Она отводит глаза, стараясь не смотреть на него, но ей все равно не удается избежать накатившей тошноты. Две одинаково неприятные мысли вертятся в голове. Первая — ее родители могут жить в таком месте, а вторая — если они здесь не живут, она не знает, как еще может найти их.

На втором этаже двери большинства квартир открыты. Маленькие дети беспрепятственно бегают друг за другом из одной квартиры в другую. В одной из квартир Аша видит, как женщина, пригнувшись, подметает пол.

— Извините, вы не знаете, где живет семья Мерчант? Кавита Мерчант? — спрашивает Аша.

Женщина качает головой, подхватывает ползающего по полу ребенка и делает Аше знак, чтобы девушка шла за ней. Они пересекают лестничную площадку и без стука заходят в квартиру напротив. Там молодая женщина вытряхивает на балконе коврик. Квартирка ужасающе мала: судя по всему, в ней есть всего одна комната, которая весьма скудно обставлена. Краска на стенах облупилась, а с потолка свисает лампочка без абажура. Из тесной кухоньки доносится запах вареного лука и специй. Женщины переговариваются, с любопытством рассматривая Ашу. Они ненамного старше ее. И если бы не языковой барьер, их заговорщический тон напомнил бы Аше разговоры с подружками дома, в университетском городке. Однако эти женщины живут здесь с мужьями и детьми, а вовсе не с соседками по комнате. Их жизнь проходит в работе по дому, а не за учебниками. У Аши начинается приступ клаустрофобии при мысли о том, что можно жить в такой крошечной квартирке.

— Кавита бен? Вам нужна Кавита бен? — спрашивает у Аши вторая женщина на ломаном английском.

— Да, Кавита Мерчант, — подтверждает Аша.

— Кавита бен не жить здесь больше. Переезжать на Винсент-роуд. Вы знаете Винсент-роуд?

* * *

Аша сбегает вниз, прочь из этого здания. *Хоть кому-то известно, где живет моя мать.* По крайней мере, теперь она знает, что напала на верный след. Первый водитель такси, которое останавливает Аша, не знает, как проехать до Винсент-роуд. Второй знает, но не проявляет особого желания ехать туда в это время суток. Аша достает из кармана деньги, но и это, похоже, не помогает. *Черт!* Уже так близко. Девушка намерена оказаться на Винсент-роуд, даже если ради этого ей придется угнать машину таксиста и приехать туда самостоятельно. Она выгребает из поясной сумочки все деньги и размахивает ими перед носом водителя. Тот едва заметно кивает и открывает дверь изнутри. Следующие полчаса Аша трясется на заднем сиденье четвертого за сегодняшний день такси. Открытия, сделанные за последние двадцать четыре часа, вихрем кружатся у девушки в голове. Ее назвали Уша. Цвет глаз достался ей от матери. У нее есть двоюродная сестра. Ее родители живут на Винсент-роуд здесь, в Мумбаи. Сердце бьется так быстро, что кажется, вот-вот выскочит из груди.

Винсент-роуд оказывается короткой улицей, длиной всего в пару кварталов. Три достаточно высоких здания похожи на жилые. Девушка расплачивается с водителем, отдав ему обещанное, и у нее мелькает мысль, что она осталась совсем без денег на обратную

дорогу. Среди жильцов первого дома никаких Мерчантов не значится. Аша заходит во второе и видит в фойе сидящего за столом мужчину в форме.

— Вы не подскажете, здесь ли живет Кавита Мерчант?

Человек в форме качает головой.

— Консьерж, что здесь работает, ушел на перерыв. Я на замене. Приходите позже.

Аша замечает на столе перед дежурным папку.

— Вы не могли бы проверить? Кавита Мерчант.

Мужчина, весь вид которого говорит о том, что он и сам не прочь отправиться на перерыв, со щелчком открывает папку и ведет пальцем вниз по списку фамилий.

— Мерчант... Да. Виджай Мерчант. 602.

Виджай?

— А Кавиты нет? Кавиты Мерчант? Или Джасу Мерчанта? — не отстает Аша, одновременно поглядывая вокруг, не видно ли где-нибудь поблизости второго консьержа.

— Най, единственный Мерчант, который здесь есть, это Виджай. Виджай Мерчант.

Аша чувствует, как ее сердце уходит в пятки. *Как же так?* На Винсент-роуд остается всего один дом. Она разворачивается, чтобы уйти.

— А, вот и он, — говорит работник, обращаясь ко второму одетому в такую же форму мужчине, который, по всей видимости, и является консьержем в этом доме. — Девушка ищет Кавиту Мерчант. В списке Кавиты нет. Я назвал ей единственного Мерчанта, который тут есть. Виджая Мерчанта.

— Хех! Бестолковый идиот. Ты что, ничего не знаешь? — говорит консьерж, потом бормочет что-то непонятное, из чего Аша понимает лишь имена Кавита

и Виджай. Мужчина поворачивается к девушке и поясняет:

— Этот человек неправильно вам сказал. Да, Кавита Мерчант живет здесь. Просто квартира на имя Виджая. Вот он и перепутал.

— Виджая?

— Да. Виджая. Ее сына.

Что?

— Нет, это не она. Она... у нее нет детей. Не думаю, что у нее могли бы быть дети. Кавита Мерчант, — снова повторяет она и смотрит в блокнот, чтобы удостовериться. — М, Е, Р, Ч, А, Н, Т. Ее мужа зовут Джасу Мерчант.

— Ханджи, мадам, — отвечает консьерж, смотрит Аше в глаза и продолжает с полной уверенностью: — Кавита и Джасу Мерчанты. И их сын Виджай. Квартира 602.

Их сын. Фраза эхом отдается в ушах девушки, и она пытается понять смысл сказанного.

— Сын?

— Да. Ну вот, вы его знаете! — Консьерж решает, что Аша вспомнила Виджая. — Он примерно вашего возраста. Девятнадцати-двадцати лет.

Моего возраста?

— Вы... уверены?

Слова и цифры в сознании Аши наводят столько шума, словно бьющиеся друг о друга бильярдные шары. Внезапно факты выстраиваются в логическую цепочку, в которой ошибки быть не может. Все наконец обретает смысл, но тут же снова его теряет. У ее родителей есть ребенок, другой ребенок, которого они оставили. Во рту становится кисло. Они оставили его. Сына. *Они выбрали его, а не меня.*

Где-то вдалеке Аша слышит голос консьержа, но до нее долетают лишь обрывки фраз. «Кавита... на время уехала... к себе в деревню... вернется через несколько недель».

Земля уходит у девушки из-под ног. Она спотыкается, но каким-то образом нащупывает ступеньку и садится на нее. Ее отдали не потому, что мать была не замужем, и не потому, что родители не хотели иметь детей. Нельзя было подумать, будто они не могли себе позволить иметь ребенка. *Все дело было во мне. Они не хотели, чтобы у них была я.*

Краем глаза Аша видит, что оба мужчины в форме уставились на нее, но она ничего не может поделать с собой, просто сидит и плачет.

— Простите... у меня сегодня был тяжелый день. Я не привыкла к жаре, — пытается объяснить Аша. — Сейчас все пройдет. Не беспокойтесь.

Слова слетают с ее губ, и Аша понимает, насколько глупыми они, должно быть, кажутся этим незнакомцам. Они не станут беспокоиться, как дадима, которая, наверное, уже ждет ее дома с чашкой чая. Или как отец, позвонивший пожелать ей удачи перед тем, как она отправилась в приют. Или даже как мать, которая толкла свои горькие противомалярийные таблетки и сыпала их в фруктовые смузи, чтобы они попали в Ашин организм до отъезда в Индию.

Девушка держится за голову и беспомощно рыдает на глазах у двоих мужчин, знающих о ней не больше, чем знают Кавита и Джасу, которые могли в любой момент зайти в этот холл. От этой мысли у нее сжимается желудок. Только представив себе еще большее унижение, Аша впадает в панику. *Надо убираться отсюда.* Громко хлюпая носом, она встает и быстро хватает

сумку. Дыхание перехватывает, и все, о чем Аша может думать в этот момент, — что надо поскорее выйти на улицу.

— Мне надо идти, — говорит она и поворачивается к двери.

— Как вас зовут? — кричит ей вслед один из консьержей, когда девушка уже выбегает из здания. — Я передам ей, что вы приходили.

Воздух на улице густой от смога, но все равно Аше здесь лучше, чем в том здании под тяжестью обрушившихся на нее открытий. Ей нужно оказаться подальше отсюда. К ней подруливает рикша.

— Нужно ехать, мадам? — Улыбка обнажает кривые желтые зубы.

Аша забирается на заднее сиденье и говорит:

— На Черчгейт, скорее! — Она машинально переняла привычку Прии говорить водителям, чтобы они ехали быстро, вовсе не имея этого в виду.

Рикша начинает крутить педали и уточняет:

— Куда поедете, мадам?

В эту секунду Аша вспоминает, что отдала все деньги водителю такси и больше у нее не осталось ни рупии. В отчаянии она обыскивает рюкзак, расстегивая и обшаривая карманы. Нащупав что-то непонятное на дне, она достает какой-то пакет. Упаковка шоколадок. Квадратные шоколадки «Гирарделли» с мятой. Ее любимые. *Мамочка.* Должно быть, она сунула их ей в рюкзак в аэропорту, как когда-то засовывала шоколадный квадратик в ее школьную обеденную сумку. Аша громко всхлипывает, и водитель оборачивается. Она машет ему, чтобы он отвернулся, и продолжает выворачивать рюкзак наизнанку. Никто не рассказывал ей, что будет, если она не сможет заплатить рикше.

Под ноутбуком обнаруживается потрепанный конверт, тот самый, что дал ей в аэропорту отец. Сквозь слезы прорывается смешок. Неожиданный подарок отца поможет ей добраться до дома. Аша открывает конверт и считает рупии.

Тронув водителя за плечо, она показывает ему деньги и спрашивает:

— Куда можно на них доехать?

Тот сплевывает и отвечает:

— До Брич Кэнди.

Когда Рикша останавливается, Аша выходит прямо в толпу людей, которые как будто бы куда-то карабкаются. Посмотрев вверх, Аша видит огромное, украшенное резными орнаментами здание. К зданию ведет длинная лестница.

— Простите, — обращается она к одному из поднимающихся вверх по лестнице прохожих, — что это за место?

— Храм Махалакшми.

Аша щурится и снова глядит вверх на здание. В голове звучат слова дадимы. *Это помогает прожить день в большем спокойствии.* Девушка медленно поднимается по ступенькам. Вдоль широкого прохода расположились маленькие магазинчики, торгующие яркими цветами, коробками конфет, небольшими фигурками индийских богов и прочими сувенирами. Пока Аша преодолевает длинную лестницу, на землю падают первые капли постепенно усиливающегося дождя. Девушке приходится идти быстрее. Когда Аша достигает вершины холма, перед ней открывается захватывающий дух вид на Аравийское море. У порога храма она скидывает сандалии и оставляет их вместе с сотнями пар чужой обуви. Когда она оказывается внутри, босые

ноги сразу же ощущают прохладу пола. Сначала ей кажется, что внутри очень тихо по сравнению с шумной суетой улицы, но как только Аша привыкает к новой обстановке, она различает негромкое пение в храме и звук разбивающихся о камни волн на побережье.

Главное место в храме занимают три золотые статуи индуистских богинь. Каждая фигура находится в нише, которая завалена всевозможными ювелирными украшениями, цветами и подношениями в виде кокосовых орехов и фруктов. Гирлянды из желтых, белых и оранжевых цветов идут от центра потолка и обвивают столбы. Аша опускается на колени посреди храма и оглядывается на окружающих, чтобы удостовериться, что все делает правильно. Напротив статуи богини, которая стоит в центре храма, священнослужитель с бритой головой в белом одеянии воздает молитву за молодоженов. На шее каждого из новобрачных тоже висят цветочные гирлянды. В углу хором поют несколько полнотелых пожилых женщин в сари. Рядом с Ашей сидит молодой человек примерно ее возраста. Он закрыл глаза и раскачивается в молитве взад-вперед.

Примерно ее возраста. У нее есть брат. Виджай. Брат, о котором она ничего не знает, а он, конечно же, ничего не знает о ней. Он может находиться в этом городе где угодно. Даже прямо здесь.

Аша улавливает запах благовоний. Она закрывает глаза и делает глубокий вдох. Все эти годы она мечтала найти настоящих родителей, представляла себе момент встречи с ними, чтобы наконец заполнить все пробелы. Ей всегда казалось, что и они должны мечтать о встрече с ней. Аша чувствует, как пылает лицо, стоит ей только подумать о том, какой наивной дурочкой она была. Слезы снова катятся из глаз. Ее родители вовсе

не ждали встречи с дочерью. И не скучали по ней. Они просто выбросили ее из своей жизни.

В эту секунду умирают мечты, которые Аша носила в сердце и хранила в шкатулке из белого мрамора. Они растворяются в воздухе, как дымок от тлеющих перед ней благовоний. Ответы на вопросы получены, тайна ее происхождения развеяна. Ей больше нечего искать. Не стоит встречаться с родителями ради того, чтобы ее снова оттолкнули и сказали прямо в лицо, что она не нужна.

Звуки пения и молитв в храме полностью завладевают сознанием Аши и вытесняют злобные голоса, звучащие у нее в голове. Серебряный браслет легко соскальзывает с запястья. Аша вертит его в пальцах. От легкого нажатия мягкий металл податливо гнется. Браслет не без изъянов: кривой и потемневший от времени. Видимо, это все, что ей суждено получить от матери. Девушка зажимает его в руках и закрывает глаза. Потом она прижимается лбом к полу и рыдает.

50
ВЕЛИКАЯ СИЛА ЛЮБВИ

Мумбаи, Индия, 2005 год

Кавита

Кавита меняет положение, только когда затекает левая нога. Она глубоко ушла в свои мысли, повторяя знакомые с детства мантры и вспоминая мать. В этом храме, где нет окон, время будто бы замерло. Ритмичные мантры пандита уносят Кавиту, словно по волнам, далеко в прошлое. Пандит совершает Лакшми пуджу для молодой пары, возможно, молодоженов. Обычно Кавита молится Лакшми, богине процветания, но сегодня она сидит перед богиней Кали, которая вместе с богиней Дургой воплощает дух материнства. Перед ними Кавита ощущает себя в безопасности. Знакомый аромат тлеющих благовоний и тихий звон колокольчика уносят ее далеко от этого мира и его забот.

Люди в храме приходят и уходят: молодые и старые, женщины и мужчины, местные и туристы. Одни медленно проходят по периметру, будто в музее. Другие поспешно делают подношение в виде кокосового ореха или связки бананов по дороге на собеседование или перед походом в больницу. Группа богатых толстушек в углу собирается здесь каждое утро, чтобы попеть

и продемонстрировать всем свое благочестие. А есть те, кто, как Кавита, просто сидят, иногда часами. Теперь ей известно, что это скорбящие. Такие же, как и она, эти люди столь сильно, глубоко и всеобъемлюще переживают свою утрату, что горе вот-вот окончательно поглотит их.

Кавита садится на колени и наклоняется вперед, чтобы, как всегда, последнюю молитву вознести за детей. И хотя сегодня она скорбит как дочь, ее материнские заботы никогда не отступают. Она молится за безопасность и искупление Виджая. Она молится за Ушу, где бы она ни находилась, по-прежнему представляя ее себе маленькой девочкой с двумя косичками. За эти годы ей так и не удалось придумать, как может выглядеть ее дочь, будучи взрослой. Поэтому она сохранила в сердце этот замерший во времени детский образ. Женщина целует сложенные вместе кончики указательных пальцев и единственный серебряный браслет на запястье. Затем она неохотно встает, разминая затекшие ноги. Ей не хочется уходить, но нужно успеть на поезд. Снаружи идет дождь. Промокшая насквозь под ровными потоками воды, Кавита спускается вниз по знакомым ступеням храма Махалакшми и сворачивает за угол, направляясь к центральному вокзалу Бомбея.

* * *

Кавита стоит на платформе, а мимо бегут пассажиры того же поезда. Ее никто не встречает. Рупа должа была прийти, но, должно быть, замоталась с приготовлениями. Кавита набирает полные легкие воздуха, пропитанного знакомым запахом земли, садится на сумку и ждет. Рассыпанные вдоль горизонта поля кажутся ей зеленее, чем она помнит, или, возможно, она просто

привыкла к серому однообразию Мумбая. С тех пор как Кавита была здесь три года назад, произошли и другие перемены. Грунтовые дороги замостили, а у станции появилась телефонная будка. Неподалеку припарковано несколько современных автомобилей, совсем как в Мумбае. При виде всего этого на душе у Кавиты становится неспокойно. Дом всегда казался ей местом, неподвластным переменам.

— Бена! — слышит Кавита знакомый голос, встает с сумки и оказывается в объятиях Рупы. Кавита замечает, что старшая сестра тоже изменилась с годами. Ее волосы выглядят скорее седыми, чем черными.

— О, Кави, слава богам, ты приехала, — Рупа крепко сжимает плечи Кавиты, и они стоят, раскачиваясь в объятиях друг друга. — Идем, — говорит Рупа, опуская руки, — чалло, все уже ждут.

* * *

Кавита проводит пальцем по краю высокого металлического стакана. Как странно, что в родном доме ей приносят чай и обращаются с ней как с гостьей. Но заметив, что в самом доме мало что изменилось, она снова обретает уверенность. Стены стали желтее, на полу появилось больше трещин, но в остальном родительский дом выглядит таким же, как раньше. *Как же выглядит бапу?*

— Не требуй слишком многого, Кави. Он сильно сдал. Все это тяжело отозвалось на нем, — предупреждает Рупа, отпивая чай. — Вчера ночью он проснулся и начал звать ба. Я долго не могла его успокоить.

Сестра вздыхает, ставит чашку на стол и начинает наматывать кончик сари на палец — знак того, что она нервничает, который Кавита помнит с детства.

— Он не понимает, что ему нужно в туалет, но замечает, что впервые за пятьдесят лет жены нет рядом с ним в постели. — Рупа качает головой. — Уж не знаю, как это объяснить, но вот она, великая сила любви.

В комнату входит сиделка и кивком головы дает понять Рупе, что закончила купать и переодевать отца и сестры могут увидеться с ним.

— Она просто чудо, Кави, — тихо говорит Рупа. — Так терпелива с бапу, даже когда он капризничает. И ба ее любила...

Голос Рупы изменяет ей, и Кавита чувствует, что ее собственное лицо тоже страдальчески искажается. Они крепко обнимаются как в детстве.

— Мы должны держаться ради бапу, — говорит Рупа, вытирая скрученным кончиком сари слезы с глаз сестры, а потом и свои собственные. — Пойдем, бена, — она крепко берет Кавиту за руку, и они заходят в спальню.

Первое, что замечает Кавита, увидев сидящего на кровати с вытянутыми ногами отца, — это его осунувшееся лицо. Из-за впалых щек и выпирающего подбородка черты его стали тоньше, чем отложились в памяти. Она бросается к старику, падает у кровати на колени и касается головой его ног, скрытых под простыней. Кавите становится не по себе от того, как они худы. В следующий миг она чувствует знакомое прикосновение руки к своей голове.

— Дитя мое, — произносит отец скрипучим голосом.

— Бапу, — Кавита смотрит на него с надеждой. — Ты узнаешь меня? — спрашивает она и садится на кровать рядом со стариком, нежно взяв его слабые руки в свои.

— Конечно узнаю, дхикри.

Кавита замечает на глазах отца молочно-серую пелену глаукомы, из-за которой он не видит ничего, кроме расплывчатых теней.

— Рупа, бети, куда ушла твоя ба? Скажи ей, пожалуйста, что я хочу ее видеть, — говорит он, глядя прямо на Кавиту. На секунду она отстраняется, не в состоянии принять сразу оба печальных открытия. Отец не только не узнает ее, но также до сих пор не понимает, что матери уже нет в живых. Кавита не знает, как реагировать, и на помощь приходит Рупа, которая садится на другую сторону кровати.

— Бапу, это Кавита. Она сегодня приехала прямо из Мумбаи! — с наигранной оживленностью говорит она.

— Кавита, — повторяет отец и поворачивается к Рупе, ориентируясь по голосу. — Кавита, как ты, бети? — он подносит руку к щеке Рупы. — А ты знаешь, где твоя мать?

Рупа нежно, как ребенку, объясняет ему:

— Бапу, мы говорили с тобой об этом. Ба больше нет. Она долго болела и умерла. В субботу будут похороны.

Кавита видит, как исхудавшее лицо отца на миг озаряется пониманием и в ничего не видящих глазах мелькает страдание. Старик откидывается на тощую подушку и закрывает глаза.

— Ай, Рам, — тихо произносит он молитву. Кавита тоже крепко зажмуривается, и стоявшие в глазах слезы скатываются по щекам. Она прижимает руку отца к своему лицу и целует ее.

* * *

— Не принимай на свой счет, Кави. Меня он тоже иногда не узнает, хотя я каждый день здесь, — утешает Рупа сестру, ополаскивая тхали и подавая его Кавите.

Эти сказанные без злого умысла слова наносят Кавите новую рану, потому что напоминают о том, что она покинула свою семью.

— Акча, я понимаю, все в порядке, — покорно отвечает Кавита, обтирая тряпкой тхали.

— Смерть ба ухудшила его состояние. Как будто вместе с ней исчезло хотя бы слабое желание жить дальше. Я беспокоюсь, как он перенесет похороны. Хорошо, что ты здесь. Ты всем нам придала сил, — Рупа приобнимает сестру и стискивает ее плечо мокрой рукой.

Способность сестры так здраво смотреть на вещи, заботиться обо всех, поддерживать порядок в доме и готовить все к церемонии погребения удивляют Кавиту. Ее собственные чувства сводятся к одному — глубочайшему отчаянию из-за потери родителей: смерти матери и ухода отца в какой-то другой мир. Женщине кажется, что разрушаются основы ее семьи. Кавита оглядывается вокруг, и ей почти не верится, что стены этого дома до сих пор стоят. Без родителей она перестает понимать, кто она в этом мире. Несмотря на то что Кавита покинула Дахану пятнадцать лет назад, в доме отца и матери она никогда не переставала чувствовать себя маленькой девочкой. Она укоряет себя за детское поведение и самовлюбленность по сравнению с тем, какой сильной кажется сестра.

— Когда приедут Джасу и Виджай? — спрашивает Рупа.

— Послезавтра. — Кавита берет у Рупы следующее тхали и не говорит, что Джасу, скорее всего, будет один.

51
ИНДИЯ-МАТЬ

Мумбаи, Индия, 2005 год

Аша

Аша сидит за столом в редакции «Таймс», обложившись своими записями. Еще перед ней лежат две записки от Санджая. Девушка не раз вспоминала о нем с тех пор, как съездила в «Шанти» две недели назад, но никак не могла заставить себя позвонить. После того что она узнала в холле дома на Винсент-роуд, она пребывала в замешательстве. Аша сама-то не могла разобраться в своих чувствах, не говоря уже о том, чтобы говорить о них кому-то еще. Девушке не хотелось встречаться с Санджаем и переживать все заново.

Сегодня Аша пыталась расшифровать интервью, но у нее из головы не шли слова Мины, которые она сказала тогда в Дхарави: *«Индия-мать любит своих детей неодинаково»*. Аша идет к компьютеру, чтобы заглянуть в базу данных «Таймс». В окошке поиска она вводит «Индия, уровни рождаемости», но эта формулировка оказывается слишком общей и система выдает Аше тысячи материалов. Тогда она меняет поисковый запрос на «девочки и мальчики» и получает всего с десяток статей. Девушка кликает на первую

попавшуюся ссылку и читает написанный по данным ООН от 1991 года материал о постоянном падении рождаемости среди девочек. Линия на графике также показывает стремительное уменьшение числа новорожденных девочек и увеличивающийся разрыв между количеством младенцев мужского и женского пола.

Следующая статья критикует появление в Индии переносных аппаратов для ультразвукового исследования, небольших и доступных по цене, что позволило беспринципным людям свободно разъезжать по индийским деревням и за деньги сообщать будущим родителям пол еще не родившихся детей. И хотя правительство десять лет назад запретило использовать эти устройства, окончательно практика не искоренена до сих пор и способствует распространению селективных абортов в стране. Такой формулировки Аша еще не слышала.

В третьей статье цикла о борьбе за права женщин в Индии упоминаются убийства новорожденных девочек, обряд сжигания невесты и убийства из-за приданого. Эту статью Аша проглядывает лишь мельком, прикрывает глаза и сворачивает окно. Внутри у нее все переворачивается. Она заставляет себя прочитать еще одну историю и ищет хоть что-нибудь более радостное. Ей попадается на глаза краткий биографический очерк о женщине-филантропке из Канады, учредившей в Индии несколько приютов для детей-сирот. Аша рассматривает фотографию немолодой белокожей женщины в сари, окруженной со всех сторон улыбающимися индийскими детишками. Под фотографией стоит цитата о том, что усыновление детей из этих приютов за границу не поощряется.

Аша делает над собой усилие, встает с кресла и возвращается к своему столу. На мониторе застыло

изображение Яшоды — живущей в трущобах девчушки с остриженными волосами. Маленькая Яшода, как сосуд, полный энергии и надежд, среди нищеты Дхарави. Яшода мило улыбается, не думает о вшах и о том, что никогда не будет ходить в школу. *Так вот какой была бы моя жизнь в Индии?* Последние несколько месяцев Аша не переставала завидовать Мине, построившей блестящую карьеру журналистки, и Прии с ее беззаботным стилем жизни, складывающимся из походов по салонам красоты и магазинам. Но теперь Аше стало предельно ясно, что ее жизнь здесь была бы совсем не такой. Она стала бы очередной Яшодой или ее сестренкой Биной — всего лишь очередной единицей в индийской статистике, еще одной маленькой никому не нужной девочкой. Какое будущее у этих малышек? Они что, сначала вырастают сами, а потом сразу начинают растить своих детей в Дхарави, как та женщина в синяках, с которой беседовала Аша? Или, если им посчастливится, выбираются из трущоб и живут как те две женщины из съемных квартир на Шиваджироуд, под гнетом мужей, детей и домашних дел?

Аша всегда считала, что чего-то недополучила, не зная своих настоящих родителей: безусловной любви, настоящего понимания и родственных связей. *Того ли я была лишена? Или меня скорее избавили от беспросветной жизни?* В памяти всплыли слова Аруна Дешпанде: *«Самых везучих усыновляют»*. Аша вспомнила детство, проведенное в Калифорнии, собственную спальню, которая была в два раза больше любой халупы в Дхарави, школьную форму, которую она носила в «Харпер Скул», вспомнила, какое образование она получила в одном из старейших и престижнейших университетов США. И все эти годы она

мечтала узнать настоящих родителей. Так, быть может, они оказали ей услугу?..

Уша. Мать любила ее настолько, что даже дала ей имя.

Девушка пристально смотрит на тоненький шнурок на шее Яшоды и думает о том, в какой восторг привело девчушку подаренное Ашей кольцо. Позже Мина объяснила, что эти девочки всю жизнь видят украшения только на других, но у них никогда не бывает своих. А мать так любила ее, что подарила ей серебряный браслет.

Она была смелой женщиной. Должно быть, она на многое была готова, чтобы принести меня сюда. Ее мать так ее любила, что сумела добраться из деревни до города и принести девочку в приют. Она так любила дочь, что смогла расстаться с ней.

Она так любила дочь.

Она ее любила.

Аша вытирает слезы и заставляет себя досмотреть до конца интервью с Биной, стараясь отыскать хоть какой-то проблеск надежды. Глядя на себя в кадре, девушка осознает, какой она была бесчувственной, задавая вопросы о коротких волосах и о школе. Параг лишь пытался избавить девочек от конфуза, а вовсе не мешал проводить интервью. Историю Яшоды затмевает трагедия девочки-калеки, снятая следующей. При появлении ребенка Аша вновь опускает голову, так же как и в день интервью. Потом она медленно переводит взгляд на экран и наклоняется ближе, чтобы получше рассмотреть девочку. Аша не помнит, чтобы до этого разглядывала ее лицо. И сама девочка, и ее мать улыбаются. Женщина выглядит по-настоящему счастливой, отправляясь в двухкилометровый путь до школы со своей безногой дочерью на спине. *Как такое может быть?*

Героиня следующего сюжета — женщина с синяками в блекло-зеленом сари — совсем не улыбается, только мимоходом, когда Аша дает ей банкноту в пятьдесят рупий. *Черт возьми! Почему я не дала ей больше?* Может быть, тогда ей не пришлось бы ночь или две продавать себя в борделе, чтобы накормить троих детей и алкоголика-мужа. Женщина смотрит с экрана равнодушным взглядом. Аша заглядывает в свои заметки и вспоминает, что они с ней ровесницы. Ей сложно представить себе необходимость торговать своим телом или что-то еще из того, что приходится делать этим женщинам ради своих семей. Аша быстро делает записи, потом прокручивает видео назад и просматривает его снова, сосредоточившись на рассказах женщин о том, что они каждый день делают ради своих родных. Следующая мысль накрывает Ашу, как опустившийся с неба парашют. Настоящая история жизни в Дхарави — это матери. Они олицетворение надежды для рожденных в нищете и отчаянии детей. Аша делает снимок экрана с изображением улыбающейся матери девочки-инвалида и копирует его в новый файл. Поверх фотографии она печатает заголовок: «Олицетворение надежды. Выживающие в городских трущобах».

Аша начинает набирать текст с историями о мужестве этих женщин. Ее пальцы летают по клавиатуре, стараясь не отставать от мыслей. Быстро глянув на часы в углу экрана, Аша обнаруживает, что уже почти семь вечера. Ее уже ждут дома. Хорошо знакомая волна адреналина пробегает по телу, как это бывало по вечерам в «Херальде», и она понимает, что ей нужно работать дальше, если понадобится, всю ночь напролет. Продолжая печатать, Аша берет телефон и зажимает его плечом. Трубку поднимает Девеш.

— Привет. Это Аша. Передай, пожалуйста, мем-сагиб, что сегодня я домой не приду. Я работаю в редакции. Буду дома завтра. — Она произносит каждое слово медленно, чтобы слуга понял ее.

Аша усердно трудится всю ночь, пока ее история не обретает законченную форму. Только тогда девушка роняет голову на стол, чтобы поспать.

* * *

Когда утром приезжает Мина, Аша уже ждет ее в редакции.

— Арре, посмотрите-ка, кто к нам пришел! Ужасно выглядишь. Ты что, проторчала здесь всю ночь?

— На самом деле да, но это неважно. Послушай, мне нужно еще раз съездить в Дхарави и взять еще несколько интервью.

— Что, хочешь на этот раз опросить мужчин? — Мина снимает солнечные очки и бросает сумочку на стол.

— Нет, женщин. Матерей.

Мина поднимает бровь.

— Звучит интригующе. — Она садится. — Я тебя слушаю.

— Ну... я, как ты знаешь, собиралась сосредоточиться на детях. Я пересматривала интервью снова и снова, как вдруг поняла, что все это выглядит так удручающе, потому что дети родились в условиях, которые они не выбирали и не могут изменить. Это грустно, но суть не в этом. Если посмотреть на все под другим углом и рассказать истории детей с позиции матерей, все изменится. Читатель сразу увидит смелость, стойкость, силу человеческого духа.

— Мне это нравится, — говорит Мина, вращаясь на стуле. — Хороший ракурс. Но знаешь, Аша, у меня сейчас завал. Я не смогу поехать с тобой.

* * *

По дороге в Дхарави Аша объясняет Парагу, какие интервью ей нужны. Девушка не знает, почему он согласился сопровождать ее: из чувства профессионального долга или причиной стало мужское благородство.

— Слушай, я очень рада, что ты поехал со мной, — говорит она коллеге, когда они выходят из такси. Тот в ответ по-индийски сдержанно кивает.

— Нет, правда. Я тут не очень хорошо ориентируюсь, как ты уже, наверное, заметил. Поэтому твоя помощь бесценна. — Аша замечает на лице Парага слабую улыбку и решает оставить эту тему.

В Дхарави полно матерей. Ашу обступают желающие поговорить с журналисткой, но девушка идет дальше, пока не замечает женщину, которая подходит для интервью. Она спокойно сидит и стирает одежду в ведре перед своей лачугой, а вокруг нее бегают трое детишек. Аша приветствует женщину жестом намасте, сложив ладони, и ждет, пока Параг получит от индианки разрешение снимать ее на камеру. Аша нашептывает Парагу пару вопросов и отступает назад, чтобы не мешать ему разговаривать с героиней и иметь возможность заснять интервью на пленку. Ответив на несколько вопросов, женщина приглашает их в лачугу. Аше и Парагу приходится пригнуться, чтобы пройти в дверной проем. Внутри Аша видит две тощие постели на полу, а на стене над ними висят фотографии в рамочках. Это портреты пожилых мужчины и женщины. Аше уже знает, что такие фотографии вешают, чтобы почтить память усопших родственников или духовных наставников. Обычно их украшают свежими цветами, а эти снимки увиты завядшими и привлекающими мух гирляндами. Один угол лачуги отведен под статуи богов

и палочки благовоний. Засняв внутреннее убранство лачуги, Аша выключает камеру. Она просит Парага поблагодарить женщину за уделенное им время. В ответ он передает Аше вопрос женщины:

— Она интересуется, не хочешь ли ты чаю?

Аша улыбается той, что испытывает нужду во всем, и все равно предлагает гостям чай. В предущую поездку подобный жест вызвал бы у девушки чувство вины.

— Да, спасибо. Я бы с радостью выпила чаю.

Они с Парагом садятся у лачуги, пока женщина заваривает чай, и Аша учит ее детей играть в ладушки.

Их остальные интервью, так же как и это, проходят гораздо легче, чем в прошлый раз. Они подолгу беседуют с женщинами о жизни в трущобах, о детях и надеждах на будущее. Их приглашают заглянуть в другие дома и тоже предлагают чай и угощения. Аша просит Парага записать имена всех женщин, с которыми они разговаривали. К тому времени как желудок начинает напоминать об обеде, у Аши уже складывается общее видение всего повествования.

— Мы с тобой отличная команда! Дай пять! — говорит она, поднимая руку, чтобы хлопнуть своей ладонью по ладони Парага. Он неуверенно отвечает на ее жест и улыбается.

— Ой, а ты любишь пав-бхаджи? — спрашивает Аша. — Я знаю тут неподалеку отличное местечко.

* * *

После обеда Параг должен ехать на другой конец города, чтобы выполнить следующее редакционное задание. Прежде чем отправиться на станцию, он предлагает поймать Аше такси. На углу улицы девушка замечает торговца свежими цветами и гирляндами.

— Да не надо, — отвечает она Парагу. — Я побуду здесь еще какое-то время.

Коллега смотрит на Ашу, вопросительно приподняв бровь, а потом переводит взгляд ей за спину, намекая на близкое расположение трущоб. Девушка никогда не бывала в Дхарави одна.

— Поезжай, со мной все будет в порядке, — заверяет она Парага и дружески хлопает его по плечу. Когда он уходит, Аша подходит к торговцу и просит пять цветочных гирлянд. Потом идет к мороженщику и покупает не меньше десяти порций индийского мороженого кулфи на палочках. Аша возвращается в трущобы и шагает по улице, чтобы найти женщину, у которой они брали в то утро первое интервью. Теперь она развешивает белье на веревке. Аша протягивает ей две гирлянды и показывает на лачугу. На лице женщины появляется улыбка, и она двигается навстречу Аше, подныривая под развешенное белье. Приняв цветы, женщина складывает ладони вместе и наклоняет голову. Аша улыбается и протягивает ей три кулфи. Потом девушка отыскивает домик следующей информантки. Уходя, она слышит за спиной детский смех.

Без слов, переводов и камер Аша раздает цветы и кулфи остальным женщинам таким же образом. Когда дело сделано, девушка ловит такси и в изнеможении падает на заднее сиденье. После бессонной ночи у нее ломит все тело и она предвкушает заслуженный отдых. Аша чувствует, что волосы засалились сильнее, чем обычно. Хорошенько промыть их с шампунем будет большим наслаждением. В детстве мать терпеливо расчесывала ей волосы по утрам, пока Аша смотрела мультики. Это был один из лучших моментов всего дня: перед школой оторваться от кролика Багза Банни

и увидеть свою непокорную шевелюру укрощенной и стянутой в два аккуратных хвостика.

В последнее время Аша стала часто вспоминать подобные моменты. Изысканные вечеринки в честь дня рождения, которые мать устраивала для нее каждый год, все утро возясь с тортом и пирожными. Ежегодную охоту за пасхальными яйцами для всех соседских ребят. Мама делала для Аши тайник с яйцами в одном и том же углу песочницы. А эта камера... Особенно камера. Поначалу ни матери, ни отцу не пришелся по вкусу интерес дочери к журналистике, но постепенно мама с этим свыклась. Так же как она приняла выбор дочери получать высшее образование вдали от дома и посвятить себя журналистике, а не медицине. Несмотря на то что многие решения дочери огорчали Сомер — а некоторые из них ради этого и принимались, Аша никогда не сомневалась в том, что мама любит ее. Девушка чувствует острый укол совести и за то, что была так сердита на мать перед отъездом, и за то, что все их последующие разговоры были короткими и бессмысленными.

* * *

Аша возвращается в редакцию ближе к вечеру. Хотя бессонная ночь дает о себе знать, остановиться она не может. Девушка пересматривает новые интервью и начинает писать. Она работает до тех пор, пока не вырисовывается план будущей статьи. Проверив его, она откидывается на спинку стула. Нужно добавить побольше фактуры, а потом все тщательно отредактировать, но в целом история уже есть. Это именно то, что она хотела рассказать. Аша закрывает глаза, и по ее лицу расплывается улыбка. Она выдохлась, и во всем

мире есть только один человек, с которым ей хочется поговорить. Аша берет трубку и набирает номер родителей. На другом конце провода телефон звонит четыре раза, затем включается автоответчик.

— Мам? — произносит Аша. — Привет, это я. Есть кто-нибудь дома? Папа? — Она ждет еще некоторое время и набирает номер заново. Потом пробует позвонить матери на мобильный. Нет ответа. *Странно.* Аша кладет трубку и откидывается на своем вращающемся стуле. Девушка заводит руки за голову и не может сдержать сладкий зевок. Она очень устала. Она позвонит еще раз завтра, после того как немного поспит.

52
ПО-ПРЕЖНЕМУ ХОРОШО

Менло-Парк, Калифорния, 2005 год

Кришнан

Кришнан расхаживает с телефоном в руке, начинает набирать номер и сразу сбрасывает. Он садится за кухонный стол. *Просто смешно. Почему я так дергаюсь?* Возвращась с конференции в Бостоне, большую часть полета он размышлял о том, что скажет Сомер, а сейчас даже не может позвонить ей. В прихожей стоит нераспакованный чемодан, а на кухне лежит стопка писем, которые ему предстоит разобрать. Все, что Кришнан сделал, приехав из аэропорта, — это прослушал сообщения на автоответчике и расстроился, не обнаружив ни одного от Сомер.

Он набирает в грудь воздуха и снова нажимает на кнопки. Жена подходит к телефону после второго гудка.

— Привет, это я, — говорит Крис. — Просто хотел сказать, что я снова в городе.

— О, хорошо. Так что, в воскресенье как обычно? — спрашивает Сомер.

Пока у них не было возможности позвонить дочери вместе, Крис звонил Аше сам, старясь поддержать ее в поисках настоящих родителей. Когда они разговаривали в предыдущий раз, Аша только съездила в приют

и не хотела об этом рассказывать, лишь неопределенно отвечая на вопросы отца. Крис впервые занервничал, испугавшись, что эти поиски каким-то образом повлияют на их отношения. Тогда-то он понял, почему это так беспокоило Сомер. Звонок в эти выходные будет последним, поскольку через пару недель Аша уже вернется домой. Кришнан понятия не имеет, что будет на уме у дочери, когда она приедет, и как то, что она обнаружит, скажется на их семье.

Ему не терпится наладить отношения с женой до возвращения дочери. Гремучая смесь из тоски и угрызений совести, медленно закипавшая в нем все это время, накануне приезда Аши бурлила в полную силу. И вот он в свои пятьдесят пять снова неуклюже ухаживает за собственной женой.

— Да. Послушай, я тут как раз забрал из печати фотографии из Индии и подумал, что тебе будет интересно взглянуть на них. — Он делает еще один глубокий вдох. — Может быть, я заскочу к тебе как-нибудь... завтра вечером... если у тебя нет других планов? Может, поужинаем?

В ответ Сомерт некоторое время молчит, а Кришнан, зажмурившись, пытается придумать предложение получше.

— Крис, завтра после работы мне надо в город к врачу, — говорит Сомер, делает паузу и затем продолжает: — Я сделала маммограмму на прошлой неделе, и у меня там не все в норме. Возможно, ничего страшного, но я записалась на биопсию, чтобы убедиться, что все точно в порядке.

— О, — Кришнан переваривает полученные новости. — Понятно. Я мог бы подбросить тебя туда. А после мы можем поужинать.

После долгой паузы Сомер отвечает.

— Хорошо. У меня запись на 16:00.

— Я заеду за тобой в 15:00. — Кришнан кладет трубку и в поисках фотоаппарата перерывает гору вещей на кухонной стойке. Потом он снова хватает телефонную трубку и по памяти набирает номер аптеки.

— Алло! Скажите, сколько времени нужно, чтобы распечатать фотографии с карты памяти?

* * *

Усаживаясь в машину, Сомер улыбается Кришнану. Она целует его в качестве приветствия, и в следующий миг Крис замечает, какой у жены цветущий вид. Ее лицо сияет, а блузка без рукавов открывает его взору заметно загоревшие руки.

— В «Калифорния Пацифик», — говорит Сомер, пристегивая ремень.

Кришнан был с женой в этой больнице, когда у нее случился последний выкидыш. Он выезжает на шоссе 280, ведущее в Сан-Франциско. На этой трассе нельзя ехать на большой скорости, но сама дорога живописнее, да и Сомер всегда выбирала этот маршрут. Крис смотрит на жену, разглядывающую пейзаж за окном.

— Я нащупала уплотнение под мышкой, — говорит Сомер, отвечая на вопрос, который стеснялся задать Кришнан. — Когда мылась в душе на позапрошлой неделе. Уверена, что это просто киста, но, помня о моей наследственности, хочу все-таки провериться. На прошлой неделе сделала маммограмму, и рентгенолог разглядел на снимке аномальное уплотнение.

— А кто делал рентген? — беспокоится Крис. — Сами снимки у тебя? Я могу попросить Джима глянуть.

— Спасибо, но в этом нет необходимости. Я сама посмотрела снимки, спросила мнение еще одного специалиста. Биопсия нужна мне просто на всякий случай. — Голос Сомер звучит спокойно. Кришнан отмечает про себя, что это так не похоже на беспокойную и нервную Сомер, которая мучительно пыталась завести ребенка.

— Кто делает биопсию? Майк много консультирует в медицинском центре «Калифорния Пацифик», и я могу узнать у него, кто там лучший.

Сомер поворачивается к лицом к мужу.

— Крис, — говорит она твердо, — не нужно решать эту проблему за меня. Я просто хочу, чтобы ты побыл рядом и поддержал меня, хорошо?

— Хорошо. — Кришнан крепче сжимает руль и чувствует, как вспотели ладони. Он включает кондиционер и старается успокоиться, хотя факторы риска сами собой всплывают в голове, как кричащие газетные заголовки. Белая женщина в районе пятидесяти пяти, у матери рак груди — все это повышает процент риска. Единственное, что играет им на руку, но по иронии судьбы уже причинило им столько горя, — это тот факт, что менструации у нее прекратились на двадцать лет раньше, чем должны были.

— Я тебе говорила, что на прошлой неделе, пока тебя не было, получила от Аши письмо по электронной почте? Она ездила в какое-то место под названием пещеры Элефанта.

— Пещеры Элефанта? Да, я предлагал ей обязательно туда съездить, — улыбается Кришнан. — Они находятся на острове в заливе. Это древние пещеры с вырезанными прямо в скале скульптурами. Большая туристическая достопримечательность. Я не возил тебя туда?

— Не думаю. Похоже, там повсюду скачут обезьяны, прыгают прямо на посетителей — на туристов и везде, где только могут. Взбираются людям на плечи и выпрашивают еду. Аша прислала фотографию, где она как раз кормит обезьянку бананом. Похоже, девочка повеселилась там от души. Мне даже вспомнились те времена, когда она была маленькой. Помнишь, как ей нравились обезьяны в зоопарке? Ой, смотри, — неожиданно переводит разговор Сомер, — Кафешка «Редс Ява Хаус». Представляешь, она так и работает! — Женщина показывает на маленькую белую забегаловку, где они с Крисом ели бургеры по выходным, когда жили в Сан-Франциско.

Крис выдавливает улыбку.

— Да, с трудом верится. Сколько же времени прошло, лет двадцать?

— Двадцать... семь с тех пор, как мы переехали сюда. Боже! Больше, чем сейчас Аше. А мы когда-нибудь водили ее сюда?

— Хм... Вряд ли. К тому времени, как она у нас появилась, мы могли себе позволить места получше, — отвечает Кришнан, и они смеются. В жирной пище, которую подавали в «Редс», не было ничего особенного, но зато они вдвоем могли поесть меньше чем на пять долларов. А с ординаторской зарплатой это был определяющий момент. Рассмеявшись, Крис чувствует, что наконец расслабился.

* * *

Пока Сомер заполняет бланки у стойки регистратуры, взгляд Кришнана падает на упругие икры жены, выглядывающие из-под юбки длиной до колена. Его охватывает внезапное желание подойти к ней сзади,

приподнять волосы и поцеловать в шею. Вместо этого Крис закидывает ногу на ногу и берет журнал. Через несколько минут Сомер садится рядом и заглядывает в журнал.

— *«Домашний очаг»*? Не знала, что ты интересуешься, как приготовить курицу на ужин, — замечает Сомер, увидев статью, на которую таращится Кришнан.

Он закрывает журнал.

— Я, видимо, задумался.

— Покажи фотографии, — просит Сомер.

— Фотографии?

— Из поездки в Индию.

— А, кажется, я оставил их в машине.

— Доктор Тхаккар, — обращается к нему вошедшая в приемную медсестра.

Кришнан резко оборачивается, но Сомер мягко кладет свою руку поверх его.

— Не в этот раз, доктор Тхаккар. — Она улыбается, гладит мужа по тыльной стороне ладони и уходит за медсестрой.

В ожидании Кришнан позволяет себе вообразить самое страшное. Мастоэктомия, радиотерапия, химиотерапия. Процент выживаемости для больных раком груди относительно высок, но Кришнан имеет дело с раком достаточно давно, чтобы понимать, как часто эта болезнь бывает жестоко непредсказуема в своем развитии. Капризным пациентам осложнения нипочем, а добродушные, те, что пекут для него печенье или приносят помидоры со своих огородов, умирают быстро. Показатель смертности основывается на простом законе средних чисел, который не учитывает, кто и чего заслуживает больше. *Этого не может быть. Только не она. Только не сейчас.*

Последние несколько месяцев дались Кришнану нелегко. Дом, где он старается проводить как можно меньше времени, постоянно напоминает ему об их с Сомер совместной жизни. Он даже представить себе не мог, что когда-нибудь будет скучать по незатейливым блюдам, которые готовила Сомер, когда он приходил с работы, или по ее одежде, небрежно брошенной на кровать в конце дня. И утро. По утрам, когда Кришнану приходится рано вставать, чтобы идти на операцию, он собирается, а его взгляд постоянно падает на пустую половину кровати, где обычно спала жена. Никто не целует его перед тем, как он уходит в холодную операционную, и нечего ждать, возвращаясь домой. Без Сомер дом и работа Кришнана словно стали стерильными, потеряли вкус и цвет.

Он встает, меряет шагами приемную и проходит мимо стойки регистрации столько раз, что сидящая за ней женщина даже перестает бросать на него раздраженные взгляды. В сумочке, которую Сомер оставила в приемной, начинает звонить телефон. Кришнану не нравится ждать. Он думает о том, как сотни раз выходил в приемную, чтобы сообщить родственникам ужасную новость. Не далее чем вчера он сказал женщине примерно своего возраста о том, что мозг ее мужа мертв. Ему пришлось уговаривать ее позвонить родственникам, чтобы они успели попрощаться с ним, пока его не отключили от аппарата искусственной вентиляции легких.

— Попрощаться? Но он ведь еще жив, да? — с явным осуждением спросила у него женщина.

Кришнан никогда не понимал, почему родственники не дают отключать от аппарата пациентов, чей мозг давно перестал функционировать, а тела превратились

в пустые оболочки. Но сейчас он понял. Все происходит вот так, в одно мгновение. Ты только что смеялся с женой в машине, а в следующий миг слышишь в приемной врача жуткий диагноз. Всего лишь миг. И мозг со всеми своими удивительными невральными путями, большими возможностями и тайнами, которые Крис научился уважать, не может справиться с этой новостью. Семьи его пациентов все еще видели своих любимых здесь, рядом, подключенных трубками к аппаратам, поддерживающим их жизнь. Они цеплялись за мечты о том, что вместе пойдут на свадьбу дочери, будут нянчить внуков и вместе состарятся. Теперь он понял, как нелегко ему будет отпустить Сомер, даже если она сама этого захочет.

Она снова появляется в приемной и садится рядом.

— Все в порядке? — спрашивает Кришнан. Сомер кивает. — У тебя звонил телефон.

— О! Наверное, это мой инструктор по йоге. Я никогда не пропускаю занятия по вторникам.

Кришнан просто кивает, опасаясь, как бы голос не изменил ему.

— Ну спасибо, — говорит Сомер, ставя сумочку себе на колени, — что съездил со мной сегодня. Я на самом деле очень рада, что ты сейчас здесь.

— Конечно. Где же мне еще быть? — Он сжимает ее колено и не убирает руку. — Когда будут результаты?

— Они торопятся. Надеюсь, через день или два.

Кришнан удивляется тому, что он так распереживался, и сглатывает комок в горле.

— Пойдем-ка отсюда, — говорит он, обнимая жену за плечи и прижимая к себе. — Я приглашаю тебя на ужин в любое место этого замечательного города, куда бы тебе ни захотелось. Ты выбираешь.

* * *

Стоит один из тех ясных и солнечных дней, что нечасто выдаются весной в Сан-Франциско. С деревянного столика с двумя лавочками возле «Редс» прекрасно видно мост через залив. Мягкий бриз шевелит обычно стянутые на затылке волосы Сомер.

— Здесь уже не так хорошо, как раньше, — говорит Сомер, держа перед собой завернутый в фольгу бургер. Когда она улыбается, то выглядит лет на десять моложе.

— Просто наши предпочтения поменялись за последние несколько десятков лет, — отмечает Крис.

— А вместе с ними и наш метаболизм. Я уверена, что весь этот жир отложится на моих бедрах уже к завтрашнему утру, — посмеивается Сомер.

— Знаешь, милая, ты потрясающе выглядишь, — говорит Крис.

— Для человека, у которого нет рака?

— Нет, я имею в виду, что ты вообще прекрасно выглядишь. В тонусе, подтянутая. Ты занимаешься йогой?

— Да, это так здорово. У меня теперь и мама занимается. Из-за последней операции ей было тяжело поднимать руку и переносить вещи. Она очень расстраивалась. Ты же знаешь, как она любит все делать сама, — говорит Сомер. — Когда она приезжала ко мне, я взяла ее на несколько занятий и купила диски с записями, чтобы она занималась дома. Место разреза зажило, рука стала двигаться лучше, да и она стала более энергичной.

— Это прекрасно.

— Я поразилась перемене, которая произошла с ней, и ее онколог тоже. В результате я написала статью в Стэнфордский журнал о пользе йоги для пациентов, излечившихся от рака груди. Центр женского

здоровья пригласил меня вести мастер-классы для пациентов. И я думаю позвать маму сюда, чтобы она вела их вместе со мной. Она может показывать позы, пока я буду рассказывать и переключать слайды.

— Ей повезло, что у нее такая заботливая дочь, — говорит Кришнан. — Нам всем повезло.

Он улыбается Сомер, сильной, умной и уверенной в себе женщине, в которую когда-то влюбился. А она демонструет те черты характера, которых он уже давно не замечал. *Это она так изменилась за последние несколько месяцев или это я с годами ослеп?* И все-таки изменилась не только Сомер. Сама природа их взаимоотношений стала другой. То ли из-за перерыва в отношениях, то ли из-за отсутствия Аши, то ли из-за страха перед результатами биопсии, но Крису кажется, будто теперь на них пролился яркий свет и освещает все, что они прятали долгие годы. Это напоминает ему операционный стол: смотреть на то, что внутри у человека, неприятно, зато сразу ясно, что нужно делать.

Сомер улыбается и играет с кулоном на шее. Это движение он помнит с тех самых пор, когда они только начали открыто заигрывать друг с другом. В этот момент они уходят от темы болезни, смерти и страха и принимаются подробно рассказывать друг другу о том, чем каждый из них занимался, пока они жили по отдельности. Сомер рассказывает мужу о путешествии на велосипедах по Италии и кадровых перестановках в клинике. Он рассказывает ей о предстоящем турнире в теннисном клубе и сломавшемся водонагревателе в их доме. В беседе они не поднимают тему скорого приезда дочери. Фотографии Кришнана так и лежат непросмотренными в машине. Супруги не уходят, даже когда бродяги-чайки разделываются с остатками

ужина, а воздух становится прохладным и мерцающие огни загораются вдалеке на мосту.

— Наверное, нам пора, — говорит Сомер, обхватывая себя руками и дрожа от холода.

Дорога домой пролетает незаметно, и в конце концов Крис осознает, что они приехали к их дому, где он жил в последнее время один. Они сидят в машине, припаркованной на подъездной дорожке, как парочка старшеклассников. Крис глушит мотор.

— Слушай, ты... ты не хочешь переночевать? — робко спрашивает он. — Я понимаю, что нам нужно еще многое...

Сомер не дает ему договорить, с улыбкой касаясь его губ двумя пальцами.

— Да.

* * *

Утром Крис открывает глаза и видит рассыпанные по подушке золотистые волосы Сомер. Он облегченно вздыхает, и внезапный взрыв эмоций уносит его, как в те дни, когда он впервые в жизни влюбился. Крис скатывается с кровати, стараясь не разбудить любимую. Спускаясь вниз по лестнице, он понимает, что в холодильнике пусто после его недельного отсутствия, и решает быстренько сбегать в магазин, чтобы купить что-нибудь к завтраку. Заливая воду в кофейник, Крис замечает мигающую красную лампочку на автоответчике. Сообщение оказывается от его матери. Она только просит его перезвонить. Но даже через трескучие помехи Кришнан понимает, что не все в порядке.

53
ДЕЛО СЕМЬИ

Мумбаи, Индия, 2005 год

Аша

По пути домой из редакции «Таймс» Аша засыпает прямо в такси, и водителю приходится будить ее, когда они приезжают. Девушка расплачивается и заходит в здание. Она бодрствовала в течение тридцати шести часов. Большая часть этого времени прошла как в тумане. Набор текста, редактирование, съемка. Лица женщин из Дхарави постоянно всплывают у нее перед глазами. Аша напоминает себе позвонить с утра маме. Она зевает, стучится в дверь квартиры и ждет, когда раздастся знакомый звук шагов Девеша. Тем временем Аша достает из кармана визитку Санджая. *Обещание есть обещание.* Ему она тоже позвонит утром. Теперь, когда ей наконец есть что рассказать, уже можно. Некоторое время девушка стоит, прислушиваясь к звукам за дверью, поворачивает дверную ручку и обнаруживает, что дверь не заперта. Войдя в квартиру, она ставит на пол сумку, переступает через груду чаппал в прихожей и идет к гостиной, откуда слышны приглушенные голоса. *Кто может прийти в такой поздний час?*

На диване сидит дадима. Со всех сторон ее окружают женщины с одинаково озабоченными лицами. Каждая из них держит по фарфоровой чашечке с нарисованными розами. Дадима склонила голову, но, даже не видя ее лица, Аша понимает: что-то случилось.

— Это Аша, моя внучка из Америки, — говорит дадима, подняв голову и увидев ее. — Извините нас, мы на минуту. — Она встает, шаркающей походкой подходит к Аше и берет девушку за руку.

— Да, конечно, — говорят дамы и качают головами.

Дадима молча ведет Ашу в маленькую комнатку, откуда на протяжении всего года Аша звонила домой. Бабушка садится на кровать и показывает жестом, чтобы внучка села рядом.

— Дхикри, пришло время твоего дададжи. Вчера он прилег подремать и мирно ушел от нас во сне.

Аша закрывает рот рукой.

— Дададжи? — Она озирается и смотрит на дверь. — Где?..

Дадима нежно берет Ашины руки в свои.

— Бети, его тело уже забрали. Он умер вчера, очень тихо.

Вчера, пока я... работала? Голос дадимы звучит ласково и твердо, и лишь покрасневшие глаза выдают ее состояние. Аша смотрит на их переплетенные руки: худые, с проглядывающими под постаревшей кожей зеленоватыми венами и свои, упругие и молодые. Слезы, упавшие на загорелую кожу, медленно высыхают, и дадима, сильнее сжав руку внучки, говорит хриплым шепотом:

— Аша, я должна кое о чем попросить тебя. Твоего отца не будет, чтобы исполнить долг старшего сына, поэтому ты должна занять его место. Ты должна

поджечь погребальный костер на церемонии кремации дададжи. — Она переводит дыхание и продолжает: — Это твой долг перед семьей, — произносит она твердо, чтобы пресечь возражения.

Аша достаточно ясно понимает, что это не совсем так. Да, долг старшего сына — возглавить семью после смерти патриарха. Но в его отсутствие это могут сделать другие мужчины: дяди, друзья, кузены и даже соседи. Аша твердо усвоила, что в Индии всегда выстроится целая очередь из мужчин, желающих исполнить почетную роль. Но Аша заглядывает бабушке в глаза и видит, что та уже все решила. Дадима приняла внучку в свой клан, будто девушка всегда была одной из них. Бабушка всегда считала ее благородной и сильной. Твой долг перед семьей. *Моей семьей.* Всего год назад Аша могла сказать об этих людях только то, что никогда с ними не виделась. Они встретили ее в аэропорту среди ночи, показали ей все туристические достопримечательности, смотреть на которые в очередной раз у них не было ни малейшего желания, научили носить ленгу, запускать воздушных змеев из тонкой бумаги и есть непривычные для нее блюда. Она не родилась в этой семье и даже не выросла в ней, но для них это не имело значения. Они все сделали для нее.

А сейчас пришла ее очередь. Аша чувствует, как к горлу подкатывает комок, и кивает в знак согласия.

* * *

Голуби будят Ашу, когда через окно уже льется утренний свет. Она слышит воркующих птиц на балконе, где дадима каждое утро рассыпает зерно, даже сегодня. Аша умывается и собирается так, как ей объяснила бабушка.

Дадима сидит за столом и смотрит в окно без своей обычной чашки чая.

— Здравствуй, бети. Пойдем одеваться дальше. Пандит скоро будет.

Аша нервничает перед тем, как зайти в дальнюю спальню. Ее взгляд тотчас падает на половину кровати, где всегда спал дададжи. На кровати лежат два сари. Дадима берет бледно-желтое с узким расшитым кантиком и протягивает его Аше.

— Твой дададжи был бы рад увидеть, как ты носишь свое первое сари. Надень нижнюю юбку и блузку, и я покажу тебе, как оборачивать его вокруг себя.

Второе сари без вышивки чисто белого цвета остается на кровати. Это цвет, который индийские вдовы традиционно носят до конца своих дней. Отсутствие цвета, украшений и косметики подчеркивает их скорбь. Аша в очередной раз удивляется своей бабушке, которая одной рукой крепко держится за традицию, а второй эту традицию расшатывает. До поездки в Индию Аша сочла бы такое противоречие прискорбным и лицемерным, если бы обнаружила его в родителях или ком-то другом. Но все пережитое за последний год убедило ее в том, что мир не так прост, как она думала. Она начала свой путь с поисков одной семьи, а закончила тем, что нашла для себя другую. Аша приехала в Индию, не зная своих настоящих родителей, но имея представление о своем будущем. Теперь все изменилось с точностью до наоборот.

Блуза дадимы, скроенная по фигуре родившей и выкормившей детей женщины, конечно же, велика Аше. Когда девушка предлагает надеть вместо нее подходящую футболку, дадима сначала возражает, но потом сдается и признает, что получилось очень неплохо.

— И почему мы все так не делаем, — бормочет она себе под нос, закалывая сари Аши. — Так нам не пришлось бы оголять перед всеми свои старческие талии.

Когда дадима заканчивает, Аша поворачивается к зеркалу и застывает в полнейшем потрясении. Сари очень идет ей, и в нем удивительно удобно.

После приезда пандита все собираются в гостиной, чтобы обсудить, как будет проходить кремация. У Аши урчит в животе, но бабушка сказала, что им нельзя есть до завершения церемонии. Как только дадима сообщает пандиту, что его помощницей во всех ритуалах будет Аша, он яростно протестует.

— Сарладжи, ты ведь не хочешь навредить душе своего мужа. Выбери родственника мужского пола.

Бабушка устало вздыхает. Прежде чем она успевает ответить пандиту, Аша произносит:

— Пандитджи, со всем уважением к вам, но это дело семьи. Мы с дадимой обе желаем, чтобы погребальный костер поджигала я. Это решение нашей семьи.

* * *

У места, где проходит церемония, они обнаруживают сотни людей. Десятки медиков в халатах. Аша находит глазами Нимиша, Прию и Бинду, других двоюродных братьев и сестер, тетушек и дядюшек, с которыми она виделась летом. Санджай стоит рядом с родителями, его глаза тоже покраснели от слез, как и у нее. Среди собравшихся она узнает соседей по дому и даже торговца овощами, который ежедневно приходит к ним. Мина, Нейл и Параг из газеты тоже здесь. Большинство скорбящих приветствуют Ашу, склонив голову и сложив руки в намасте. Некоторые из них в знак особого уважения кланяются, касаясь ног дадимы.

На поленьях погребального костра, сложенных высотой почти в ее рост, покоится завернутое в белый саван тело дададжи. Аша стоит рядом с пандитом и внимательно смотрит, как он начинает песнопения и чтение мантр. Погружая пальцы в емкости со священной водой, рисом и лепестками цветов, он кропит погребальный костер и жестом показывает девушке, что она должна делать так же. Вскоре размеренный ритм читаемых пандитом мантр успокаивает Ашу и она перестает думать о собравшихся вокруг них людях.

Наконец пандит говорит девушке несколько слов на гуджарати и показывает на огонек масляной лампы. Аша смотрит на морщинистое лицо дадимы, в ее мокрые от слез глаза и делает шаг вперед. Она берет факел, поджигает его от масляной лампы и осторожно подносит к поленьям. Руки девушки дрожат, но она не убирает факел до тех пор, пока языки пламени не начинают лизать ветки.

Аша кладет факел, отступает назад и смотрит, как пламя медленно поглощает поленья и добирается до укутанного белой простыней тела. Сквозь огонь Аша видит лица кузин, тетушек и дядюшек. *Моя семья.* Нет только отца, но она знает, что ему хотелось бы, чтобы она была сейчас именно здесь. *«В какой-то мере семья, которую ты создаешь, важнее той, в которой ты рождаешься»*, — когда-то сказал он. Аша протягивает руку к узловатой руке дадимы, крепко сжимает ее, а по лицу девушки катятся слезы.

54
НЕОБЫЧАЙНО СПОКОЙНО

Дахану, Индия, 2005 год

Кавита

— Ты знала, что это лежит тут? — спрашивает Кавита, держа в руках потрепанный номер журнала «Стардаст» за 1987 год.

— Нет. Зачем он был нужен ба? Она ведь даже читать не умела.

— Не знаю. Может быть, ей нравились фотографии? — Кавита пролистывает мятый журнал о кинофильмах. — Арре! Глянь на их одежду, какое все старомодное. О боги!

Рупа подходит к сестре, становится на носочки и заглядывает в металлический буфет, который разбирает Кавита.

— Бхагван! Да их тут сотня! — смеясь, она вытаскивает стопку связанных веревкой журналов.

— Поверить не могу, что она тратила деньги на журналы, да еще и про Болливуд. Наша бережливая мама, которая экономила каждую сахаринку. Интересно, почему она все это хранила? — говорит Кавита.

— Кто бы мог подумать, что ба была такой киноманкой? — Рупа кладет журналы на кровать рядом с сари их матери.

— Ой, как же здорово посмеяться. А то такое ощущение, что, приехав сюда, я только и делала, что плакала, — говорит Кавита, слабо улыбаясь сестре и опять чувствуя себя виноватой.

— Да. Утром и правда было тяжело. А уж бапу...

Рупа вспоминает прошедшую в центре деревни церемонию кремации. Отец упал на колени и заплакал, как только увидел их мать на погребальном костре. Его тщедушное тело сотрясалось от глухих рыданий. Никто из них не смог успокоить его. Видеть его страшное горе и полное отчаяние было для Кавиты невыносимо. Она не могла сказать, на что ей было больнее смотреть: на завернутое в саван тело матери или на обезумевшего от горя отца. Кавита была благодарна Джасу, который обнимал ее сильными руками, пока она рыдала как ребенок. Какое-то время все они просто стояли и смотрели на огонь, пока не погасли последние угли. Пандит собрал пепел маленькой лопаткой, ссыпал в медный сосуд и отдал им. Отец ничего не говорил и не ел с тех пор, как они пришли домой. Позже, когда Кавита обменивалась словами и объятиями с гостями, она поймала себя на том, что объясняла отсутствие Виджая так коротко, как только могла, хотя на самом деле ей хотелось кричать во весь голос. *Нет, моего сына здесь нет, но здесь его деньги, они в этих гирляндах из бархатцев и конфетах с начинкой из пасты кешью!*

— Да, — говорит Кавита, — очень тяжело. Я рада, что он уснул. Может, для него даже лучше, что память его подводит. Возможно, он уже и не вспомнит ничего, когда проснется.

— К сожалению, та часть его памяти, в которой хранятся воспоминания о ба, похоже, единственная, которая не дает сбоев. Это дорогого стоит, правда, —

отвечает Рупа. — Только представь, когда они поженились, ба было шестнадцать, а ему — восемнадцать. Они прожили вместе полвека. Возможно, он и забыл, как жил до нее.

Кавита кивает в знак согласия. Она не может подобрать нужные слова, потому что вот-вот опять расплачется.

* * *

Этим утром река необычайно спокойна. Легкие волны на поверхности воды робко танцуют в первых лучах утреннего солнца. Яркие дорожки солнечного света контрастируют с темной водой, как ложащиеся на темное сари стежки золотой нити. Кавита останавливается у самой реки, и ее ступни погружаются в гладкую прохладную глину. Она пытается представить, каково это — погрузиться на глубину, не прогибаться под бременем забот, освободиться от ответственности, просто плыть, плыть... плыть... и исчезнуть.

Кавита знает, что в стоящем у ее ног медном сосуде с прахом уже нет души матери, но дочери хочется верить, что какая-то ее часть будет сегодня рядом. Мать оценила бы это спокойное утра. Кавита берет сосуд, обхватив руками его широкое основание.

— Ба, — мягко произносит Кавита и улыбается, понимая, что это, должно быть, дух матери дарит ей этим утром такое умиротворение. Только спустя годы после того, как Кавита сама стала матерью, к ней пришло понимание, как сильно выкладывалась ее ба, тихо и незаметно заботясь о них. Держа на коленях этот сосуд, Кавита думает о том, что вклад матери не пропал бесследно. *Если мать сдается, сдается вся семья.*

— Бена, — рядом появляется Рупа. Ее сари почтительно покрывает голову. — Он ждет нас. — Она кивает в сторону стоящего у неподалеку паромщика.

— Да. Идем.

Кавита медленно встает на ноги, словно боясь побеспокоить сосуд резким движением. Они двигаются вниз по берегу реки к паромщику. Он стоит по пояс в воде и чувствует себя в реке не хуже, чем на суше. На нем нет ничего, кроме набедренной повязки, а кожа загрубела от солнца. Руки и ноги у него тонкие, но мускулистые, все его тело будто создано для того, чтобы бегать по воде, вскакивать в лодки и грести. Кавита и Рупа усаживаются по обеим сторонам плота лицом друг к другу, а паромщик встает в центре между ними. Неторопливо двигая длинным бамбуковым шестом, он отталкивается от речного дна и управляет плотом. Кавита представляет себе прах других людей на дне реки. Останки чьих-то любимых и дорогих — отцов, матерей, сестер, детей — растворены в этой реке. Они доплывают до середины, и паромщик вонзает в песчаное дно свой бамбуковый шест как копье. Солнце уже полностью показалось над горизонтом и греет шеи и лица людей.

Они могли бы пригласить пандита, чтобы он прочитал слоки во время развеивания праха. Но сестрам захотелось отдать матери последние почести без посторонних. Они сошлись на том, что даже отца лучше не брать с собой. Целых два дня после кремации, которая прошла месяц назад, он все спрашивал, где его жена. Сестры не знали, как влияло на старика его помешательство, а иногда оно заботливо ограждало его от горькой правды. В конце концов они решили сказать ему, что мать поехала к сестре в соседнюю деревню

и вернется на следующий день. На самом деле их тетка умерла еще несколько лет назад, но этот факт отца не смущал. Такое объяснение помогало дочерям поддержать его спокойствие в течение всего дня. На следующее утро он задал свой вопрос снова, и они просто повторили эту спасительную ложь, говорить которую становилось легче с каждым днем. Проходили дни, и отец постепенно вернулся к прежним повседневным жалобам на слабо работающий вентилятор на потолке или недостаточно горячий чай. Через несколько дней Джасу вернулся в Мумбаи, а Кавита решила остаться подольше, чтобы совершить последний ритуал.

Кавита сдвигает крышку и наклоняет медный сосуд к сестре. Хотя в их семье нет сыновей и им не нужно соблюдать иерархию, Кавита проявляет уважение к Рупе как к старшей. Рупа просовывает руку в узкое горлышко сосуда и вытаскивает небольшую пригоршню серого пепла. Когда она медленно разжимает пальцы, часть праха тут же улетучивается с ее ладони от легкого дуновения ветра. Она опускает руку к реке и раскрывает ладонь. Через мгновение весь пепел оказывается на поверхности воды. Первую секунду он плывет по водной глади, а потом исчезает, сливаясь с рекой и всем, что она хранит.

Кавита тоже достает прах из урны и рассыпает его по воде. Это движение ей очень знакомо. Так она рассыпает по столу муку, чтобы катать чапати. Сестры смотрят на пепел, пока он не исчезает, и Рупа снова опускает руку в сосуд. Они по очереди достают по пригоршне, пока в погребальной урне почти ничего не остается. Потом, не сговариваясь, женщины берут медный сосуд каждая со своей стороны, наклоняют его над водой, и из него высыпаются остатки пепла.

Тишину нарушает Рупа. Сначала она тихо всхлипывает, потом все сильнее, пока не начинает содрогаться от рыданий всем телом. Кавита обнимает сестру одной рукой, потом второй и не отпускает ее, пока та плачет. Вдвоем они смотрят, как последнее напоминание о теле их матери исчезает под водой.

55
ЭТО И ЕСТЬ СЕМЬЯ

Мумбаи, Индия, 2005 год

Аша

— Здесь по-настоящему классный маллигатони.

Санджай сидит в ресторане, аккуратно сложив руки на столе и неотрывно глядя Аше в глаза.

По настоянию дадимы девушка согласилась пообедать с ним сегодня. Она не хотела оставлять бабушку одну после смерти деда, хотя знала, что скоро Санджай уезжает в Лондон. Как бы то ни было, не накрасив глаза, собрав немытые волосы в хвост, она сидит в ресторане хорошего отеля наедине с человеком, который ближе, чем кто-либо, подобрался к роли ее парня. Аша закрывает меню с ламинированными страницами.

— Хорошо, я его попробую, — говорит она. — Санджай, а что значит Уша?

Парень отрывается от меню.

— Уша? Это означает... рассвет. А почему ты спрашиваешь?

— Рассвет, — повторяет Аша, глядя в окно. — Так они меня назвали. Я пробыла у своих биологических родителей три дня до того, как они отдали меня в приют, но они успели дать мне имя — Уша.

Санджай откладывает меню и весь подается вперед.

— Так ты нашла их?

Аша кивает. Она еще никому об этом не рассказывала. Как только она произнесет вслух все, что узнала, эти факты станут неотъемлемой частью ее жизни.

— Я нашла их. Мы не встретились, но я их отыскала.

К столику подходит официант. Санджай делает заказ за двоих и отсылает его.

— Их зовут Кавита и Джасу Мерчант, — продолжает она. — Они живут в многоквартирном доме в Сионе. — Аша делает паузу. — И у них есть сын. Виджай. Он на год или на два младше меня. — Она ждет реакции Санджая, а он кивает ей, давая понять, что слушает дальше. — У них родился сын после того, как они отдали меня. И они оставили его, потому что он был мальчик, а...

— Точная причина тебе неизвестна.

Аша бросает на Санджая гневный взгляд.

— Да ладно, я не вчера родилась.

— Объяснений может быть множество. Возможно, они не могли прокормить ребенка на тот момент. Может быть, они жили в каком-то небезопасном месте. А может, они сожалели, что потеряли тебя, и решили, что им все-таки нужен ребенок. Аша, откуда ты можешь знать, что на душе у другого человека.

Девушка кивает и крутит на запястье серебряный браслет.

— Она пришла из какой-то деревни в нескольких часах езды к северу отсюда. Проделала весь этот путь в город только для того, чтобы... — Аша замолкает, сглотнув комок в горле.

— ...отдать тебя в приют? — заканчивает за нее Санджай.

Аша снова кивает.

— И она подарила мне это. — Она показывает на браслет.

— Твои родители дали тебе все, что должны были, — говорит Санджай. Он тянется через стол и дотрагивается до руки девушки. — Как ты себя чувствуешь теперь, когда ты все знаешь?

Аша смотрит в окно.

— Я писала письма, когда была маленькой девочкой, — отвечает она. — Письма к матери, где я рассказывала ей, чему учусь в школе, кто мои друзья, какие книги я люблю. Мне было, наверное, лет семь, когда я написала первое письмо. Я попросила папу отправить его, и я помню, как погрустнели его глаза и он ответил: «Мне жаль, Аша, но я не знаю, где она».

Аша кидает взгляд на Санджая.

— Когда я стала старше, мои письма изменились. Вместо того чтобы рассказывать о своей жизни, я начала задавать ей все эти вопросы. Вьются ли у нее волосы? Любит ли она кроссворды? Почему она не оставила меня себе? — Аша качает головой. — Очень много вопросов. А теперь я знаю, — продолжает она. — Я знаю, откуда я. И я знаю, что меня любили. Я знаю, что сейчас я живу гораздо лучше, чем могла бы, если бы все получилось иначе. — Аша пожимает плечами. — И этого мне достаточно. Часть ответов мне придется додумать самой. — Она глубоко вздыхает. — Ты знаешь, у меня глаза матери. — Аша улыбается, и ее глаза сияют. Она откидывается на спинку диванчика. — Мне бы хотелось найти способ сказать им, что со мной все хорошо без... в общем, что я не вторгаюсь в их жизнь.

Подходит официант и ставит перед ними тарелки с супом. Аша вдруг осознает, насколько она проголодалась.

Она почти ничего не ела между ночной работой и кремацией деда. Девушка пробует суп. Некоторое время молодые люди просто молча едят.

— Знаешь, когда я приехала в приют, я узнала, что моя бабушка пожертвовала ему крупную сумму после того, как меня удочерили, — рассказывает Аша. — Наша фамилия указана на табличке, которая висит на фасаде, а бабушка мне ничего не рассказывала. Странно, правда?

Санджай пожимает плечами и качает головой.

— Нет, не думаю. Для меня это как раз очень логично. Она отдала им дань благодарности, — заметив непонимание на лице Аши, Санджай наклоняется к ней и добавляет: — *За тебя*. Она была благодарна за тебя.

Аша смотрит на свои руки.

— Правда?

— Конечно. Здесь это норма. Мой дед помог восстановить родную деревню. Таким образом он воздал всем, кто помог ему.

Аша тяжело вздыхает.

— Просто я поражаюсь, когда думаю обо всем, что за эти годы было для меня сделано. Причем о многом я даже не знала, а о чем-то не знаю до сих пор. Благодаря усилиям людей, которые меня любят и любили даже до того, как узнали меня, я стала тем, кто я есть.

Санджай улыбается.

— Это и есть семья.

— Знаешь, мне кажется, я всегда обвиняла родителей в том, что между нами нет биологической связи. Я думала, что из-за этого я чего-то лишена. Но сейчас... это поистине удивительно! Оказывается, они столько для меня сделали, даже не имея кровного родства со мной. Они сделали это просто... просто потому, что

хотели. — Аша вытирает губы и улыбается. — Похоже, я должна отдать дань благодарности очень многим людям, — она опять вздыхает, — и извиниться перед мамой.

— И раз уж мы заговорили об этом, то мне ты будешь должна копию своей статьи, когда она будет готова. Я отдам ее другу из BBC. А когда ты прославишься, то будешь обязана мне по-настоящему, — подмигивает Аше Санджай, — как минимум визитом в Лондон.

— Посмотрим, — улыбается Аша. — Ой, а ты не съездишь со мной завтра? Я хочу кое-что завезти в «Шанти».

56
ЧЕРЕЗ ОКЕАН

Мумбаи, Индия, 2005 год

Сомер

Сомер смотрит на Кришнана, который расположился на соседнем сиденье, глядя в иллюминатор на бездонное небо. Внешне он ничем не отличается от сотен других индийцев на борту этого лайнера: хорошо одетый, образованный мужчина с хорошей работой летит домой. Но Сомер замечает кое-что, что скрывается от беглого взгляда. Обычно плотно сжатые челюсти Кришнана сегодня расслаблены. Из-за полузакрытых век его карие глаза кажутся печальнее и меньше, чем обычно. Уголок рта слегка подергивается. Такое выражение лица у него бывает нечасто, потому что он привык демонстрировать уверенность в операционной, сосредоточенность на теннисном корте и непроницаемость везде, где бы ни находился.

Сомер кладет свою руку на его. На глаза Кришнана наворачиваются слезы. Не отрывая глаз от иллюминатора, он берет руку жены, и их пальцы переплетаются. Он держится за нее словно утопающий. Точно так же он держался за нее вчера ночью, когда они лежали в темноте в своей спальне вторую ночь подряд после шести

месяцев разлуки. Весь вчерашний день, пока они улаживали вопросы с билетами и визами, Кришнан сдерживался. Но ночью, когда чемоданы уже стояли в холле у двери, а на утро было заказано такси, он плакал, как ребенок, у нее на руках по отцу, которого только что потерял.

То, что она поедет с ним, даже не обсуждалось. Сомер предложила это сама, как только Крис сообщил ей печальную весть. Она не хотела ждать, пока муж спросит, и он, судя по всему, был ей за это очень благодарен. Место Сомер было рядом с семьей, и теперь она знала, что для нее это самое важное.

* * *

Они прилетают в Мумбаи среди ночи, берут такси в аэропорту, и слуга провожает их в квартиру. Несколько часов беспокойного сна, и наступает утро. Когда супруги вместе выходят в гостиную, Сомер замечает, как постарела мать Криса. Ее волосы поредели и полностью поседели. Кришнан бросается к ногам матери. Сомер никогда не видела такого раньше. Муж обнимается с дадимой и обменивается с ней парой слов на гуджарати. За чашкой чая и тостом во время завтрака все трое немногословны. Их голоса звучат приглушенно.

— Бета, нам нужно разобраться с документами в банке, — говорит дадима Кришнану. Он кивает и смотрит на Сомер.

— Все нормально, вы поезжайте. А я подожду, пока проснется Аша.

* * *

Сомер приоткрывает дверь и заглядывает в комнату дочери. Девушка крепко спит. Волосы разметаны

по подушке. Дыхание глубокое и размеренное. В этот момент она выглядит старше, чем до отъезда, но Сомер вспоминает, как она наблюдала за спящей дочкой, когда та была еще ребенком. Женщина тихонько закрывает дверь и возвращается в гостиную. Она смотрит на часы, берет мобильный и звонит.

— Здравствуйте, лаборатория еще работает? Это доктор Тхаккар. Я звоню узнать результаты биопсии молочной железы.

Она сообщает имя своего врача, повторяет по буквам собственное имя и соглашается подождать на линии. Следующие несколько минут она пристально смотрит на скатерть и водит пальцем по цветочным орнаментам. Наконец в трубке раздается голос:

— Хорошие новости. Результат биопсии отрицательный. Доктор говорит, это доброкачественное новообразование. Продолжайте делать самообследование и ежегодные маммограммы.

Сомер закрывает глаза и выдыхает:

— О, слава богу! Спасибо вам.

Она кладет телефон и опускает голову на руки.

— Мам?

Сомер оборачивается и видит Ашу в ночной сорочке со всклокоченными волосами.

— Аша, милая!

Мать встает, раскрывает руки навстречу дочери, и девушка кидается к ней в объятия. Затем Аша отстраняется и смотрит на Сомер.

— Мам, что это было? С кем ты сейчас разговаривала?

Сомер гладит дочку по волосам и замечает, что они стали сантиметров на десять длиннее.

— Иди сюда, милая, мне нужно тебе кое-что рассказать. — Она берет Ашу за руку, и они садятся

за стол. — Прежде всего — со мной все в порядке. Пару дней назад я делала биопсию из-за уплотнения в груди, и оно оказалось доброкачественным. Так что все хорошо.

Морщинки у Аши на лбу не пропадают, взгляд остается серьезным.

— Со мной правда все хорошо, — повторяет Сомер, касаясь колена дочери. — Как же я рада тебя видеть, милая.

Аша бросается на шею Сомер.

— О, мамочка! С тобой на самом деле все в порядке? Все замечательно?

— Да, замечательно. — Сомер берет руки дочери и сжимает их. — Как ты?

Аша выпрямляется на стуле.

— Я очень по тебе скучала, мам. И я рада, что ты приехала.

— Конечно, — улыбается Сомер. — Где же мне еще быть?

— Я знаю, что и для дадимы это тоже очень важно, — говорит Аша. — Она старается не показывать этого, но случившееся стало для нее тяжелым ударом. Я слышу, как она плачет по ночам.

— Это, должно быть, невыносимо, — говорит Сомер, — потерять мужа, прожив с ним пятьдесят лет или сколько?

— Пятьдесят четыре. Они поженились через год после того, как Индия получила независимость, — отвечает Аша. — Она удивительная женщина. Я столько от нее узнала. Здесь все очень хорошие. Ты знаешь, что у меня здесь тридцать два двоюродных брата и сестры? Мне здесь понравилось, действительно понравилось.

Сомер улыбается.

— А что с твоим проектом?

Аша выпрямляет спину и с блеском в глазах отвечает:

— Хочешь пойти со мной в редакцию «Таймс» сегодня? Я покажу тебе, что сделала.

* * *

Сомер идет за Ашей по лабиринту отдела новостей, впечатленная тем, как уверенно ее дочь чувствует себя в этой обстановке.

Наконец они останавливаются у какой-то двери, и Аша стучится в нее.

— Мина, — говорит она, — я хочу познакомить тебя со своей мамой.

Со стула вскакивает миниатюрная женщина.

— Ах, так это и есть знаменитая доктор Тхаккар. Аша о вас очень много рассказывала. Для меня честь познакомиться с вами.

Она протягивает руку, и Сомер пожимает ее, осознавая, насколько приятно, когда в ней признают мать Аши.

Мина обращается к Аше:

— Ты уже показывала?

Улыбаясь, девушка качает головой.

— Тогда неси сюда, — говорит Мина, — я выключу свет.

— Мы засняли на камеру все интервью, которые взяли в трущобах, — поясняет Аша, ставя на стол Мины свой ноутбук. — И я смонтировала небольшой фильм.

Женщины прилипают к экрану.

Свет снова включается, а до глубины души тронутая увиденным Сомер не может произнести ни слова.

Аше удалось обнаружить надежду в месте, где ее, казалось бы, невозможно найти. Она показала неистовую материнскую любовь среди нищеты и отчаяния трущоб и подчеркнула, что благодаря этой любви мы все похожи. В конце фильма шло посвящение всем матерям, благодаря которым он был создан. Аша перечислила всех женщин поименно. Имя Сомер шло последним на отдельном кадре.

Мина прерывает молчание.

— «Таймс» печатает ее историю в следующем месяце в специальной рубрике. В начале статьи будут имя Аши и ее фотография. — Она приобнимает свою подопечную. — Ваша дочь талантлива. Мне уже не терпится увидеть, что она выдаст дальше.

Сомер улыбается, и в груди у нее расцветает гордость. *Крис был прав. Индия пошла девочке на пользу.*

— А сейчас я с удовольствием пообедала бы.. Мам, ты готова?

* * *

— Здесь просто великолепно, — шепотом говорит дочери Сомер, сидя за покрытым белой скатертью столом. — Недавно открылось?

Меню ресторана в отеле выглядит исконно флорентийским.

— Да, буквально перед моим приездом, — отвечает Аша. — Здесь шеф-повар действительно из Италии. И ресторан находится совсем рядом с домом, поэтому я сюда прихожу, когда устаю от индийской кухни.

Они просят официанта принести салаты и пасту, а сами тем временем набрасываются на корзиночку с хлебом.

— Так папа рассказал тебе новости? — спрашивает Аша.

— Наверное, нет. — Сомер сразу напрягается и начинает быстро перебирать в голове возможные варианты. — А что за новости?

— Я познакомилась с парнем. Его зовут Санджай, — весело говорит Аша. — Он умный, смешной и очень симпатичный. Знаешь, у него такие карие глаза...

— Да уж, могу себе представить, — качая головой, отвечает Сомер. — Наверняка он убийственно красив.

Они смеются и болтают, стараясь наверстать упущенное за время долгой разлуки. Когда приносят тирамису, Аша начинает извиняться:

— Мама, — говорит она, — прости меня, мне... я очень сожалею о том, что произошло между нами перед моим отъездом. Я понимаю, как тебе было неприятно...

— Милая моя, — перебивает Сомер, не дослушав, и протягивает дочери руки: — Ты тоже меня прости. Я вижу, что этот год пошел тебе на пользу. Я так горжусь тем, что ты сделала. Мне кажется, ты многому научилась и очень повзрослела.

Аша кивает.

— Знаешь, — тихо говорит она, — главное, чему я научилась, — это пониманию, что в жизни все гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. И я так рада, что приехала сюда, познакомилась с семьей, узнала свои корни. Индия — невероятная страна. Я многое здесь полюбила, и это позволяет мне чувствовать себя здесь как дома. Но в то же время тут есть и такое, от чего мне хочется отвернуться, понимаешь? — Она смотрит на Сомер. — Наверное, это звучит ужасно?

— Нет, моя дорогая. — Сомер касается дочкиной щеки тыльной стороной ладони. — Мне кажется, я тебя понимаю, — говорит Сомер как можно искреннее. Эта страна подарила ей Кришнана и Ашу — самых важных для нее людей. Но борьба с захлестнувшим ее жизнь влиянием Индии была нелегкой.

57
УТРЕННИЕ МОЛИТВЫ

Дахану, Индия, 2005 год

Кавита

С каждой ступенью этого дома на Кавиту обрушивается все больше воспоминаний. Ее ноги помнят его, будто и не было тех двадцати с лишним лет, что прошли с момента, когда она делила его с Джасу. Во время прошлых посещений Дахану и дома, в котором сих пор живут родители Джасу, Кавита ни разу не чувствовала себя так, как сейчас. Возможно, все дело во времени суток, в этом тихом часе, когда деревня еще не пробудилась ото сна и вокруг не слышно ни звука. Или дело во времени года — последние дни весны, вокруг пышно цветут деревья чику, наполняя воздух своим сладким ароматом. Но вполне может быть, дело в том, что она пришла сюда одна: не для того, чтобы навестить свекров или показать Виджаю дом его детства, а просто сама по себе. А еще, наверное, причина в самой Кавите, окончательно простившейся с матерью вчера на реке.

Кавита вышла из дома отца рано, еще до того, как проснулась сиделка. Быстро помывшись, она прихватила кое-что из мандира: дию, ароматическую палочку, четки из сандалового дерева и латунную фигурку

играющего на флейте Кришны. Кавита собиралась просто пойти на улицу, чтобы совершить утреннюю пуджу и помолиться на свежем воздухе. Но, оказавшись за пределами родного дома с хорошо знакомыми ей предметами в руках, женщина почувствовала непреодолимое желание дойти до своего старого дома. Свекры не проснутся по меньшей мере еще час, и она сможет улизнуть незаметно.

Поднявшись на каменное крыльцо, Кавита расстилает потрепанный коврик на своем обычном месте. Женщина опускается на колени лицом к востоку и по одной выкладывает принесенные с собой вещи: Кришну в центре, дию справа, палочку благовоний слева, четки прямо перед собой. Каждое движение совершается автоматически, как отработанный до совершенства ритуал. Кавита чиркает спичкой, чтобы зажечь дию. Она держит палочку благовоний над пламенем, пока она не загорается, затем взмахивает ею, и на кончике появляется тусклый оранжевый огонек. Подготовившись к пудже, Кавита выпрямляется и медленно выдыхает, словно выпуская все, что держала в себе многие годы.

Женщина расслабляется и смотрит на гипнотическое сияние огонька до тех пор, пока дыхание не становится ровным. Знакомый аромат горячего масла гхи и благовоний щекочет ноздри. Кавита видит поднимающееся над горизонтом солнце и слышит чириканье птиц где-то в кронах деревьев. Она закрывает глаза и берет в руки четки. Пальцы чувствуют каждую бусину. Кавита тихо читает мантры. Ее переполняет что-то очень мощное, готовое вырваться наружу. И в то же время Кавита ощущает пустоту. Сердце и разум женщины заполнило всепоглощающее чувство безнадежности и глубокой скорби по тому, чего она лишилась.

Кавита развеяла прах только вчера, но потеряла мать почти месяц назад. Она готовилась к печали, но в реальности все обернулось ощущением полной неприкаянности. Она уехала из деревни много лет назад, а родительский дом покинула еще раньше. Долгое время Кавита жила, ощущая себя взрослым человеком, однако потеря матери заставила ее снова почувствовать себя ребенком. Память женщины отсылает ее к таким событиям, что она и сама не поймет, когда это было: мамина прохладная рука на горячем от температуры лбу, аромат жасмина в ее волосах. *Четки между пальцев. Прохладная рука на лбу. Аромат благовоний и жасмина.*

Отца она тоже теряет. Он медленно уходит, и она это чувствует. В иные дни Кавите кажется, что дух его где-то рядом, но гораздо чаще приходят дни, когда он совсем далеко. Три дня назад дочь кормила его с ложечки рисовым пудингом, и отец назвал ее Лалитой. Когда Кавита услышала это имя, из ее глаз брызнули слезы. Это было не то имя, что она носила в течение последних двадцати пяти лет. Так называл ее только отец. И вот она снова плачет, вспомнив, как он произносил его раньше. *Лалита. Четки между пальцев. Прохладная рука на лбу. Аромат благовоний и жасмина.*

Правильно ли они сделали, уехав много лет назад от своих родных? Все могло бы сложиться иначе, если бы они не покинули дом. Они сделали это ради Виджая, но в конце концов лишились и его. Когда же она потеряла Виджая? Что стало с тем маленьким мальчиком, который играл с двоюродными братьями в пыли? Где он оставил свою невинность? Что случилось с ребенком, названным в честь победы? *Победа. Четки между пальцев. Лалита. Прохладная рука на лбу. Аромат благовоний и жасмина*

Больше двадцати лет прошло с тех пор, как она лишилась здесь двух дочерей: той, которой не дали ни имени, ни жизни, и своей любимой Уши. Мысль об Уше доставляет ей физическую боль. Не проходит и дня с момента ее рождения, чтобы Кавита не думала о дочери, не скорбела бы об утрате и не молилась, чтобы глубочайшее горе не мучило ее так сильно. Но боги не услышали ее. А может быть, еще не простили. Потому что сердце продолжало болеть. *Уша. Четки между пальцев. Победа. Лалита. Прохладная рука на лбу. Аромат благовоний и жасмина.*

Двадцать лет провела она вдали от родных. Сначала потеряла дочерей, потом сына, а теперь родителей. Единственный, кого не смогли отобрать у нее жестокие испытания, — это Джасу. Да, он много раз ошибался и принимал неправильные решения, но остался хорошим человеком. Их совместный путь был омрачен трудностями и горем, но все же они научились справляться с сожалениями и обидами, которых за жизнь набралось бы предостаточно. Они приросли друг к другу, как два дерева. Может быть, к моменту, когда настанет их с Джасу черед, им посчастливится постичь такую же любовь, какая была у ее родителей: превосходящую любые доводы разума и даже саму смерть.

Кавита думает обо всем, чего ей так и не удалось понять, даже когда она стала взрослой. Она не знает, где сейчас дочь. Она не видит, когда ошиблась с Виджаем. Ей неизвестно, узнает ли ее отец сегодня и завтра. И ей непонятно, как она будет жить без прохладной материнской руки, трогающей ее лоб. Но она знает точно, что следующие несколько дней будет заботиться об отце. А потом соберет чемодан, сядет на поезд до Мумбаи и вернется домой к Джасу.

58
ПРОЩАЛЬНЫЕ ПОДАРКИ

Мумбаи, Индия, 2005 год

Аша

— Мама снова меня обставила, — говорит Аша, наклоняясь и развязывая кроссовки.

Отец с дадимой сидят за столом, наслаждаясь второй чашкой чая за утро.

— Учти, что у нее была всего неделя на привыкание к чудесному загазованному воздуху Мумбаи, — говорит отец. — И представь, как она убежит от тебя в экологически чистой Калифорнии.

Аша садится рядом с отцом, и Кришнан легонько ее приобнимает.

— Неплохо для старушки, — присоединяется к беседе Ашина мама. Она вытирает лицо и протягивает руку к стоящему в центре стола кувшину с водой.

— Девеш, нимбу пани лаяу! — кричит дадима, обернувшись в сторону кухни. Девеш появляется со стаканом охлажденного свежевыжатого сока лайма и сахарного тростника и ставит его перед матерью Аши. С тех пор как Сомер пристрастилась к этому трудоемкому в приготовлении напитку, дадима стала постоянно держать наготове стаканчик, чтобы предложить его Сомер после утренней пробежки.

— Не называй себя старушкой! Кто же тогда в этом случае я? — смеется дадима.

Сомер пробует сок.

— Мм, вкусно. Спасибо, Сарла.

Дадима качает головой, извиняется и удаляется, оставив их втроем.

— Мам, так ты совсем отказалась от кофе? — интересуется Аша.

Сомер кивает.

— Первые две недели было тяжко, но сейчас я чувствую, что полна жизненной энергии благодаря тому, что организм не обезвожен. И совсем не скучаю по кофеину.

— У тебя потрясающе подтянутый вид, просто невероятно, — восхищается Аша и кладет ладонь на бицепс матери. — Ты занимаешься с гантелями?

— Немного. Хотя в основном это йога. Я нашла студию рядом с... ну, рядом с клиникой.

— Йога, говоришь? Может, мне тоже ходить с тобой, а то мне не помешает чуточку привести себя в форму после наетых в папиной семье лишних килограммов. Пап, правда, она выглядит обалденно? — обращается Аша к отцу.

— Да, — отвечает Крис, обмениваясь с женой хитрой улыбкой. — Да, действительно обалденно.

Отец подходит к маме со спины и целует в макушку.

— А ты знала, что мамину статью напечатали в медицинском журнале?

— Твою статью напечатали? — переспрашивает Аша.

— Ага. Что скажешь? Ты теперь не единственный писатель в семье, — с улыбкой отвечает Сомер.

* * *

— Дадима, ты точно не хочешь поехать? Я обещаю, что никому не расскажу, — говорит Аша, приподняв бровь и улыбаясь бабушке. Девушка укладывает стопку сложенных футболок в лежащий на кровати чемодан.

— Най, най, бети. Со дня кремации не прошло и двух недель. Я могу выходить из дома только в храм. К тому же старушке вроде меня не место в аэропорту. Я буду только мешаться под ногами, и вам придется приглядывать за мной как за лишним чемоданом, — с улыбкой отвечает она Аше. — Ты не беспокойся. Нимиш тебя отвезет, и Прия вроде бы тоже собиралась с вами.

— Да, — кряхтит Аша, пытаясь застегнуть переполненный чемодан. — Они приедут через пару часов. Но мне все равно хочется, чтобы ты поехала с нами.

— Ты лучше уж возвращайся поскорее, бети. На следующий год, например, а? Может быть, наша Прия наконец согласится выйти замуж.

— Не знаю, дадима. Я бы на это не рассчитывала, — усмехается Аша и садится на кровать между чемоданом и бабушкой. В воцарившейся после их дружного смеха тишине Аша глядит себе под ноги на бабушкины старческие ноги, которые за последние месяцы прошли с ней за компанию столько миль. Дадима заправляет внучке за ухо упавшую на лицо прядку волос, и от этого жеста девушка зажмуривается. Аша чувствует, как начинает плакать.

— Бети, — произносит Дадима, положив ладонь на Ашины руки, а второй рукой поглаживая внучку по голове.

— Я не знаю, как отблагодарить тебя за все. Просто не верится, что прошло целых двадцать лет, прежде чем я оказалась здесь. — Аша тяжко вздыхает и продолжает: — Я думала, что все просчитала до того, как сюда приехала, но я ошибалась относительно стольких вещей. Я чувствую, что до сих пор многого не знаю.

— Ах, бети, — говорит дадима, — такова уж взрослая жизнь. Она непостоянна и преподносит нам все новые уроки. Посмотри на меня. Мне уже семьдесят шесть, а я только учусь хорошо выглядеть в белом.

Аша выдавливает из себя улыбку.

— И это напоминание о том, что у меня для тебя кое-что есть.

— Дадима, нет! — противится Аша. — Я же только что закрыла чемодан.

Смеясь, она откидывается на кровать и вытирает слезы.

— В таком случае тебе придется взять еще один, — говорит дадима и удаляется шаркающей походкой. Она возвращается с вынутым из шкафа ящиком и садится на кровать рядом с Ашей. Порывшись в ящике, дадима достает толстую, покрытую пылью книгу и протягивает ее внучке.

Девушка проводит ладонью по синей обложке с золотыми буквами «Оксфордский английский словарь».

— Ух ты! Ему, наверное, лет пятьдесят.

— Больше, — говорит дадима. — Отец подарил мне его на выпускной около... ох, шестидесяти лет назад. Я говорила тебе, что он был англофилом. Словарь мне очень помогал, когда я давала уроки. Я знаю, ты добьешься очень многого. Пусть он лежит у тебя на столе в память о том, что я верю в тебя, как и мой отец верил в меня.

Аша кивает, а на глаза у нее опять наворачиваются слезы.

— Я обещаю, — шепчет она.

— И вот еще. — Дадима дает Аше прямоугольную бархатную коробочку голубого цвета. Девушка открывает замочек и откидывает крышку. Увидев то, что лежит внутри, она отступает на полшага от изумления. Это комплект золотых украшений насыщенного желтого цвета, инкрустированных ярко-зелеными изумрудами. Колье, серьги и четыре браслета. Аша смотрит на бабушку, слегка приоткрыв рот.

Дадима пожимает плечами.

— Какой прок от украшений в моем возрасте? Ни на какие торжества ходить я больше не собираюсь. А их подарили мне в день моей свадьбы.

— О, дадима, но разве тебе не хочется оставить их на память? — спрашивает Аша, с удивлением глядя на бабушку.

Дадима качает головой.

— По нашей традиции, этот комплект должен перейти к моей дочери. Я хочу, чтобы они были у тебя. Дададжи хотел бы того же.

Аша кивает, глядя на ослепительно сверкающие украшения.

— К тому же они так мило на тебе смотрятся, — добавляет дадима, поднося одну из сережек к мочке Ашиного уха. — Подчеркивают твои чудесные глаза.

Они обнимаются, и дадима тихо спрашивает:

— Ты расскажешь родителям о том, что узнала в приюте, бети?

Они выпускают друг друга из объятий, Аша вытирает слезы и кивает.

— Когда приедем домой. Я не знаю, как они это воспримут, особенно мама, но они заслуживают того, чтобы знать правду.

Дадима обхватывает своими сухими прохладными руками лицо внучки и говорит:

— Да, мы все этого заслуживаем, бети.

59
ВОЗВРАЩЕНИЕ НАДЕЖДЫ

Мумбаи, Индия, 2005 год

Сомер

Сомер собирает вещи, и в этот момент кто-то стучит в дверь.

— Заходи, — бросает она не поворачиваясь, ожидая увидеть Ашу.

Но вместо нее в комнату заходит мать Криса с большой коробкой в руках.

— Здравствуй, бети! Я вам кое-что принесла.

— О, а Кришнан только что убежал вниз попрощаться с кем-то из соседей.

— Это неважно, — говорит Сарла и кладет на кровать что-то большое, завернутое в тонкую белую ткань. — Они не для него, а для тебя.

Сомер убирает чемодан и садится на кровать рядом со свекровью. Между ними лежит большой сверток. Сарла развязывает веревку и разворачивает сложенную в несколько слоев белую ткань, которая оказывается не чем иным, как богато украшенными сари насыщенных оттенков.

— Я хочу подарить их тебе. Остальные я отдала на благотворительность, но мне бы хотелось, чтобы

именно эти — я надевала их на разные свадебные церемонии — остались в семье, — говорит дадима и кладет обе руки на стопку сари. — Я знаю, что ты не носишь индийскую одежду, так что ты можешь использовать их в качестве покрывал или занавесок, если сочтешь нужным. Я не возражаю, — смеется Сарла.

Сомер разворачивает сари насыщенного желто-оранжевого цвета, лежащее в стопке сверху, и проводит ладонью по гладкому шелку, украшенному орнаментом по краю. Оно удивительное. Цвета заката.

— Это было бы непростительно. Я хотела бы носить их, хотя бы попробовать, не знаю как, но...

— Аша может тебе показать. — Улыбка Сарлы делает морщинки у рта глубже.

— Спасибо. Я понимаю, как они важны. Обещаю, что буду беречь их, — с чувством отвечает Сомер. — Я очень вам за это признательна и... благодарна за то, как вы заботились об Аше весь прошлый год.

— Что ж, — Сарла накрывает ладонью руку Сомер, — никто не заменит мать, но я старалась заботиться о ней, пока тебя не было рядом. Она удивительная девушка. В ней много твоего. Ты можешь гордиться тем, как воспитала ее.

— Спасибо, — со слезами на глазах отвечает Сомер. Скрипнув, открывается дверь, и на пороге комнаты появляется Кришнан. — Но, как вы знаете, в этом не только моя заслуга, — смеясь, добавляет Сомер и кивает на дверь. — Ваш сын тоже кое-чего заслужил.

— Да, отдайте мне, пожалуйста, то, что я заслужил. Что я на этот раз натворил? — спрашивает Кришнан.

— Ничего. Абсолютно ничего. Заходи, садись, — говорит Сарла.

Сомер поднимает кипу сари и переходит в другую часть комнаты, а Кришнан садится на ее место. Она раздумывает, не стоит ли ей вовсе оставить мужа наедине с матерью, но Сарла обращается к ним обоим.

— Я знаю, что у вас там, в Калифорнии, есть много водоемов, — произносит она. — Может быть, вам удастся найти подходящий. Какое-нибудь спокойное местечко, которое понравилось бы твоему папе. — Она дает Крису маленький сосуд с серым пеплом. — Чтобы вы могли бы развеять там его прах.

С противоположного конца комнаты Сомер видит, как опускаются плечи Криса, когда он принимает у матери сосуд.

— Часть мы развеем здесь над морем, когда придет время, но... — Подбородок Сарлы выступает вперед, а глаза сверкают, когда она смотрит на сына. — Но он всегда так гордился тем, что ты там. И это тоже тебе. Он немного староват, но все еще работает. — Сарла достает из ящика видавший виды стетоскоп.

Сомер сразу же узнает медицинский прибор, который отец Криса носил на себе каждый день во время их прошлого приезда. Он не расставался с этим стетоскопом и частенько не снимал его даже за ужином. Кришнану в его нынешней работе он вряд ли пригодится. Возможно, он не пользуется стетоскопом уже несколько лет, но Сомер понимает ценность этого подарка.

— Ты уверена? Не хочешь оставить его... — говорит он, вертя стетоскоп в руках.

Сарла закрывает глаза.

— Да, бета, я уверена. Свои желания он выражал предельно ясно.

* * *

Еще час до посадки в самолет они сидят в зале ожидания аэропорта. Кришнан пьет последнюю чашку настоящего индийского чая, а Сомер с Ашей потягивают тоник с лаймом.

— Сегодня утром мама научила меня приветствовать солнце, — говорит Аша Крису. — Надо было и тебе с нами. Пока мы долетим до дома, у тебя все тело затечет и заболит, а нам будет гораздо легче.

Крис с улыбкой качает головой и снова погружается в чтение газеты.

— Ты знаешь, я подумываю о двухнедельном йога-паломничестве на следующий год, — говорит Сомер.

— Класс! Куда? — загорается Аша.

— В Майсур.

Крис отрывается от газеты, они с Ашей переглядываются, а потом оба недоверчиво смотрят на Сомер.

— Майсур... в Индии? — уточняет Крис.

— Да, — отвечает Сомер, — Майсур, Индия. У них там большой паломнический центр. Я разговаривала об этом со своим инструктором. Она считает, что я почти готова.

Улыбка медленно расплывается по ее лицу. Первый раз она приехала в Индию ради Аши. В этот раз — ради Кришнана. Возможно, следующий раз будет ради нее самой.

— Может, у нас получится превратить это в семейное путешествие.

— О да, — восклицает Аша, — это было бы замечательно!

— Вот только тебе, — Сомер протягивает руку, чтобы погладить животик мужа, — придется привести себя в форму, чтобы от нас не отставать.

И все трое покатываются со смеху.

Аша закидывает руки за голову и зевает.

— Не хочу я лететь, — жалуется девушка. — Двадцать семь часов? Это будет самый долгий отрезок времени, что мы проводили вместе. — Она указывает на сидящую на стуле слева от себя Сомер и на разместившегося справа Криса.

— Ну, не совсем так, — возражает Сомер. Крис во все глаза смотрит на жену сквозь свои двухфокусные очки, Аша тоже глядит на мать, наморщив лоб. — Как мне кажется, мы уже совершали такой перелет лет двадцать назад, правда?

Кришнан усмехается. Аша улыбается и шутливо тычет отца кулаком в плечо.

* * *

Сомер сидит, откинувшись в кресле самолета, и смотрит через иллюминатор, как внизу в темноте ночи постепенно тают мерцающие огни Мумбаи. В кресле рядом с ней уже почти спит Аша, положив голову вместе с подушкой на мамины колени, а ноги — на колени отца. Родителям тоже надо поспать, но Сомер, как и Крису, не хочется беспокоить Ашу. Муж протягивает жене руку, и она вкладывает в нее свою. Супруги держатся друг за друга, а между ними спит Аша, и все точно так же, как было в тот первый перелет.

60
ОЧЕНЬ ХОРОШО

Мумбаи, Индия, 2009 год

Он держит в руке клочок бумаги и напряженно сравнивает нацарапанные на нем слова с красными буквами на дверной табличке. Несколько раз переведя взгяд с бумажки на дверь и обратно, он понимает, что не ошибся, и нажимает кнопку звонка. За дверью раздается пронзительное дребезжание. Пока тянется ожидание, он проводит рукой по медной пластинке, ощупывая пальцами четкие грани выпуклых букв. Дверь резко распахивается, он отдергивает руку, а затем достает и протягивает девушке, которая открыла дверь, еще одну записку. Прочитав ее, она поднимает на него глаза и пропускает в дом.

Легким кивком головы девушка приглашает его следовать за ней по коридору. Он идет, на ходу приглаживая седеющие волосы и проверяя, не задралась ли футболка на наметившемся животе. Они заходят в кабинет, и девушка указывает ему на стул. Он садится, сцепив пальцы.

— Меня зовут Арун Дешпанде, — представляется сидящий за столом мужчина в тонких очках. — Мистер Мерчант, верно?

— Да, — отвечает Джасу, откашлявшись, — Джасу Мерчант.

— Как я понимаю, вы кого-то ищете.

— Да, мы — моя жена и я — мы не хотим никому создавать лишних проблем. Нам просто хотелось бы узнать, что стало с маленькой девочкой, которая поступила сюда двадцать пять лет назад. Ее звали Уша. Мерчант. Мы только хотим удостовериться, осталась ли... то есть узнать, что с ней стало.

— Почему именно сейчас, мистер Мерчант? Прошло двадцать пять лет. Почему только сейчас? — спрашивает Арун.

Джасу чувствует, как заливается краской, и смотрит на свои руки.

— Моя жена, — тихо говорит он, — она очень плохо себя чувствует... — В этот момент он представляет себе лежащую в постели Кавиту, мучимую жаром и беспрерывно повторяющую: *«Уша... Шанти... Уша»*. Поначалу он решил, что жена молится. Но както ночью она схватила его за руку и сказала: «Иди, найди ее». Позвонив по телефону Рупе, Джасу узнал правду о том, что произошло двадцать пять лет назад, и понял, о чем просила его Кавита. Сейчас он подыскивает нужные слова, чтобы объяснить сидящему перед ним человеку. — Я хочу немного успокоить ее, пока еще не поздно.

— Конечно. Однако вы должны уяснить, что прежде всего мы защищаем интересы детей, даже если они уже стали взрослыми. Но я поделюсь с вами сведениями, которыми располагаю.

Он достает из ящика стола папку.

— Я видел эту девушку несколько лет назад. Сейчас ее зовут Аша.

— Аша, — повторяет Джасу, медленно кивая. — Так, значит, она до сих пор живет где-то поблизости?

Мужчина за столом отрицательно качает головой.

— Нет. Сейчас она живет в Америке. Ее удочерили. Пара врачей.

— Америка? — недоверчиво произносит Джасу, будучи не в состоянии сразу поверить в слова Дешпанде. Но, смирившись, он повторяет уже тише: — Америка...

Широкая улыбка медленно озаряет его лицо.

— Акча. Вы сказали, врач?

— Ее родители — врачи. Сама она — журналистка. По крайней мере, была, когда приезжала сюда.

— Журналистка?

— Да, она пишет статьи для газет и журналов, — поясняет Арун, показывая вчерашний номер «Таймс». — На самом деле в этой папке лежит одна из ее статей. Она прислала ее мне после того, как уехала.

— Акча, очень хорошо, — медленно качает головой Джасу и берет у господина Дешпанде газетную вырезку. Еще никогда в своей жизни Джасу не испытывал столь страстного желания уметь читать.

— Знаете, она приезжала сюда несколько лет назад, чтобы найти вас, — говорит директор, снимая очки и намереваясь протереть стекла.

— Чтобы найти... меня?

— Ну да, вас обоих. Ей было интересно узнать что-нибудь о своих биологических родителях. Она очень интересовалась. И была весьма настойчива.

Мужчина снова надевает очки и, сощурившись, смотрит сквозь стекла на Джасу.

— Вы хотели узнать что-то конкретное, мистер Мерчант? Что именно вы собирались выяснить?

На лице Джасу появляется еле заметная грустная улыбка. Что именно он собирался выяснить? Он пришел сюда ради Кавиты, конечно. Но это еще не все. В прошлом году ему позвонили из полиции, чтобы он вызволил из заключения Виджая. И Джасу сильно ругал сына, ударил его по лицу и толкнул его. На это Виджай ухмыльнулся и велел отцу больше о нем не беспокоиться, потому что в следующий раз из беды его выручат друзья. За последний месяц, что Кавита прикована к постели, их мальчик пришел навестить мать лишь однажды. Джасу мелко трясет головой, глядя на статью.

— Нет, ничего конкретного. Я только хотел узнать, как сложилась ее судьба. Не всем, что я сделал в жизни, можно гордиться, но... — Слезы набегают на глаза Джасу, и он откашливается. — Но ведь у этой девочки все благополучно?

— Мистер Мерчант, — говорит Арун, — здесь есть еще кое-что. Он достает из папки конверт и протягивает его Джасу. — Хотите, я прочитаю вам, что здесь написано?

* * *

Спящая Кавита выглядит умиротворенной, когда морфин облегчает ее страдания. Джасу садится на стул рядом с ней и берет ее исхудавшую руку.

От прикосновения она резко открывает глаза и облизывает пересохшие губы. Кавита видит мужа и улыбается.

— Яну, ты вернулся, — медленно произносит она.

— Я был там, чакли.

Он старается сдерживать себя, но слова льются сами собой.

— Я ходил в «Шанти», в этот приют. Сотрудник знает ее, он ее *видел*, Кави. Теперь ее зовут Аша. Она выросла в Америке, родители девочки — врачи, а она пишет статьи в газеты. Вот, посмотри, это ее. Она сама написала эту статью. — Он машет перед женой газетной вырезкой.

— Америка, — чуть слышно шепчет Кавита. Она закрывает глаза, и слеза скатывается у нее по щеке. — Так далеко от дома. Все это время она была так далеко от нас.

— Ты очень хорошо тогда поступила, чакли. — Он гладит жену по стянутым в свободный узел волосам и смахивает ее слезы своими грубыми пальцами. — Только представь, что было бы... — Он качает головой, держа руку Кавиты в своих ладонях. Джасу роняет голову и начинает плакать. — Очень хорошо...

Муж снова поднимает глаза на Кавиту и продолжает:

— Она приезжала и искала нас, Кави. Она оставила вот это. — Джасу дает жене письмо. Слабая улыбка появляется на лице Кавиты. Она всматривается в листок бумаги, пока муж читает ей по памяти.

«Меня зовут Аша...»

СЛОВАРЬ ИНОСТРАННЫХ СЛОВ

Агни — бог огня

Айя — нянечка-служанка

Акча — о'кей, хорошо

Арре — восклицание, близкое по значению к «о боги!»

Аша — женское имя, в переводе означающее «надежда»

Ба — мать

Бамия — разновидность индийских овощей

Бапу — отец

Баттхау — покажи

Бен, бена — выражение уважительного отношения, дословно означающее «сестра»

Бенган бхарта — карри с баклажаном

Бети, бета — выражение нежности, привязанности, означающее «дорогой/дорогая»

Бинди — точка на лбу индианки, которая наносится с помощью косметического средства или в виде стикера

Бирьяни — рисовое блюдо

Бринджал — баклажан

Бхагван — бог

Бхаджи — острое индийское блюдо из овощей

Бхаи, бхайя — выражение уважительного отношения, дословно означающее «брат»

Бхат — рис

Бхел пури — салат из воздушного риса, помидоров, лука, картофеля, хрустящей лапши и орехов

Бхой — очень

Валла — продавец, торговец
Гарам — горячий
Гарам масала — смесь специй
Гулаб джамун — индийская сладость
Дада, дададжи — дедушка со стороны отца (отец отца)
Дади, дадима — бабушка со стороны отца (мать отца)
Дайджи — акушерка, повитуха
Дал — чечевичный суп, основное блюдо индийской кухни
Дези — разговорное слово, обозначающее индийца
Джалди — быстро
Джалеби — индийская сладость
Джамаан — жених
Джанджари — серебряный анклет
Дивали — фестиваль огней
Дия — фонарик/лампа в земляном горшочке с хлопковым фитильком в масле гхи
Дох — два
Дхабавала — разносчик еды (вторых завтраков)
Дхикри — дочь
Дхоти — традиционный вид мужской одежды. Представляет собой прямоугольную полосу ткани длиной 2—5 м, обертываемую вокруг ног и бедер с пропусканием одного конца между ног
Ек — один
Зари — серебряная или золотая вышивка
Идли — пряные паровые лепешки в Южной Индии
Кабадди — командная игра
Кали — богиня разрушения
Кандживарам — разновидность шелка
Качори — пряные жареные лепешки
Кичри — простая каша из риса и чечевицы
Коби-бхаджи — капуста
Корма — овощное рагу в сливочно-ореховом соусе
Кроре — десять миллионов рупий
Курица «махани» — курица в масле
Курро — сделай

Курта-паджама — свободная домашняя одежда

Кхуш — счастливый

Лагаан — свадьба

Ладду — индийская сладость

Лакх — десять тысяч рупий

Латха — бамбуковая палка длиной от одного до трех метров с металлическими наконечниками на концах

Лаяу — принеси мне

Ленга — индийский женский костюм из юбки и верха

Мандир — индуистский храм

Мантра — священный текст

Масала доса — острый блинчик в Южной Индии

Мендхи — хна

Наан — лепешка, выпекаемая в глиняной печи

Най — нет

Намасте, намаскар — общеиндийский жест приветствия, благодарности, молитвы или уважения, когда ладони складываются вместе перед собой

Намкаран — церемония имянаречения

Паан — завернутая в листья бетелевой пальмы начинка для пережевывания, помогает пищеварению

Пакора — овощи, обжаренные в кляре

Пандит — индуистский священник

Пав-бхаджи — овощное карри, часто продается уличными торговцами

Писта — фисташки

Пуджа — религиозный обряд

Раас-Гарба — танец гуджаратцев

Рупия — национальная валюта Индии

Сааг панир — карри из шпината и сыра

Сабзи — блюдо с большим количеством зелени

Сабзивалла — торговец овощами

Сальвар камиз — индийский национальный костюм

Самбар — острый дал или чечевичный суп в Южной Индии

Самоса — острые жареные пирожки

Сари — традиционная женская одежда в Индии в виде куска ткани около восьми метров длиной, обернутого вокруг тела

Сассу — свекровь

Семена бетелевой пальмы — жесткие семена, которые пережевывают в качестве дижестива

Сингх-дхана — арахис

Слоки — религиозные песнопения на санскрите

Сундхур — милый

Табла — небольшой барабан

Тандури — что-то запеченное в тандуре — открытой глиняной печи

Тиндора — разновидность индийского овоща

Тиффин — судок из нержавеющей стали для переноса различных блюд, как правило, доставляемых к обеду

Тхали — большое блюдо из нержавающей стали или серебра для подачи блюд

Уша — женское имя, означающее «рассвет»

Хан, ханджи — да

Хиджра — трансвестит

Чаат — закуска

Чаи — чай

Чакли — птичка

Чалло — пойдем

Чапати — традиционная лепешка

Чаппалы — сандалии

Чатни — традиционные индийские соусы

Яар — сленговое слово, обозначающее друга

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог 5

Часть I

1. Начало скорби 9
2. Чисто 13
3. Больше никогда 18
4. Легко и просто 23
5. Долгая дорога 32
6. Справедливое допущение 37
7. «Шанти» 42
8. Без вариантов 47
9. Утешение 53
10. Большое дело 57
11. Потрать и сэкономь 64
12. Разобраться, что к чему 67
13. Амбиции 73
14. Сезон дождей 78
15. Победа 83
16. Обида 88
17. Уже привязалась 95
18. Серебряные колокольчики 101
19. Материнский инстинкт 107

Часть II

20. Шакти 113
21. Хрупкая гармония 121
22. «Голд Спот» 127
23. Возблагодари 140
24. Послеобеденный отдых 148
25. Просрочка 157
26. Шестнадцать лет 164
27. Ужасные осложнения 175

Часть III

28. Родительские выходные 185
29. Настоящая жизнь 190
30. Часть ее личности 196
31. Как всегда 206
32. Смена курса 211
33. Добро пожаловать домой 218
34. Брат и сестра 226
35. «Индия таймс» 231
36. В руках богов 240
37. Настоящая индийская красавица 247
38. Все ускользает 256
39. Обещание 262
40. Порознь 270
41. Две Индии 280
42. Одно лишь сожаление 291
43. Марин-драйв 297
44. Пляж Чоупатти 309
45. Очередная ложь 314

Часть IV

46. Отец не может забыть 323
47. Когда-то давно 327
48. «Революция» 336
49. Единственное безопасное место 342
50. Великая сила любви 352
51. Индия-мать 358
52. По-прежнему хорошо 369
53. Дело семьи 380
54. Необычайно спокойно 386
55. Это и есть семья 392
56. Через океан 397
57. Утренние молитвы 405
58. Прощальные подарки 409
59. Возвращение надежды 415
60. Очень хорошо 420

Словарь иностранных слов 425

АРКАДИЯ

Литературно-художественное издание

Для лиц старше 16 лет

Шилпи Сомайя Гоуда

ТАЙНАЯ ДОЧЬ

Генеральный директор *Мария Смирнова*
Главный редактор *Антонина Галль*
Ведущий редактор *Елена Ступненкова*
Художественный редактор *Александр Андрейчук*

Издательство «Аркадия»
Телефон редакции: (812) 401-62-29
Адрес для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 21

Подписано в печать 17.12.2018.
Формат издания 84×108 $^{1}/_{32}$. Печ. л. 13,5. Печать офсетная.
Тираж 5000 экз. Дата изготовления 16.01.2019. Заказ № 1807220.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
arvato предоставленного электронного оригинал-макета
BERTELSMANN в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

По всем вопросам, связанным с приобретением книг
издательства, обращаться в ТД «Лабиринт»:
тел.: (495) 780-00-98
www.labirint.org

Заказ книг в интернет-магазине «Лабиринт»:
www.labirint.ru

16+